

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

А.А. Тишкин, П.К. Дашковский

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ АЛТАЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

*Рекомендовано УМС по истории и искусствоведению
УМО по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 020700 – история*

Издательство Алтайского
университета
Барнаул – 2004

ББК 63.4(2Рос-4Алт)

Т473

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **В.И. Матюценко** (г. Омск);
доктор исторических наук, профессор **А.И. Мартынов** (г. Кемерово);
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов** (г. Санкт-Петербург);
кафедра отечественной истории Барнаульского
государственного педагогического университета

Тишкин А.А.

Т473 Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: Учебное пособие / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 238 с. + вкл.
ISBN 5-7904-0355-7

Учебное пособие посвящено обзору имеющихся разработок по основным аспектам изучения культуры населения Алтая скифского времени, изложенных представителями как отечественной, так и зарубежной науки. Этот материал дополняется отдельными положениями авторских концепций о жизнедеятельности носителей бийкенской, майэмирской и пазырыкской культурных традиций с учетом общ исторических процессов, в которые были вовлечены древние обитатели Алтая. Имеющиеся данные позволили детально рассматривать проблемы культурно-хронологического характера, реконструкцию социально-экономических отношений и демографической ситуации, быта, занятий, жизненного уклада, а также систему религиозно-мифологических и мировоззренческих представлений.

Рассчитано на студентов и аспирантов исторических факультетов Сибири, а также может использоваться преподавателями, школьниками и всеми, интересующимися древней историей Алтая.

Учебное пособие подготовлено в рамках осуществления НИР кафедры археологии, этнографии и источниковедения по теме «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье» и при поддержке РФФИ (проект №02-06-80342 «Комплексное исследование этногенетических процессов на Алтае в период формирования и развития кочевых культур»).

ISBN 5-7904-0355-7

© Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004

© Алтайский государственный университет, оформление, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Раздел I. Начальный этап накопления материалов по скифской эпохе Алтая	7
Раздел II. Результаты деятельности С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева и С.С. Сорокина в ходе изучения скифской эпохи Алтая	23
Раздел III. Характеристика концепций современных исследователей скифской эпохи Алтая	61
Раздел IV. Основные тенденции в изучении памятников скифской эпохи Алтая	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
ПРИЛОЖЕНИЯ	132
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	194
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	230
SUMMARY	233

ВВЕДЕНИЕ

История человечества насчитывает многие сотни тысяч лет, на протяжении которых происходили изменения в материальной и духовной жизни различных обществ. Одной из ярких страниц этого процесса является скифская эпоха. Она охватывает значительную часть I тыс. до н.э., когда на обширной территории Евразии многочисленные древние племена перешли к кочевому и полукочевому степному скотоводческому хозяйству, создав при этом особый уклад, образ жизни, своеобразный комплекс предметов материальной культуры, неподражаемое искусство, систему мировоззрений, отношений и т.д. (Грязнов М.П., 1978, с. 9).

Процесс складывания культур скифского облика начался в конце бронзового века. Под влиянием естественно-географических, социально-экономических и исторических причин многие народы стали развивать экстенсивное скотоводство, осваивая при этом значительные пространства степей, полупустынь и пустынь (Таиров А.Д., 1993, с. 3; 2003). В разных регионах (или культурно-исторических областях) формировался свой особенный вариант комплексного хозяйствования, основанный на подвижном образе жизни людей и перемещении скота в целях рационального использования в течение года наиболее удобных пастбищ, а также занятия охотой, рыболовством, собирательством и другими видами деятельности (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 581–582).

В настоящее время принято считать, что скифская эпоха Горного Алтая включает в себя два периода: **бийкенский** (раннескифский или аржано-майэмирский) – конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э. и **пазырыкский** (скифо-сакский или скифо-сибирский) – VI–II вв. до н.э., в рамках которых соответственно демонстрируются одноименные археологические культуры с обозначением внутри них этапов, локальных вариантов и других характерных показателей для всякого рода схем.

История научного изучения скифской эпохи Горного Алтая насчитывает уже полтора столетия. К настоящему времени исследовано более 200 объектов бийкенской и свыше 600 курганов пазырыкской культуры. Накопленные материалы позволили специалистам детально рассматривать проблемы культурно-хронологического характера, ре-

конструировать социально-экономические отношения и демографическую ситуацию в разных обществах, быт, занятия, а также систему религиозно-мифологических и мировоззренческих представлений того далекого времени и многое другое (Грязнов М.П., 1950; Киселев С.В., 1951; Руденко С.И., 1953; Черников С.С., 1965; Суразаков А.С., 1988а; Марсадолов Л.С., 1996а; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Полосьмак Н.В., 2001а; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; и др.).

Предлагаемое учебное пособие посвящено подробному обзору основных разработок и концепций о культурном развитии населения Горного Алтая скифского времени, опубликованных представителями как отечественной, так и зарубежной науки. Этот материал дополняется отдельными авторскими положениями, раскрывающими особенности жизни и деятельности кочевников с учетом общеисторических процессов.

Пособие «Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая» неразрывно связано с уже изданной хрестоматией (Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: Хрестоматия / Сост. А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 236 с.), в которой систематизированы отобранные фрагменты из монографий и отдельных статей, дающие целостное представление об особенностях развития материальной и духовной культуры номадов Алтая скифской эпохи в процессе взаимодействия их с соседними обществами и с цивилизациями Передней Азии и Китая. Учебно-методические рекомендации, комплекс дополнительных указаний, темы рефератов и докладов, а также вопросы для контрольной проверки усвоения материала и задания способствуют закреплению и эффективному использованию полученных знаний.

В настоящем пособии особо следует обратить внимание на иллюстративную часть. Она органически дополняет содержание. В рисунках и таблицах отражены наиболее показательные черты материальной культуры и искусства кочевников Алтая. Приводятся карты-схемы с указанием расположения памятников и территории распространения культур скифской эпохи на Алтае и сопредельных территориях. Предложен довольно большой библиографический список по обозначенной теме. Использование этих данных позволит существенным образом расширить информационное содержание любого раздела. В то же время

авторы не ставили своей целью дать исчерпывающий обзор имеющейся литературы и источников, что вряд ли было бы оправданным для такого рода издания. Часть сведений отражена в специально подготовленном и опубликованном библиографическом указателе (Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: Библиографический указатель: В 2-х ч. / Сост. П.К. Дашковский, А.А. Тишкин, Т.Б. Ухналева. Ч. I: Скифо-сибирский мир (1961–2002 г.); Ч. II: Скифская эпоха Алтая (1949 – апрель 2003 г.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003).

Приоритетное внимание в пособии уделено нескольким блокам проблем в рамках этнокультурной истории, реконструкции социально-экономических процессов и системы мировоззрений, что отражено также в монографии «Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи» (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003). В настоящем издании они будут представлены в общем виде, а также через изложение биографических справок об отдельных ученых. Такой подход обеспечивает понимание многих вопросов и проблем, существовавших в различные периоды становления и развития археологической науки в нашей стране. Знакомство со сведениями биографического характера, на наш взгляд, будет способствовать лучшему пониманию специфики археологической деятельности и укажет на основные моменты, послужившие причинами осуществления тех или иных исследований.

Книга рассчитана, с одной стороны, на удовлетворение потребности общественности в расширенном знакомстве с основными результатами изучения культуры населения Горного Алтая IX–II вв. до н.э., а с другой – на систему среднего и высшего образования при реализации соответствующего курса или интеграции его отдельных разделов в преподавание исторических и других гуманитарных дисциплин. Материалы пособия, хрестоматии и библиографического указателя могут широко использоваться учащимися лицеев, гимназий, колледжей, а также студентами и аспирантами вузов в процессе их исследовательской деятельности.

Авторы выражают благодарность В.Д. Кубареву, Л.С. Марсадолову, В.А. Могильникову и Д.Г. Савинову за информацию биографического характера, нашедшую определенное отражение в настоящем издании.

Раздел I

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП НАКОПЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПО СКИФСКОЙ ЭПОХЕ АЛТАЯ

Открытия археологических памятников на Алтае были связаны во многом с поиском полезных ископаемых в этом регионе. Первые указания русских источников на существование здесь остатков древнего горно-металлургического производства, а также сведения о природно-ландшафтных особенностях региона и культуры аборигенного населения относятся к XVI–XVII вв. (Демин М.А., 1980, 1981, 1986, 1989; Уманский А.П., 1999).

После походов Ермака и разгрома Сибирского ханства началось многоэтапное освоение Сибири разноэтничными народностями (Уманский А.П., 1966, 1999). На Алтае активно реализовывалась рудоискательная деятельность (Бородаев В.Б., Контев А.В., 1999). Переселенцы знакомились с социально-хозяйственными укладами, обрядами и обычаями местных жителей (Кызласов Л.Р., 1962, с. 43–44), приспосабливались к новым условиям. Однако часть людей в силу ряда причин не смогли обеспечить себе достаточное материальное благосостояние и обратились к раскопкам древних могил с целью отыскания в них драгоценного металла и различных поделок. Постепенно к поиску в Сибири «могильного золота» присоединились и чиновники царской администрации. Они организовывали группы кладоискателей-«бугровщиков» и присваивали немалую долю найденных ценностей. Обнаруженные вещи продавались купцам, путешественникам, предпринимателям. Тайное «бугрование» курганов продолжалось с середины XVII в. до 20-х гг. XX в. (Демин М.А., 1989, с. 10).

В 1715 г. уральский горнозаводчик А.Н. Демидов подарил второй жене Петра I, Екатерине, по случаю рождения царевича золотые украшения (Кызласов Л.Р., 1962, с. 46), найденные, возможно, в курганах из предгорий Алтая (Кубарев В.Д., 1991, с. 6), где располагаются грандиозные сооружения скифской эпохи (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 8).

В 1716 и 1717 гг. сибирский губернатор М.П. Гагарин по поручению царя прислал в Петербург две небольшие партии золотых предметов (Кызласов Л.Р., 1962, с. 47; Завитухина М.П., 1971, 1974, 1977), которые в совокупности с поступлением от А.Н. Демидова составили

знаменитую Сибирскую коллекцию Петра I (Руденко С.И., 1962; Матвеев А.В., 1992), переданную в Кунсткамеру – первый российский музей, основанный в 1727 г. Аналогичную по составу, но значительно меньшую по объему коллекцию сибирских золотых вещей собрал в свое время голландский государственный деятель и ученый Н.К. Витзен (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2001). Однако она сохранилась только в рисунках в посмертном издании в России его книги (Степная полоса..., 1992, с. 161).

Надо отметить, что в науке сложилось несколько точек зрения на проблему происхождения указанных собраний. Так, М.П. Грязнов, а вслед за ним и другие ученые, считал, что предметы из коллекций Петра I и Н. Витзена «найжены в курганах приалтайских степей между р. Обью и Иртышом и в основной своей массе относятся к эпохе ранних кочевников» (Грязнов М.П., Булгаков А.П., 1958, с. 5–6). С.И. Руденко (1962, с. 37) полагал возможным расширить область происхождения этих вещей до р. Ишим на западе, Горного Алтая на востоке, предгорий Тарбагатая, и возможно, северного Тянь-Шаня – на юге. Л.С. Клейн указывал на то, что основная масса изделий, вероятно, собрана в степных и лесостепных районах от Притоболья на западе до междуречья Иртыша и Оби на востоке (Матвеев А.В., 1992, с. 161).

В свое время Н.И. Веселовский, А.П. Манцевич и С.И. Капошина выдвигали версии о «несибирском» происхождении коллекции Петра I. Они указывали на возможность изготовления таких предметов в Пантикапее или на Балканском полуострове. Дискуссионность подобных утверждений уже подробно представлена в научной литературе (Засецкая И.П., 1989; Матвеев А.В., 1992, с. 161–163; и др.).

Многие исследователи отмечали определенную близость между Сибирской коллекцией и материалами из погребений Горного Алтая, Амударьинского клада, памятников Иссык, Тиллятепе, Тулхара, некоторых могильников Бактрии (Руденко С.И., 1961а; Артамонов М.И., 1973; Сарияниди В.И., 1989, с. 153–156; Переводчикова Е.В., 1994, с. 128–136; Матющенко В.И., Татаурова Л.В., 1997, с. 100–102; и др.). Более того, В.И. Сарияниди, учитывая одновременность и близость предметов из коллекции Петра I и Амударьинского клада, пришел к выводу, что «большая часть рассматриваемых эрмитажных изделий имеет восточно-иранское происхождение, а бактрийский центр представляется наиболее вероятным местом их производства». Тем са-

мым ученый еще раз попытался обосновать гипотезу М.И. Ростовцева об иранском происхождении коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже (Сарианиди В.И., 1989, с. 154–155). Е.В. Переводчикова (1994, с. 128–138), затрагивая эту же проблему, указала на то, что анализ Сибирской коллекции и Амударьинского клада, а также материалов из курганов пазырыкской культуры Горного Алтая позволяет проследить переплетение и особенности китайской и ахеменидской художественной традиций. К аналогичному выводу пришли В.И. Матюшенко и Л.В. Татаурова (1997, с. 102) после изучения находок в саргатских курганах украшений, выполненных в «зверином стиле».

Попытку подробно рассмотреть и обосновать «сибирскую» версию происхождения коллекции Петра I предпринял А.В. Матвеев (1992). В результате анализа истории сибирского «бугрования» он пришел к выводу, что, по крайней мере, часть вещей из этой коллекции происходит из курганов саргатской культуры Западной Сибири. При этом одним из основных районов ее формирования ученый считает Тоболо-Иртышье, т.е. тот регион, где сосредоточена основная масса курганов саргатской культуры раннего железного века.

В 1-й половине XVIII в. в государственные учреждения Петербурга приходили сообщения о многочисленных находках древностей (Кызласов Л.Р., 1962; Демин М.А., 1980; и др.). Размах разграбления курганов и переплавка изделий приобрели широкие масштабы. Указы Петра I в 1717 г. и в 1722 г., а также распоряжение сибирского губернатора в 1727 г. о запрещении такого вида деятельности не смогли полностью прекратить этот промысел (Авдусин Д.А., 1980; Демин М.А., 1989, с. 7).

В то же время было организовано всестороннее научное изучение Сибири. Значительный вклад в это дело внесли участники естественно-научных экспедиций Российской академии наук: Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, И.П. Фальк и другие ученые. Они давали описание древнего горного и металлургического производства, раскапывали курганы, фиксировали наскальные рисунки, каменные изваяния, скупали у «бугровщиков» находки из древних захоронений и т.д. (Дмитриева Е.Н., Левашова В.П., 1965, с. 225–231; Розен М.Ф., 1977, с. 23–26; Демин М.А., 1977, с. 28–30; Белокобыльский Ю.Т., 1986; Алехин Ю.П., 1999, с.18–19; и др.).

Некоторые из исследователей пытались на определенном уровне обобщить имеющиеся археологические данные. Д.Г. Мессершмидт

и Г.Ф. Миллер отмечали хронологическую неоднородность древних памятников, основывая свои выводы на анализе материала, из которого изготовлялся погребальный инвентарь. Они разделили дорусскую историю Сибири на два этапа: эпоха меди и эпоха железа (Демин М.А., 1977, с. 28). П.С. Паллас разработал классификацию погребений, археологически обосновал этническую близость первобытных обитателей Сибири и Венгрии (Демин М.А., 1989, с. 22–24, 26–28). Он полагал, что между древним и современным населением Сибири не существует преемственности. Выступал П.С. Паллас и против некоторых европейских ученых, которые помещали легендарную Атлантиду в Сибири и отождествляли атлантов с древними сибирскими жителями (Демин М.А., 1983, с. 5).

В 1804 г. территория Горного Алтая была обследована рудно-поисковой группой маркшейдера Шлаттера и унтершихтмейстера Колычева. Ими была составлена «Петрографическая карта части Алтайского хребта, находящегося при реках Катунь, Бий, Коксе, Чуе и Бухтарме и озере Телецком», на которой кроме геологических и географических данных содержались сведения о некоторых археологических памятниках этой территории (Демин М.А., 1989, с. 35).

Заметную роль в открытие археологических памятников Алтая и собирание древностей играли местные краеведы, немногие из которых стали настоящими признанными учеными (Демин М.А., 1981, 1989). Именно эти увлеченные люди оставили нам ценную и порой единственную информацию о замечательных находках. Среди них особо стоит отметить П.К. Фролова. После окончания в 1793 г. Петербургского Горного училища он до 1811 г. работал инженером на Алтайских рудниках. За это время П.К. Фролов собрал рукописи и предметы от эпохи бронзы до XVII в., в том числе и вещи, относящиеся к скифскому времени. После назначения в 1817 г. П.К. Фролова начальником Колывано-Воскресенских заводов он передал все свои материалы и коллекции в Императорскую Публичную Библиотеку (Демин М.А., 1989, с. 34; Марсадилов Л.С., 1996а, с. 10), которые затем поступили в Эрмитаж, Государственный исторический музей и Исторический музей в Стокгольме (Степная полоса..., 1992, с. 161). В настоящее время в Государственном Эрмитаже коллекция П.К. Фролова имеет 92 инвентарных номера (Баркова Л.Л., 2003, с. 14). Особый интерес представляют предметы, выполненные в так называемом

зверином стиле. Из кургана близ горы Кремлевой и Бухтарминского рудника (Восточный Казахстан, с. Усть-Бухтарма) происходит знаменитое бронзовое зеркало с изображением пяти оленей и одного горного козла (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 10). Важно отметить обстоятельства местонахождения этой интересной вещи раннескифского времени: «... круг (бронзовое зеркало. – *Авт.*) был обернут шелковой и бумажною материей и лежал под кистью правой руки похороненного, которая, как и левая, была простерта вдоль туловища» (Марсадолов Л.С., 1982, с. 31; Баркова Л.Л., 2003, с. 15). Первым, кто занялся изучением археологических находок из коллекции П.К. Фролова, был работник Эрмитажа, доктор философии, один из основателей Императорской Археологической комиссии Э.Г. Муральт (1853). Эти материалы привлекали внимание многих исследователей (В.В. Радлова, М.П. Грязнова, С.В. Киселева, С.И. Руденко и др.). Довольно подробные характеристики ряда изделий скифской эпохи из коллекции П.К. Фролова, происходящих из курганов Горного Алтая и предгорий, представлены в статье Л.Л. Барковой (2003).

Важное значение, как культурный центр и место собрания различных древностей, имел созданный при участии П.К. Фролова в 1823 г. Барнаульский музей (Фролов Я.В., 2001; Попова И.В., Фролов Я.В., Гусельникова М.В., 2003). В одном из залов музея демонстрировались находки из древних памятников Алтая. Экспонаты высоко оценили выдающиеся путешественники и ученые того времени – К. Ледебур, А. Гумбольд и др. (Виргинский В.С., 1968, с. 156–165).

В течение восьми лет на Алтае в горном ведомстве Колывано-Воскресенского округа работал Г.И. Спасский (Исследователи..., 2000, с. 200–204), совмещая свои научные интересы со служебными обязанностями. Он систематизировал памятники прошлого по типам, выявил некоторые закономерности в местонахождении курганов, в их внешнем виде и в расположении (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 11; Камбалов Н.А., Сергеев А.Д., 1968, с. 41). Г.И. Спасский уделил большое внимание наскальным рисункам и руническим надписям. Анализ изображений привел его к выводу о кочевом образе жизни древних людей и о промысловой добыче животных. Он указал на то, что в Южной Сибири в разное время проживало этнически неоднородное население (Демин М.А., 1989, с. 46–49), а также опровергал мнение об импортном характере древних сибирских вещей, считая, что «си-

бирская древняя культура имела местную основу» (Алехин Ю.П., 1988, с. 47). Последнее утверждение должно было опровергнуть претензии Китая на российские земли (Демин М.А., 1977, с. 40–41).

После переезда в 1817 г. в Петербург Г.И. Спасский продолжил изучать древности. Он наладил издание научно-популярного краеведческого журнала «Сибирский вестник», а позже – «Азиатский вестник». В них публиковались материалы по археологии Сибири (Демин М.А., 1989, с. 41; Алехин Ю.П., 1995, с. 56). Как и П.К. Фролов, Г.И. Спасский сформировал большую коллекцию старинных рукописей и разнообразных предметов. Собрание Г.И. Спасского, часть которого относится к скифской эпохе Алтая, было передано сначала в Румянцевский музей, а затем поступило в Государственный исторический музей (г. Москва). Там же хранится и археологическая коллекция известного московского историка М.П. Погодина (Грязнов М.П., 1945; Марсадолов Л.С., 1996а, с. 11; Степная полоса..., 1992). Часть предметов этого собрания происходит из Сибири и датируется скифским временем.

В 1826 г. профессор естественной истории Дерптского университета К.Ф. Ледебур, путешествуя вместе с А. Бунге и К. Мейером по Алтаю и Восточному Казахстану, раскопал четыре кургана в Усть-Канской степи (Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А., 1993). Все полученные материалы были опубликованы в специальном атласе вместе с предметами, подаренными П.К. Фроловым (Уманский А.П., 1964, с. 35–52).

Немецкий естествоиспытатель, географ А. Гумбольдт во время путешествия по России в 1829 г. посетил Колывано-Воскресенский горный округ (Исследователи..., 2000, с. 72–75). В своем фундаментальном труде «Центральная Азия» ученый, основываясь на «Историю» Геродота, выдвинул гипотезу, согласно которой на территории Алтая в I тыс. до н.э. проживали таинственные аримаспы и «стерегущие золото грифы», в руках которых находились золотые рудники. По его мнению, алтайские месторождения золотых руд, наряду с уральскими, были основными источниками, снабжавшими золотом европейских скифов и греческие античные колонии (Демин М.А., 1989, с. 51). Предложенная А. Гумбольдтом гипотеза в основных чертах совпадает с мнениями С.И. Руденко (1962), Н.В. Полосьмак (1994а) и других ученых.

Определенную роль в изучении древней истории Алтая и в накоплении археологических коллекций сыграла деятельность Ф.В. Геблера, П.А. Чихачева, А.И. Шренка, Г.Е. Щуровского, А.Б. Остермейера, а также некоторых других исследователей, краеведов и коллекционеров (Демин М.А., 1989, с. 52; Алехин Ю.П., 1995, с. 56; Марсадолов Л.С., 1996а, с. 11–12; Тишкин А.А., 1997; и др.).

К середине XIX в. в России возникает интерес к истории страны, что связано с различными причинами социально-экономического плана. В 1845 г. создается Императорское русское географическое общество, члены которого на протяжении многих лет осуществляли и археологические изыскания (Матющенко В.И., 2001а, с. 25–26). В 1846 г. в Петербурге было образовано Археолого-нумизматическое общество, переименованное в 1851 г. в Императорское русское археологическое общество. Основной задачей, вставшей перед этой организацией, являлась систематизация древностей России (Формозов А.А., 1961, с. 50). В феврале 1859 г. начало свою деятельность государственное учреждение – Императорская Археологическая комиссия (Матющенко В.И., 2001а, с. 26).

К середине XIX в. Л.Э. Стефани и Ф.А. Жилем были подведены определенные итоги изучения скифских памятников Восточной Европы. В 1853 г. уже упомянутый Э.Г. Муральт в своей статье «Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже», опираясь на письменные источники, дал этногенетическую картину развития народов Сибири от скифского времени до позднего средневековья (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 12–13). Изучив коллекцию археологических находок П.К. Фролова, он разделил на четыре класса различные «эпохи образованности» народа «чудь». К первой группе Э.Г. Муральт отнес предметы из камня, ко второй – из бронзы, к третьей – из серебра, дерева и кости, а к четвертой – из железа. На основе классификации конкретного археологического материала был сделан вывод о том, что древние обитатели Алтая прошли в своем развитии четыре культурно-исторические стадии (Демин М.А., 1989, с. 53).

В 1859 г. из Петербурга в Барнаул приехал С.И. Гуляев, впоследствии ставший активным участником работы 11 различных научных обществ и известным алтайским краеведом (Демин М.А., 1989, с. 66–68; Тишкина Т.В., 1997, 2000а–б). Его плодотворная деятельность способствовала сбору сведений о прошлом Алтая и созданию коллекции археологических предметов.

В 1861 г. в Барнаул прибыли участники экспедиции по изучению Азии – Г. Менье, Л. Эйхталь и О. Нейман. За три месяца работы на Алтае иностранцы посетили многие производственные и военные объекты, а также произвели археологические раскопки в пещерах, находящихся в долине р. Ини (приток Чарыша) (Тишкина Т.В., 2000в). Г. Менье, по совету С.И. Гуляева, вскрыл несколько курганов неподалеку от Барнаула по дороге в с. Гоньбу (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 13; Тишкина Т.В., 1997). Археологические исследования осуществлялись на основании специального разрешения. В них принял участие В.В. Радлов, который потом в течение 10 лет производил масштабные археологические изыскания и раскопки, имея официальное разрешение и финансовую поддержку (Демин М.А., 1989, с. 78–85; Тишкина Т.В., 1997, с. 27–28). С деятельностью В.В. Радлова связано начало нового этапа в археологии Сибири (Белокобыльский Ю.Г., 1986, с. 60–66).

В 70-е гг. XIX в. среди местной интеллигенции и в академической науке возрастает интерес к малоизученным районам Азии. В связи с этим Русское географическое общество и его сибирские филиалы при содействии Археологической комиссии организовали ряд экспедиций, маршруты которых проходили через Алтай (Марсадолов Л.С., 1996а; Матющенко В.И., 2001а, с. 28–30).

Известный путешественник Г.Н. Потанин побывал несколько раз на Алтае (Обручев В.А., 1953) и описал многие алтайские могильники. Одним из первых он зарисовал Чуйский «оленный» камень с изображением человеческого лица, стоящий у горы Адыр-кан (Кубарев В.Д., 1979, с. 10–12, табл. 1). Обнаруженные в 1879 г. древние памятники он разделил на три вида: чашевидные углубления; писанки на скалах; каменные бабы или менгиры. По мнению Г.Н. Потанина, Алтай наряду с Саянами, Прибайкальем и Северной Монголией входил в дотюркское время в ареал распространения одной археологической культуры, о чем свидетельствует сходство некоторых древних памятников (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 15–16).

В 1878 и 1880 гг. Н.М. Ядринцев, известный публицист, этнограф и археолог Сибири, во время своих экспедиций зарисовал и описал курганы в долинах Оби, Катуня, Чуи, Чулышмана и Улагана. В Горном Алтае им был доисследован разрушавшийся курган, в котором оказались кости человека, лошади и фрагменты сосуда. Все

известные Н.М. Ядринцеву археологические предметы были соотнесены с тремя периодами: каменный, медный и железный. Исследователь предположил разделить археологические памятники на семь типов: 1) могилы и курганы с сопутствующими им каменными бабами; 2) крепости и городки, обнесенные валами и рвами; 3) остатки ирригационных работ и каналов; 4) остатки работ на перевозах, горные проходы и дороги; 5) надписи; 6) древние копи и шахты; 7) пещеры (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 15–16).

В целом для работ Н.М. Ядринцева характерна публицистическая направленность и стремление связать археологические материалы с вопросами современной жизни аборигенов Сибири. Он подчеркивал необходимость сочетать археологические исследования с этнографическим изучением народов данного региона (Демин М.А., 1989, с. 87).

В 1877 г. в Хельсинки был издан атлас «Древности финно-угорского Севера». Автором этого проекта являлся известный финский исследователь И.-Р. Аспелин, который опубликовал рисунки археологических находок скифского времени, обнаруженных около Змеиногогорска (Бородаев В.Б., 1986а; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с.10; Тишкин А.А., 2000а). Кроме того, он осуществил ряд экспедиций в Азию. Во время второго путешествия в 1888 г. с целью изучения древних памятников посетил Алтай (Тишкин А.А., 2001).

В конце 80-х гг. XIX в. в среде барнаульской интеллигенции возникла идея создания научного общества для того, чтобы осуществлять всестороннее изучение родного края. В реализации такого плана участвовал Н.С. Гуляев – сын известного краеведа С.И. Гуляева (Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1998). Он занимался палеонтологией и археологией. Н.С. Гуляев путешествовал, обследовал древние памятники, производил раскопки и существенно пополнил коллекцию отца (Демин М.А., 1989, с. 68–75; Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1998, 2000; Тишкина Т.В., 2001). Члены созданного Общества любителей исследования Алтая, а впоследствии Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, внесли определенный вклад в изучение археологии края (Демин М.А., 1991).

В 1889 г. Археологической комиссии было предоставлено исключительное право выдавать особый документ, разрешающий производство раскопок – «Открытый лист» (Матюшенко В.И., 2001а, с. 26). Таким образом стал осуществляться контроль над полевыми

работами, а также создавалась система научной отчетности. Археологи должны были проводить точную фиксацию, описание и зарисовку скелетов и всех вещей в погребении, а после завершения работ найденные вещи требовалось передать в музей (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 16). Эти меры существенным образом способствовали установлению передовой научной регламентации археологических исследований, а также давали возможность пополнять не только центральные, но и периферийные музейные собрания.

Обобщая археологический материал, создатель Музея археологии и этнографии Сибири в Томском университете В.М. Флоринский (Демин М.А., 1989, с. 96–102) в своей работе «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» (1894 г.) интуитивно определил культурную общность племен предскифской и скифской эпох евразийских степей (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 11). Сибирские музеи являлись местом активной научной деятельности. Вокруг них оформлялись деятельные группы ученых и краеведов, сыгравших существенную роль в изучении скифской эпохи Евразии (Матющенко В.И., 2001а, с. 30–34).

В течение многих лет изучением памятников археологии занимался известный сибирский общественный деятель А.В. Адрианов (Дэвлет М.А., 1990, 1992, 1993, 1997; Кладова В.П., 2000; и др.), который не только удовлетворял свое любопытство краеведа, но и целенаправленно исследовал древности, так как после наплыва населения из европейской части России увеличилось число расхищенных и уничтоженных курганов (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 11). Понимая, что при раскопках памятник почти полностью уничтожается, А.В. Адрианов вел подробные дневники и добросовестно собирал все материалы, которые бы заинтересовали специалистов-археологов. Одна из его статей «Курганография Сибири», где содержалась инструкция по сбору археологического материала и описанию древностей, приобрела среди любителей старины особую популярность (Жук А.В., 1995а, с. 14).

В 1906, 1910, 1911 гг. А.В. Адрианов проводил изыскания в Семипалатинской области на территории Юго-Западного Алтая. Результаты этих работ были опубликованы в Известиях Императорской Археологической комиссии в 1916 г. А.В. Адриановым раскопаны курганы в Майэмйрской степи, под Солонечным Белком Нарымского хреб-

та, на правом берегу Бухтармы выше д. Черновой. Полученные материалы затем легли в основу представлений о начальных этапах формирования скифской культуры на Алтае и использовались при написании обобщающих трудов (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 11). В 1914 г. А.В. Адрианов передал свою алтайскую археологическую коллекцию, в которую вошли и предметы из Майэмирского клада, в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Марсадалов Л.С., 1996а, с. 17; Васильев С.А., 2000).

Обнаружением и изучением петроглифов Алтая в рассматриваемый период занимались многие исследователи (Окладникова Е.А., 1984; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; и др.), что позволило выделить многие изображения, относящиеся к скифскому времени, и соотнести их с археологическими материалами (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 12).

Таким образом, в дореволюционный период были созданы определенные основы для дальнейшего развития отечественной археологии. Особенный вклад в изучение обозначенной нами темы внес выдающийся исследователь В.В. Радлов.

Радлов Василий Васильевич (1837–1918)

Биографическая справка

Фридрих-Вильгельм Радлов родился 5 января (17 января по новому стилю) 1837 г. в Берлине в семье чиновника – городского комиссара полиции (Демин М.А., 1989, с. 78; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000, с. 11; Исследователи..., 2000, с. 174). После окончания гимназии он в 1854 г. поступил на философский факультет Берлинского университета. Во время обучения уделял большое внимание лингвистике. Поэтому будущий ученый два семестра слушал лекции знаменитого фонетика А. Потта в другом немецком университете – в г. Галле (Радлов., 1917, с. 121–136). Затем Ф.-В. Радлов увлекся востоковедением и стал изучать русский язык, готовясь к поездке в Россию. Его учителями были такие выдающиеся люди, как основоположник сравнительного языкознания Франц Бойл, один из создателей уралоалтаистики, известный полиглот-ориенталист Вильгельм Шотт, осно-

ватель теории «психологии народов», знаток китайского языка Герман Штейнталь, историк и знаменитый географ Карл Риттер. Со студенческой скамьи Ф.-В. Радлов проникся идеей резидентуры, которую пропагандировал К. Риттер, считавший необходимым длительное пребывание хорошо подготовленного специалиста в отдаленном крае с целью его изучения, а также для создания там, в местном культурно-административном центре, «туземного исследовательского общества», подготовки учеников и продолжателей (Жук А.В., 1995а, с. 19–20). Весной 1858 г. Ф.-В. Радлов защитил диссертацию «О влиянии религии на народы Азии», получил в Йене звание доктора философии и летом того же года отправился в Петербург для продолжения научной деятельности (Вайнштейн С.И., 1989, с. 639–641).

В 1859 г. после принятия присяги на подданство России Василия Васильевича назначили на должность учителя немецкого языка в Барнаульском горном училище. На Алтае исследователь проработал до 1871 г. Именно эти годы определили весь его последующий творческий и жизненный путь. С 1860 г. В.В. Радлов начал совершать регулярные экспедиции по Алтаю, собирая различные сведения по этнографии, языку, фольклору многих народов, информацию о торговых связях русских с монголами. Финансирование всех полевых работ ученого велось за счет правительственных субсидий.

Результаты своей научной деятельности ученый опубликовал в своих нескольких работах: «Письма с Алтая», «Путешествие через Алтай к Телецкому озеру и Абакану» (1865), «Этнографический обзор тюркских племен Сибири и Монголии» и др.

В 1871 г. В.В. Радлов переехал из Сибири в Казань и занял там должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ. Ни продолжателей, ни научного общества, как это рекомендовал К. Риттер, ученый в Барнауле после себя не оставил (Жук А.В., 1995а, с. 20). В 1871 г. В.В. Радлов стал членом-корреспондентом Академии наук (Исследователи..., 2000, с. 174). В Казани он написал двухтомный итоговый труд по истории Сибири, опубликованный на немецком языке в 1884 г. Переиздание этой работы состоялось в Лейпциге в 1893 г. В ней автор дал подробное описание своих раскопок с рисунками, а также всесторонне охарактеризовал тюркские народы Сибири, Средней Азии и Казахстана. Издание полного перевода на русский язык этого труда состоялось только в 1989 г. (Радлов В.В., 1989).

До этого исследователи использовали дореволюционные публикации (Радлов В.В., 1894, 1895 и др.). В 1896 г. «Сибирские древности» В.В. Радлова перевел с немецкого языка граф А.А. Бобринский.

В 1884 г. В.В. Радлов возвратился в Петербург, где его избрали академиком «по части истории и древностей азиатских народов» (Вайнштейн С.И., 1989, с. 648–650). Здесь он подготовил другой свой труд по фольклору народов Алтая «Образцы народной литературы тюркских племен» (1866–1987). В Петербурге ученый издал и ряд других фундаментальных работ, в том числе четырехтомный «Опыт словаря тюркских наречий» (1888–1911).

Наряду с научной деятельностью В.В. Радлов активно занимался административной работой. Несколько лет (1885–1890) он являлся директором Азиатского музея, затем (1894–1918) – директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в г. Санкт-Петербурге. Многие годы он был председателем Правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (Вайнштейн С.И., 1989, с. 651). Умер В.В. Радлов 18 мая 1918 г. Похоронен в Санкт-Петербурге.

В течение ряда лет (1862, 1863, 1865 и 1866) В.В. Радлов по поручению Императорской Археологической комиссии проводил археологические изыскания на Алтае, в ходе которых им было раскопано свыше ста различных памятников (около 70 на Алтае и в Минусинской котловине; 26 – в Барабинской степи) (Вайнштейн С.И., 1989, с. 671). Надо отметить, что для своего времени раскопки В.В. Радлова были произведены на достаточно высоком уровне. Правда, некоторые из раскопанных ученым курганов были переисследованы спустя несколько десятилетий советскими археологами. Так, в 1865 г. В.В. Радлов вскрыл Катандинский и Берельский курганы (Радлов В.В., 1989), позднее отнесенные к кругу памятников пазырыкской культуры. В 1926 г. профессор А.А. Захаров (1926) опубликовал материалы раскопок в Катанде, а еще через два года издал находки из Берельского кургана (Марсаолов Л.С., 1996а, с. 19). Уже в советское время в 1954 г. А.А. Гаврилова в составе Горно-Алтайской экспедиции ИИМК и Государственного Эрмитажа под общим руководством С.И. Руденко закончила повторное исследование Катандинского кургана. В результате удалось обнаружить захоронения 22 лошадей, не выявленные в свое время В.В. Радловым (Гаврилова А.А., 1957). В 1959 г. Южно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эр-

митажа под руководством С.С. Сорокина (1969б) был доисследован Берельский курган.

Наиболее полная информация о раскопках В.В. Радлова Берельского и Катандинского курганов в Горном Алтае содержится в главе «Сибирские древности» его труда «Из Сибири» (Радлов В.В., 1989).

Основные направления исследований

В.В. Радлов известен не только своими раскопками на Алтае, но и попытками осмыслить полученные результаты исследования. Чтобы создать целостную картину о древней истории Алтая, ученый хорошо изучил публикации и архивы своих предшественников: Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, проводивших археологические изыскания в Южной Сибири в XVIII–XIX вв. (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000, с. 12). На основании своих полевых исследований на Алтае, в Казахстане, Минусинской котловине и других районах Южной Сибири В.В. Радлов выделил четыре культурно-исторических периода: бронзовый и медный, древнейший железный, новейшая эпоха железного века, позднейший железный. Берельский и Катандинский курганы он отнес к древнейшему железному периоду (Радлов В.В., 1989, с. 410–449). Несмотря на то, что предложенная периодизация археологических памятников близка к широко используемой в то время концепции «трех веков» (каменный, бронзовый (медный), железный), тем не менее это была попытка, используя фактический материал, показать развитие древних культур Сибири (Марсадов Л.С., 1996а, с. 14).

В.В. Радлова можно по праву считать одним из разработчиков комплексного подхода в изучении народов Центральной Азии. Особое внимание исследователя привлекала реконструкция жизнедеятельности древних обществ, о которых нет непосредственных письменных свидетельств. В процессе такой реконструкции ученый кроме археологических данных широко использовал этнографические, лингвистические, фольклорные источники и китайские хроники. Кроме того, он один из первых показал перспективность использования данных естественных наук при исторических реконструкциях. Для этого по заказу В.В. Радлова ученые осуществили химический анализ железных и медных предметов (наконечников стрел, ножей), обнаруженных им в процессе раскопок (Радлов В.В., 1989, с. 465–467).

Значительное внимание исследователь уделил изучению результатов своих раскопок в Катанде и Берели. Пытаясь реконструировать погребальный обряд древнего населения Горного Алтая, он привлек китайские источники по уйгурам, в которых содержалась информация о погребально-поминальных традициях древних народов Сибири. Ученый указал и на развитость торговых отношений в древности, отметив, что в качестве экспорта племена Алтая поставляли в соседние регионы золото и медь (Радлов В.В., 1989, с. 410–480). Особый интерес представляют выводы В.В. Радлова относительно процессов этнокультурной истории Алтая в раннем железном веке. Он отметил, что Катандинский, Берельский и другие каменные курганы совершенно отличны по своим конструктивным особенностям от погребений «бронзового века». Это, по мнению исследователя, дает основание предположить, что «народ, оставивший курганы, проник с юга на Южный Алтай примерно в начале железного века». Пришлое население распространилось по Алтаю, не доходя, вероятно, до Среднего Иртыша, поскольку в этом районе их памятники не обнаружены (Там же, с. 461–463). Таким образом, В.В. Радлов впервые указал на то, что культура населения Горного Алтая скифского времени (раннего железного века) сформировалась в результате пришлого инокультурного компонента. Позднее, в 40–90-е гг. XX в., это предположение востоковеда будет более детально рассмотрено и обосновано последующими археологами С.И. Руденко (1952, 1953, 1960), Л.С. Марсадовым (1996а, 2000а), В.А. Могильниковым (1986а–б), П.И. Шульгой (1998а, 1999) и др.

Определенное внимание В.В. Радлов уделил и анализу произведений искусства древних кочевников Алтая. В этой связи он указывал, что синкретические образы животных, в том числе и фантастические, связаны с религиозно-мифологическими представлениями кочевников и, возможно, они копировали идолов скотоводов (Радлов В.В., 1989, с. 467–468).

Исследователь обратил внимание на часто встречаемые в курганах раннего железного века сопроводительные захоронения лошадей. Примечательным в этом отношении являлся Берельский курган, где В.В. Радлов обнаружил 16 конских скелетов. Учитывая эти данные, а также наскальные рисунки того времени, на которых изображены

исключительно всадники, ученый сделал вывод, что древние племена Алтая были кочевниками. Ведущая роль в хозяйстве отводилась скотоводству, в рамках которого разводились лошади, овцы, козы, крупный рогатый скот и верблюды, а земледелием они занимались так же, как и «...все тюрки-кочевники» (Там же, с. 471–474). Кроме этого, В.В. Радлов (1989, с. 463) указал, что лошадь в то время была уже и признаком социального статуса умершего, поскольку наибольшее число особей захоронено в «более богатых могилах».

Основы комплексного подхода при реконструкции исторического прошлого, разработанные В.В. Радловым и продемонстрированные им частично на алтайском материале, были позднее восприняты представителями советской археологической науки.

Раздел II
РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
С.И. РУДЕНКО, М.П. ГРЯЗНОВА,
С.В. КИСЕЛЕВА И С.С. СОРОКИНА
В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ АЛТАЯ

Начало активного изучения скифской эпохи Алтая приходится на 20–60-е гг. XX в. С одной стороны, это сложный и драматический период в истории нашей страны, что было связано с широким спектром социально-экономических, политических и культурных преобразований. С другой стороны, в это время происходило формирование новой отечественной археологии, которая в определенной степени унаследовала традиции дореволюционной науки. Особо следует отметить участие в этом процессе представителей палеоэтнологической школы, созданной в свое время в Санкт-Петербургском университете и продолжавшей существовать в 1920-е гг. (Тихонов И.Л., 1995; Жук А.В., 1987). В это же время в Москве работала группа исследователей, находившаяся под влиянием идей Д.Н. Анучина, которого называли «создателем русской университетской географической школы» (Генинг В.Ф., 1982, с.78–79).

18 апреля 1919 г. Декретом Совета народных комиссаров в Петрограде была учреждена Российская (с 1926 г. Государственная) академия истории материальной культуры. В том же году функции Российской Императорской Археологической комиссии, созданной в 1859 г., перешли к РАИМК (Институт..., 2000, с. 4). Важным моментом начального этапа рассматриваемого периода следует считать открытие в стране различных учреждений, которые не только осуществляли археологические исследования, но и готовили специалистов для такой деятельности (Генинг В.Ф., 1982; Лебедев Г.С., 1992, с. 423–427). В это время резко расширилась сеть музеев (Матющенко В.И., 2001а, с. 66–71). Главным археологическим учреждением в Москве был научно-исследовательский Институт археологии и искусствознания, в котором немногочисленное по составу археологическое отделение возглавлял В.А. Городцов. В 1924 г. в связи с организацией Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) в нее было включено указанное учреждение. В 1927 г. туда

же перевели ГАИМК (Генинг В.Ф., 1982, с. 18; Лебедев Г.С., 1992, с. 421–423).

1920–1930-е гг. являются в какой-то мере переломными в археологическом изучении Алтая. Это связано с различными событиями, а также с деятельностью целого ряда государственных и общественных организаций. В 1920 г. в с. Ойрот-Тура (ныне г. Горно-Алтайск) и в г. Бийске были открыты краеведческие музеи. Их археологические экспозиции содержали незначительное количество случайных находок и предметы, выкопанные из курганов (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 18). Продолжили работу краеведческие организации г. Барнаула (Тишкина Т.В., 2004). Развернулись систематические исследования на территории Алтая, в которых принимали участие специалисты из научных центров страны. С 1924 по 1929 г. под руководством С.И. Руденко полевыми изысканиями занималась Алтайская экспедиция Этнографического отдела Русского музея из г. Ленинграда, в работе которой принимал активное участие М.П. Грязнов (Марсадолов Л.С., 1996а; Тишкина Т.В., 1999). Археологические раскопки осуществляли работники местных музеев (Уманский А.П., 1969, с. 90). В 1929 г. в связи с принятием первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны Обществом изучения Сибири и ее производительных сил (г. Новосибирск) была составлена программа археологических исследований в Хакасии, Минусинском, Ачинском округах и на Алтае. В 1930 г. на Алтай впервые приехал С.В. Киселев. В течение нескольких лет он проводил здесь раскопки и разведки (Китова Л.Ю., 2003, с. 14, 19–26). В связи со строительством Чуйского тракта Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного исторического музея и Государственной академии истории материальной культуры под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой в 1934–1937 гг. произвела масштабные исследования памятников различных эпох (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 23–24; Китова Л.Ю., 2003).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. среди советских археологов развернулась бурная дискуссия о дальнейших путях развития археологии, о необходимости перехода на позиции исторического материализма, о методах систематизации археологического материала и о других проблемах (Генинг В.Ф., 1982; Клейн Л.С., 1993; Марсадолов Л.С., 1996а, с. 24; и др.). В ходе таких обсуждений, а также при накоплении и осмыслении новых материалов были выработаны мно-

гие практические, методические и методологические подходы, которые заложили основу для развития советской археологии. С середины 1930-х гг. начинают выходить следующие издания: «Советская археология» (с 1936 по 1959 г. в виде отдельных томов, а с 1957 г. в форме ежеквартального журнала, с 1992 г. переименован в журнал «Российская археология»), «Краткие сообщения ИИМК» (КСИИМК, с 1939 г.), «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА СССР, с 1940 г.) (Матющенко В.И., 1994, с. 5–7).

В конце 1930-х гг. ситуация в стране изменилась. В результате были закрыты некоторые специализированные академические институты, прекратили работу многие краеведческие организации, сократился диапазон научных изысканий, начались репрессии на археологов. В 1937 г. Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) вошла в Академию наук СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК), отделение которого находилось в Москве. В 1943 г. Институт был переведен в Москву, а в Ленинграде осталось его отделение. Постановлением Президиума Академии наук СССР от 4 сентября 1957 г. ИИМК переименовали в Институт археологии АН СССР (Институт..., 2000, с. 4). В 1940–1950-е гг. оформились основные звенья организационной структуры археологии в стране, а также расширился спектр деятельности в академических, вузовских, музейных и других подразделениях, связанных с проведением полевых изысканий, подготовкой кадров, охраной памятников и т.д. (Матющенко В.И., 1994, с. 20–22).

В послевоенный период увеличилось число экспедиционных исследований. Возможность накопления широкой источниковой базы позволила ученым сделать существенные открытия в области древней истории различных регионов страны. Не стал исключением в этом отношении и Алтай. Именно в 1940–1950-е гг. были получены сенсационные результаты по раскопкам курганов скифской эпохи, а также заложены основные направления дальнейшего изучения культуры кочевников Центральной Азии. Огромная роль в решении многих вопросов данной проблематики, несомненно, принадлежит трем выдающимся отечественным археологам, получивших еще при жизни мировую известность: С.И. Руденко, М.П. Грязнову и С.В. Киселеву. В конце 1950-х и в 1960-е гг. происходит дальнейшее накопление археологических материалов. В этом процессе особое место занимает

деятельность С.С. Сорокина, под руководством которого на Алтае работала Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа. Обширный материал, полученный из неогрбленных курганов рядовых кочевников, способствовал наполнению конкретным содержанием культуры скифской эпохи.

Результаты произведенных исследований и их осмысление изложены ниже при характеристике деятельности С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева и С.С. Сорокина.

Руденко Сергей Иванович (1885–1969)

Биографическая справка

Родился 16 (29) января 1885 г. в г. Харькове в дворянской украинской семье. Во время обучения в Пермской гимназии стал интересоваться этнографическими исследованиями. В те же годы вместе со своим отцом, занимавшим должность члена комиссии по размежеванию башкирских земель, совершал поездки по Пермской губернии. В ходе этого С. Руденко смог познакомиться с культурой башкирского народа (Лыжникова О.Г., 2000, с. 70). Интерес к этнографии у него сохранился на протяжении всей жизни.

После окончания гимназии в 1904 г. С.И. Руденко поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (Решетов А.М., 1998а, с. 6). В 1908 г. он опубликовал в Парижском журнале «Revue: des Traditions Populaires» свою первую статью «Предания и сказки башкир» (Массон В.М., 1965, с. 237; Долуханов П.М., 1970, с. 303). В том же году будущий ученый впервые принял участие в археологической экспедиции, занимавшейся раскопками Мезинской палеолитической стоянки (Бородаев В.Б., 1986, с. 3; Тихонов И.Л., 1995, с. 56–57). Еще студентом С.И. Руденко приобрел глубокие знания и практику по целому ряду научных дисциплин. В 1909 г. он отправился в Сибирь для антропологического, этнографического и археологического изучения хантов, манси, ненцев в рамках научного проекта Этнографического отдела Русского музея и при поддержке томского губернатора Н.Л. Гондатти (Бородаев В.Б., 1986, с. 3; Решетов А.М.,

1998а, с. 7–8; Лыжникова О.Г., 2000, с. 70). Эта экспедиция отодвинула срок окончания университета до весны 1910 г. После этого исследователя оставили на кафедре географии и антропологии, что давало возможность для проведения научных изысканий и получения степени магистра (Решетов А.М., 1998а, с. 8–9).

Надо отметить, что большое влияние на формирование С.И. Руденко как ученого оказал преподаватель Санкт-Петербургского университета Федор Кондратьевич Волков (Вовк) – незаурядная личность, этнограф, антрополог, основатель палеоэтнологической школы. Позднее Сергей Иванович воплотил на практике многие разработки и идеи своего учителя (Массон В.М., 1965, с. 238; Тихонов И.Л., 1995; Тишкин А.А., Лыжникова О.Г., 2000, с. 100; Тишкин А.А., Шмидт О.Г., 2001; и др.).

Для подготовки к получению звания профессора Санкт-Петербургского университета С.И. Руденко в 1913–1914 гг. прошел заграничную стажировку, побывав в Сирии, Палестине, Египте, Турции и Италии. В течение года он слушал лекции и занимался антропологией в Париже. Тема научных изысканий молодого ученого была обозначена так: «Сравнительная морфология таза приматов и человека в связи с его переходом к вертикальному положению». В указанные годы С.И. Руденко принял участие в нескольких международных конгрессах и был избран членом Парижского антропологического общества (Массон В.М., 1965, с. 238).

После своего возвращения из заграничной командировки Сергей Иванович стал преподавать в Петроградском университете и на Бестужевских курсах (Долуханов П.М., 1970, с. 303; Бородаев В.Б., 1986, с. 3). Летом 1916 г. он в качестве ассистента кафедры географии и антропологии, а также секретаря университетского Антропологического общества и сотрудника Этнографического музея им. Александра III принял участие в топографической экспедиции, которая производила на Южном Урале работы для военного министерства. Данная ситуация позволяла ему осуществить самостоятельные раскопки в Оренбургской губернии. Поэтому еще в апреле 1916 г. Сергей Иванович обратился в Археологическую комиссию с запросом о выдаче ему Открытого листа. Благодаря ходатайству М.И. Ростовцева удалось получить средства на изучение Прохоровских курганов, которые в 1911 г. подверглись разграблению. Под руководством

С.И. Руденко было раскопано несколько объектов. Отчет о его работах полностью вошел в книгу М.И. Ростовцева (Зуев В.Ю., 2003).

В 1916 г. С.И. Руденко опубликовал первую часть своей магистерской диссертации «Башкиры. Опыт этнологической монографии» (вторая часть вышла в 1925 г., а переработанное издание обеих частей – в 1931 г.). За эту работу в 1918 г. Ученый совет Московского университета присудил ему степень магистра географии (Долуханов П.М., 1970, с. 303).

В 1919–1921 гг. С.И. Руденко сначала избрали доцентом Новороссийского университета, а затем профессором кафедры географии Томского университета, в котором он работал деканом физико-математического факультета, а также осуществлял различные исследовательские мероприятия (Решетов А.М., 1998б, с. 378–379). После возвращения в Петроград в 1921 г. Сергей Иванович стал заведующим Этнографического отдела Русского музея и был выбран профессором, заведующим кафедры антропологии и этнографии университета (Бородаев В.Б., 1986, с. 3; Решетов А.М., 1998б, с. 379). В 1920-е гг. ученый активно работал в Особом комитете Академии наук по исследованию союзных и автономных республик, где являлся одним из руководителей экспедиции, которая, в частности, проводила археологические изыскания на Алтае, а также другие исследования (Решетов А.М., 1998а, с. 12–15). В эти же годы его избрали старшим научным сотрудником ГАИМК.

В 1930 г. С.И. Руденко был арестован по сфабрикованному делу. После осуждения профессора направили в Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь, откуда его досрочно в 1934 г. освободили. Полностью ученого реабилитировали в 1957 г. Во время своего заключения С.И. Руденко исследовал элементы озерной волны и их влияние на оградительные сооружения. За удачные разработки в этой области его перевели в отдел гидрологии Беломоро-Балтийского комбината, где он изучал режим р. Туломы. Результаты своей научной деятельности в этой области Сергей Иванович представил в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора технических наук (Долуханов П.М., 1970, с. 304). В 1945 г. исследователя наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Решетов А.М., 1998б, с. 380).

С 1944 г. С.И. Руденко возобновил преподавание в Ленинградском университете (Бородаев В.Б., 1986, с. 5). В 1950 г. его утверди-

ли в ученом звании профессора по кафедре и специальности «физическая география» (Решетов А.М., 1998а, с. 21). В 1953 г. ученый по заданию дирекции Института археологии АН СССР организовал при Ленинградском отделении Лабораторию археологических технологий, в которой были представлены следующие научные направления: радиоуглеродное датирование, дендрохронология, палеозоология, палеогеография, палинология, качественный и количественный химические анализы, спектрография, металлография и геофизика (Долуханов П.М., 1970, с. 304; 1986, с. 9–10). Возможности созданного научного учреждения опробовались при изучении материалов из курганов Алтая пазырыкской культуры. 23 февраля 1967 г. С.И. Руденко перевели на пенсию, но оставили научным консультантом лаборатории (Решетов А.М., 1998а, с. 21).

За вклад в развитие науки Сергей Иванович в 1954 г. был награжден орденом «Знак почета» (Бородаев В.Б., 1986, с. 6), а в 1964 г. Географическое общество присудило ему золотую медаль П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Массон В.М., 1965, с. 238). Выдающийся ученый умер 16 июля 1969 г. и похоронен на Шуваловском кладбище в Санкт-Петербурге.

Среди памятников скифского времени Горного Алтая С.И. Руденко были исследованы курганы могильников Пазырык, Башадар и Туэкта. Результаты своих работ ученый отразил в серии статей и монографий, среди которых наиболее известны следующие: «Второй Пазырыкский курган» (1948), «Горно-алтайские находки и скифы» (1952), «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (1953), «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» (1960), «Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.) (1961а), «Сибирская коллекция Петра I» (1962), «Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая» (1968).

Основные направления исследований

Установление хронологии и культурная интерпретация памятников Алтая скифской эпохи являлись центральными темами в научной деятельности С.И. Руденко. Понятие «пазырыкская культура» исследователь не использовал. Впервые, по-видимому, это словосочетание

употребил В.Н. Чернецов (1954, с. 186) при написании рецензии на одну из монографий С.И. Руденко (1953).

Надо отметить, что С.И. Руденко был не согласен с датировками больших «алтайских» курганов (Пазырык-I-V, Шибе, Туэкта-I-II, Берель и др.), которые предлагали М.П. Грязнов, С.В. Киселев, К. Йеттмар, Л.А. Евтюхова, Л.Р. Кызласов, К.Ф. Смирнов. Он также не принял концепцию «ранних кочевников» М.П. Грязнова, в рамках которой выделялось три этапа их развития. По мнению исследователя, критерии для выделения, например, майэмирского этапа (конская узда; форма бронзовых зеркал; полное отсутствие железных орудий) при внимательном их рассмотрении не выдерживали критики (Руденко С.И., 1960, с. 162–164). С.И. Руденко считал, что все имеющиеся материалы позволяют датировать горно-алтайские курганы с каменной наброской скифским (VII–IV вв. до н.э.) на западе и ахеменидским в Персии временем (Там же, с. 172). Кроме датировки каждого из больших «алтайских» курганов исследователь, опираясь на результаты дендрохронологического анализа И.М. Замоторина (1952), указал на последовательность сооружения этих памятников с точностью до одного года (Руденко С.И., 1960, с. 335).

Характеризуя древних кочевников Горного Алтая, С.И. Руденко (1952, с. 257) отметил, что «...они являлись частью родственных им по культуре, а возможно и по происхождению, племен, населявших степные пространства в предгорьях Тарбагатая, Тянь-Шаня, а также Среднеазиатского междуречья и оазисы Бактрии, населенные оседлыми земледельческими племенами». Определяя хронологические рамки скифской культуры Горного Алтая, исследователь указывал, что наиболее ранние курганы с каменной наброской можно датировать VII в. до н.э., а поздние – IV в. до н.э. В качестве обоснования верхней границы культуры он обращал внимание на отсутствие в имеющемся материале китайских вещей эпохи ранней Хань и предметов греко-бактрийского происхождения (Руденко С.И., 1952, с. 257–258; 1960, с. 172). Избрание для нижней границы скифской эпохи VII в. до н.э. не случайно, поскольку в то время эта дата уже устоялась в академических кругах, что, естественно, оказывало давление на ученого и не давало ему выйти за ее рамки при анализе начальных этапов культуры (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 16).

Важно отметить, что С.И. Руденко один из первых высказал мнение о существовании в Евразии единого скифо-сакского мира, «сло-

жившегося к середине первого тысячелетия до н.э. на основе пастушеского скотоводства и обусловленной им общественной организацией и идеологией» (Руденко С.И., 1952, с. 27). Исследователь указывал на изменение экологической ситуации в начале I тыс. до н.э. и, как следствие этого, переход большей части оседлых народов к подвижному образу жизни, связанному с новым типом хозяйства – скотоводством (Руденко С.И., 1952, 1953, 1957). Подробнее формы скотоводческого хозяйства у кочевников С.И. Руденко рассмотрел сначала в докладе на заседании отделения этнографии Географического общества СССР в 1958 г., а спустя некоторое время в развернутом виде опубликовал в статье (Руденко С.И., 1961б).

Отдельный интерес у С.И. Руденко вызывала социальная история пазырыкского общества. Изучая эту проблему, он во многом высказывал идеи, сходные с позициями других исследователей. В зависимости от монументальности сооружений ученый (так же как М.П. Грязнов и С.В. Киселев) предлагал подразделить курганы скифского времени на три основных группы, каждая из которых соответствует определенному социальному статусу умерших людей. В результате такого подхода выделялись: 1) погребения рядовых номадов; 2) курганы знати (племенной и/или родовой); 3) погребения вождей племен (Руденко С.И., 1952, с. 54; 1953, с. 257). Давая такую традиционную для того времени трехуровневую стратификацию кочевого социума, С.И. Руденко подчеркивал, что уровень имущественной дифференциации у «горно-алтайцев» был ниже, чем у саков или скифов Причерноморья. Следствием этого явилось наличие в пазырыкском обществе не только знатных, но и зажиточных семей, у которых в частной собственности находилось больше скота, чем у других соплеменников (Руденко С.И., 1952, с. 56).

Особое внимание С.И. Руденко обратил на вопрос о рабстве у кочевников Алтая. Исследователь отмечал, что прямых свидетельств о формах зависимости у «пазырыкцев» нет. В то же время он не исключал существования домашнего рабства, что было весьма характерно для других народов древности (Руденко С.И., 1953, с. 257).

Не меньший интерес у С.И. Руденко вызывали особенности общественной организации номадов Алтая, в структуре которой он выделял роды и племена. Во главе племени, по его мнению, стояли старейшины, а в военное время их функции переходили к вождям и вое-

начальникам. Вождей и старейшин выбирали через народное собрание. Существовал также совет старейшин, регулировавший межплеменные отношения (Руденко С.И., 1952, с. 56). Ученый полагал, что общественное развитие номадов Алтая было очень сходно с уровнем развития ухуаньцев, известных по китайским источникам, у которых еще «только недавно началось выделение более зажиточных семей из остальной родовой общины» (Руденко С.И., 1953, с. 270–271).

Важным достижением в палеосоциологических реконструкциях С.И. Руденко является планиграфический анализ могильников. Он указал на перспективность такого метода и продемонстрировал его возможности на примере памятников Горного Алтая. По мнению исследователя, курганная группа – это кладбище одного рода. Некрополь в долине Пазырык он предложил рассматривать как погребения вождей племен из трех родов или семей, что хорошо прослеживается по планиграфии памятника. Так, в пределах Пазырыкского могильника С.И. Руденко выделил три группы: 1) курганы №1 и №2; 2) курганы №3 и №4; 3) стоящий особняком курган №5 (Руденко С.И., 1952, с. 56). Немного позднее ученый пришел к однозначному выводу, что в урочище Пазырык похоронены представители только от трех семей, а не от родов (Руденко С.И., 1953, с. 259).

Несмотря на то, что по многим вопросам мнение С.И. Руденко совпадало с точками зрения других исследователей Горного Алтая, тем не менее в ряде случаев он активно критиковал позиции своих оппонентов. Так, наибольшие разногласия у С.И. Руденко возникли с М.П. Грязновым, в частности, по проблеме так называемых «погребенных даров», на основании анализа которых М.П. Грязнов предложил реконструкцию структуры «горно-алтайских» племен (Грязнов М.П., 1950, с. 70–71; Руденко С.И., 1960, с. 240–241). С.И. Руденко, критикуя М.П. Грязнова и поддержавших его С.А. Токарева (1950, с. 213) и К. Йеттмара (1951), отмечал, что материалы по скифской эпохе Горного Алтая «...не дают оснований видеть в погребенном инвентаре вещи, дарованные, а не принадлежащие умершим, и тем более приписывать феодальные отношения обществу горно-алтайских племен...». Доводы же М.П. Грязнова, сделанные на основании материалов из Первого Пазырыкского кургана, исследователь считал не обоснованными. Археолог отмечал, что погребенные верховые кони принадлежали исключительно умершему, а разные метки

на ушах лошадей свидетельствовали лишь о том, что они могли иметь когда-то разных хозяев (Руденко С.И., 1960, с. 239). С.И. Руденко также обратил внимание на однотипность конского снаряжения и на отдельные его элементы, которые неоднократно чинились. Это обстоятельство исключало вывод М.П. Грязнова о том, что они изготовлялись специально для погребения и приносились, как и лошади, в дар к умершему вождю.

Завершая обзор социальных разработок С.И. Руденко, можно сделать следующие выводы. Прежде всего надо отметить, что в его работах прослеживается определенное принижение уровня социально-экономического и политического развития общества скотоводов Алтая. Это связано с методологическими принципами исторического материализма, на которых базировалось исследование ученого. К этому надо добавить, что на методологию наложились определенные идеологические догмы, широко распространенные в науке в 30-х – начале 50-х гг. XX в. Поскольку, по господствующему в то время мнению ученых и идеологов, «пазырыкцы» не «дотягивали» по имеющимся в их культуре признакам до уровня рабовладельческой формации, потому и возникла необходимость обоснования более низкого развития кочевников. Особенно отчетливо такая тенденция наблюдается в монографиях С.И. Руденко, изданных в 1952 и 1953 гг. В этих книгах, в качестве определенного теоретического обоснования своего исследования ученый в ряде случаев по вопросам социальной истории ссылается на работы И.В. Сталина. В этой связи представляется не случайным стремление археологов и историков того времени показать «пропорциональную» зависимость богатства и социального статуса: чем знатнее человек, тем выше у него уровень материального благополучия, тем сильнее он эксплуатирует сородичей, соплеменников (Дашковский П.К., 2001г). Надо отметить, что С.И. Руденко в какой-то степени пытался уйти от подобного идеологического принципа, характерного даже не столько для марксизма, сколько для сталинской идеологии. Поэтому ученый, опираясь на реальные археологические и этнографические источники, указывал на наличие в социальной структуре пазырыкцев не только трех традиционных слоев, но и «категории зажиточных семей», которые были ниже по статусу знати (Руденко С.И., 1952, с. 56).

В одной из своих последних работ «Культура населения Центрального Алтая в скифское время», опубликованной в 1960 г. в пери-

од «хрущевской оттепели», исследователь по сути дела призывает ученых не формально понимать выводы классиков марксизма, в частности Ф. Энгельса, а «творчески» их перерабатывать. В данном случае речь идет о том, что С.И. Руденко в определенном смысле выступил против «преувеличенной точки зрения (Ф. Энгельса. – *Авт.*) на роль военных набегов как источника благосостояния коневодческих племен» (Руденко С.И., 1960, с. 243). Такая даже небольшая частная критика отдельных положений марксистской философии и идеологии, конечно, не могла быть высказана в сталинскую эпоху.

С современной точки зрения в творчестве С.И. Руденко, как и М.П. Грязнова, С.В. Киселева, переплетались принципы философии позитивизма, исторического материализма и постулаты марксистской идеологии. Такой методологический синтез обусловлен сложными процессами общественно-политической жизни в СССР, в которые был вовлечены и археологи.

Следует отметить, что при всех недостатках С.И. Руденко, С.В. Киселев и М.П. Грязнов внесли большой вклад не только в изучение социальной истории кочевников, но и в целом в разработку методики палеосоциологических реконструкций. Исследователи прекрасно продемонстрировали возможности комплексного подхода к таким реконструкциям на основе привлечения археологических, этнографических, палеозоологических и антропологических данных. Особое внимание было обращено на критерии социальной стратификации, в качестве которых рассматривались монументальность сооружения, состав инвентаря, объем трудозатрат на сооружение кургана и т.д. Нужно подчеркнуть и успешное применение С.И. Руденко планиграфического анализа Пазырыкского могильника.

Основным итогом социальных разработок С.И. Руденко одновременно с М.П. Грязновым и С.В. Киселевым стала выработка трехуровневой модели социального развития кочевников Горного Алтая, которая заложила фундамент для дальнейших исследований в этом направлении.

Значительное внимание С.И. Руденко уделил изучению верований, обрядов древних кочевников Алтая. Это нашло отражение в отдельных разделах его монографий (Руденко С.И., 1952, 1953, 1960). Реконструкцию религиозно-мифологических представлений, как и социальной структуры, исследователь построил на основе комплексно-

го подхода, базирующегося на привлечении археологических источников, сведений античных авторов, китайских хроник, этнографических данных и результатах анализа художественных образов пазырыкского искусства. Такой методический прием, основы которого разработаны еще во 2-й половине XIX в. В.В. Радловым, позволил ученому достаточно подробно представить реконструкцию культа мертвых и предков, жертвоприношений, поминок, обычая бальзамирования у скотоводов (Руденко С.И., 1952, с. 244–247; 1953, с. 336–341). Изучение артефактов из больших пазырыкских курганов подтолкнуло исследователя к идее о том, что в религии кочевников сохранились пережитки более ранних форм верований, в частности, магии, колдовства, анимизма. Об этом, по его мнению, свидетельствуют находки амулетов, специальных мешочков, в которые зашивали волосы и ногти (Руденко С.И., 1952, с. 247; 1953, с. 336–338 и др.).

С.И. Руденко выступил с критикой гипотезы, выдвинутой рядом ученых, согласно которой многочисленные изображения животных в пазырыкском искусстве являются свидетельством существования в религиозно-мифологической системе кочевников пережитков тотемизма. Исследователь вслед за М.И. Артамоновым, предлагал различать два вида изображений: 1) реалистичные сцены нападений хищников на травоядных; 2) нападение фантастических животных на тех же травоядных. Последняя группа изображений отражала мифологические, вероятнее всего, дуалистические представления кочевников, которые находят аналогии в переднеазиатской космогонии (Руденко С.И., 1953, с. 336–338).

В своих работах С.И. Руденко попытался восстановить пантеон богов древних «горно-алтайцев», проводя для этого аналогии с мифологией скифов Причерноморья и используя анализ изображений на ковре из 5-го Пазырыкского кургана. По его мнению, на этом ковре изображена богиня, которая выполняла те же функции, что богини Табиты или Апи у скифов. Первая богиня была связана с культом огня и домашнего очага, а вторая – это богиня земли, относящаяся к подземному миру. Сама богиня, запечатленная на пазырыкском ковре, восседает на троне со священным деревом или кустом в руках, а перед ней стоит всадник. Исследователь отмечал, что поклонение животворящим силам природы, а также некоторые другие особенности религии и мифологии «пазырыкцев», находят прямые аналогии не толь-

ко у скифов, но и у народов Передней Азии, в частности у иранцев (Руденко С.И., 1953, с. 339). Таким образом, ученый обозначил идею, правда, в расплывчатой форме, что в основе религиозной системы «пазырыкцев» и ряда других народов скифской эпохи Евразии лежал общий для них комплекс индоиранских религиозно-мифологических представлений. Следует отметить, что подобное предположение высказывали М.И. Ростовцев, Н.Я. Марр, В.А. Городцов.

Несмотря на признание достаточно развитой религиозно-мифологической системы у номадов Алтая, С.И. Руденко (1953, с. 339), тем не менее ошибочно указывал на отсутствие в пазырыкском обществе, как и у других кочевников, в том числе и у скифов, особого жреческого слоя. Последние разработки в этой области как раз показывают существование определенной группы служителей культа в пазырыкском обществе (Полосьмак Н.В., 1994а, 2001а; Могильников В.А., 1997; Марсадолов Л.С., 2000а; Шульга П.И., 1999б, 2000б; Дашковский П.К., 2001а; и др.).

Концепция духовного развития «пазырыкцев» С.И. Руденко базировалась, с одной стороны, на принципах исторического материализма и разработках отечественной этнографической школы. С другой стороны, он пытался выйти за эти методологические рамки, в связи с чем в его работах наблюдается влияние философии неопозитивизма с ее принципом верификации, а также сравнительного религиоведения и сравнительной мифологии, основы которых были заложены М. Мюллером и его последователями.

В настоящее время некоторые выводы С.И. Руденко, несомненно, нуждаются в уточнении или пересмотре. Тем не менее они явились отправной точкой в формировании основных задач и подходов в развитии этого направления изучения пазырыкской культуры Горного Алтая.

Определенный вклад ученый внес в изучение искусства скифской эпохи (Руденко С.И., 1961а, 1968, 1971; Руденко С.И., Руденко Н.М., 1949). Комплексное исследование этой проблемы позволило С.И. Руденко указать на то, что пазырыкское искусство имеет много общего с ранними произведениями искусства скифов Северного Причерноморья, а также с искусством Передней Азии прежде всего ахеменидского периода. При этом исследователь особо подчеркнул, что для ранних памятников (VI в. до н.э.) номадов Алтая характерен особый стиль в изображении животных – расчленение их тела систе-

мой завитков и треугольников. В более поздний период (V в. до н.э.) в изображениях животных уже ярко проявляется влияние переднеазиатских художественных традиций. Исследователь также обратил внимание, что если связи с Передней Азией на всем протяжении развития пазырыкской культуры носили устойчивый характер, то с Китаем такие контакты были эпизодическими (Руденко С.И., 1968, с. 110–113).

Несмотря на то, что уже существует большое количество публикаций, посвященных жизни и научной деятельности Сергея Ивановича Руденко, все же, на наш взгляд, более полная и объективная работа еще впереди. Для этого потребуются усилия не одного поколения исследователей. Важно, чтобы о С.И. Руденко не только помнили, но и знали его труды, ставшие уже классическими.

Михаил Петрович Грязнов (1902–1984)

Биографическая справка

Родился 13 марта 1902 г. в г. Березове бывшей Тобольской губернии (ныне – поселок в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской обл., пристань на р. Сосьва) в семье надворного советника. После окончания 2-го Томского реального училища в 1919 г. М. Грязнов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Томского университета (Аванесова Н.А., Кызласов Л.Р., 1985, с. 277), где во время обучения работал еще и препаратором в кабинете географии (Шевченко О.В., 1992, с. 78–79). В 1920 г. он принял участие в археологической экспедиции под руководством доцента Томского университета С.А. Теплоухова. После этого определились научные интересы молодого человека в области археологии, этнографии и антропологии. Под влиянием С.А. Теплоухова формировались и позже реализовывались многие исследовательские подходы при изучении М.П. Грязновым археологических материалов (Матющенко В.И., Швыдкая Н.П., 1990).

В 1922 г. М.П. Грязнов перевелся в Петроградский университет на биологическое отделение физико-математического факультета по циклу антропологии и палеоэтнологии. В этом же году он параллельно стал работать под руководством С.И. Руденко научно-техническим

сотрудником в отделе этнической антропологии РАИМК. В 1925 г. М.П. Грязнов устроился научным сотрудником Этнографического отдела Государственного Русского музея и старшим научным сотрудником в ГАИМК (Беленицкий А.М., Пшеницына М.Н., 1992).

В 1924–1925 гг. М.П. Грязнов проводил самостоятельные исследования в районе г. Томска, где раскопал 48 курганов Тоянова городка, а также в верховьях Оби, осмотрев долину реки от г. Бийска до г. Барнаула. В окрестностях Бийска и с. Сростки были раскопаны «курганские кладбища» эпохи раннего железа, а в Сайлюгемской степи Горного Алтая – «могильные памятники со стоящими у основания каменными бабами» (Жук А.В., 1995б, с. 36–37).

С середины 1920-х гг. окончательно сформировались основные направления исследований М.П. Грязнова как в области рассмотрения теоретических проблем археологии, так и в изучении древних культур. С этого времени и на протяжении многих десятилетий исследователь проводил экспедиции в различных регионах Сибири, Казахстана и Средней Азии (Шевченко О.В., 1992; Эрлих В.А., 1993; Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А., 2003; и др.).

В 1927 г. М.П. Грязнов вновь прибыл на Алтай, где исследовал на р. Урсул, в урочище Шибэ, «княжеское погребение» – огромный каменный курган. Краткое сообщение об этом было опубликовано в 1928 г., но только 50 лет спустя, результаты раскопок были представлены полностью в статьях сотрудницы Государственного Эрмитажа (ГЭ) Л.Л. Барковой (1978, 1979, 1980). В 1929 г. Алтайской экспедицией Этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко началось изучение Первого Пазырыкского кургана, который непосредственно раскапывался М.П. Грязновым. Был получен удивительный по содержанию и огромный по количеству научный материал мирового значения. Результаты исследований молодой ученый опубликовал в нескольких небольших статьях: «Раскопка княжеской могилы на Алтае» (1928), «Пазырыкский курган» (1929а), «Пазырыкское княжеское погребение на Алтае» (1929б).

В 1930 г. М.П. Грязнов, опираясь на известные к тому времени материалы, в своей работе «Древние культуры Алтая» представил схематическую последовательность смены культур проживавшего на Алтае населения. Таким образом, были заложены перспективы археологического изучения одного из своеобразных регионов Северной Азии.

В ноябре 1933 г. Михаила Петровича Грязнова по ложному доносу обвинили в активном участии в фашистской контрреволюционной организации украинских и русских националистов. Из-за отсутствия доказательств и при отказе принять свою вину Михаил Петрович получил «мягкий» по тем временам приговор. Его выслали на три года в Горьковский край в г. Киров (Вятка) (Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А., 2003, с. 21). После ссылки, в 1937 г., М.П. Грязнов стал работать в Эрмитаже, а с 1939 г. был восстановлен в должности старшего научного сотрудника ГАИМК (Беленицкий А.М., Пшеницына М.Н., 1992, с. 6). В 1937 г. вышла его небольшая монография «Пазырыкский курган» с текстом на русском и французском языках.

Главной проблемой 30-х гг. XX в. являлось отсутствие глобальных концепций развития человеческого общества, в русле которых шло бы изучение материальных остатков культур, ушедших в прошлое. Для решения этой задачи в ГАИМК была сформирована исследовательская группа по истории скотоводства, в которую вошел и М.П. Грязнов. Созданная в то время концепция нашла отражение при подготовке «Истории СССР с древнейших времени до образования древнерусского государства», где Михаилом Петровичем написан параграф «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана» (Грязнов М.П., 1939).

В 1939 г. Алтайская экспедиция ГЭ под руководством М.П. Грязнова проводила исследования на Алтае в долинах рек Чарыш, Кан, Ябоган, Кырлык. Тогда же в результате раскопок на обширном могильном поле в Яконуре было вскрыто 17 погребений. Сведения о выполненных работах отражены лишь в краткой публикации (Грязнов М.П., 1940).

Во время Великой Отечественной войны М.П. Грязнов находился вместе с эвакуированными ценностями Эрмитажа в г. Свердловске (ныне Екатеринбург. – *Авт.*). В январе 1945 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане». Положительные отзывы на нее написали А.В. Арциховский и С.В. Киселев. В июле того же года Михаил Петрович уже получил степень доктора исторических наук, представив в Ученый совет ИИМК АН СССР рукопись монографии «Пазырык – погребение племенного вождя на Алтае» (Аванесова Н.А., Кызласов Л.Р., 1985, с. 278), которая была подготовлена еще в 1941 г. на материалах раскопок Перво-

го Пазырыкского кургана. Позднее, в 1950 г., сокращенный вариант диссертации М.П. Грязнов опубликовал отдельной монографией.

После войны Михаил Петрович успешно совмещал работу в ГЭ и ИИМК, а с 1946 г. начал читать лекции по археологии Сибири и трасологии на историческом факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ). С 1951 г. М.П. Грязнов стал руководить подготовкой аспирантов в ЛГУ и в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. У него появилось множество учеников не только из Ленинграда, но и из Сибири, Средней Азии, Казахстана и даже из Вьетнама (Баркова Л., Марсадолов Л., 1987).

В 1946–1947, 1949 гг. М.П. Грязнов возглавлял Северо-Алтайскую экспедицию ГЭ и ИИМК, которая проводила раскопки на комплексе памятников в урочище Ближние Елбаны около с. Большая Речка (Топчихинский район Алтайского края). Задача этих работ заключалась в выявлении и исследовании разных археологических объектов так, чтобы полученный материал отражал все этапы культурного развития древнего и средневекового населения Верхней Оби. По результатам исследований было опубликовано несколько статей, а в 1956 г. издана монография.

В 1953 г. М.П. Грязнов начал руководить сектором Средней Азии и Казахстана в ЛОИА АН СССР, а в 1957 г. он дополнительно стал заведующим Лаборатории археологической технологии. С 1974 г. Михаил Петрович возглавлял Ленинградскую секцию Отдела полевых исследований при Президиуме АН СССР (Аванесова Н.А., Кызласов Л.Р., 1985, с. 278–280). В 1955–1970 гг. научная и организаторская деятельность М.П. Грязнова была связана с раскопками в зоне затопления Красноярской ГЭС (Баркова Л., Марсадолов Л., 1987).

Последний период жизни исследователя ознаменован изучением замечательного комплекса раннескифского времени кургана Аржан в Туве (1971–1974 гг.), а также теоретическим обоснованием проблем скифской эпохи. Итоги этой работы были отражены М.П. Грязновым (1978, 1979, 1980, 1983) в серии статей и в монографии.

Несмотря на то, что Михаил Петрович сохранял всю свою жизнь преданность археологии, его можно отнести к числу ученых-энциклопедистов (Марсадолов Л.С., 2002а). В своих работах он реализовывал исследования по многим научным направлениям (этнографии,

социологии, искусствоведению, трасологии, антропологии, почвоведению и др.). М.П. Грязнов был отмечен правительственными наградами, среди которых орден «Знак почета» и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». За цикл публикаций «Древности Южной Сибири» в 1983 г. ему была присуждена Государственная премия СССР (Баркова Л., Марсадолов Л., 1987).

Умер Михаил Петрович Грязнов 18 августа 1984 г. после тяжелой и продолжительной болезни.

Омский государственный университет совместно с Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН начиная с 1987 г. регулярно проводит исторические чтения памяти выдающегося отечественного археолога, который был одним из талантливейших исследователей истории древнего и средневекового населения Сибири. В Музее археологии и этнографии ОмГУ в настоящий момент находится часть архива М.П. Грязнова, в которой имеются не только личные документы и переписка, но и данные о научной деятельности, материалы исследовательской «кухни» ученого. Фонд М.П. Грязнова хранится и в Архиве ИИМК (Васильева Р.В., 1987, 2002; Пшеницына М.Н., 1987; Длужневская Г.В., Лазаревская Н.А., Медведева М.В., 2002; и др.). Две конференции, приуроченные к 90 и 100-летию со дня рождения ученого, были проведены в Санкт-Петербурге.

В настоящее время изучение жизни и деятельности М.П. Грязнова только начинается (Тишкин А.А., 2001; Марсадолов Л.С. 2002; Жук А.В., 2002; Степи Евразии... , 2002; и др.). Научное наследие ученого насчитывает более 150 работ, из которых 13 – это монографии (Эрлих В.А., 1993, с. 102)*.

Основные направления исследований

Методологические и методические принципы научной деятельности М.П. Грязнова сформировались, с одной стороны, на основе

---

* В.А. Эрлих в своей статье указал общее число публикаций М.П. Грязнова – 159, из которых 12 – монографии. Однако в 1999 г. был издан еще один труд ученого под названием «Афанасьевская культура на Енисее». В списке опубликованных работ М.П. Грязнова, приведенном Л.М. Всевиовым (2002), отмечено 158 позиций.

наследия русской археологической, палеоантропологической, этнографической мысли конца XIX – начала XX вв., а с другой – под влиянием марксистского материалистического понимания истории (Матющенко В.И., Швыдкая Н.П., 1990, с. 77–89).

Надо отметить, что в 1920–1930-е гг. широкое распространение в отечественной науке получил стадийный подход к изучению древних обществ, одним из разработчиков которого являлся академик Н.Я. Марр (Цыб С.В., 1988; Бабушкин А.П., Колмаков В.Б., Писаревский Н.П., 1994). Первоначально теория стадийности была выработана исследователем в рамках языкознания. Отводя языку роль надстройки общества, считалось, что смена «видов» производства, вызывая перемены в общественном строе, отображается в коллективном мышлении и в языковой структуре. Это в свою очередь позволяло заключить, что каждой социально-экономической формации соответствует специфичный языковой строй. Немного позднее Н.Я. Марр попытался соотнести «лингвистические стадии» с данными по истории материальной культуры. Однако эта попытка оказалась неудачной, поскольку, по оценкам некоторых ученых, она «определялась непониманием диалектической взаимосвязи между базисом и надстройкой, а также переоценкой идеологической роли языка в развитии общества» (Бабушкин А.П., Колмаков В.Б., Писаревский Н.П., 1994, с. 34–35). Постепенно Н.Я. Марр и его единомышленники, в частности И.И. Мещанинов (1932), В.В. Гольмстен (1933) и некоторые другие, распространили положения теории стадийности на изучение истории. Они исходили из представления, что процесс развития культуры обладает единством для всех районов Старого Света на начальных этапах становления человечества. Существующие различия в формах развития культуры выводились исследователями из неодинаковых условий и несходного характера их проявления, обуславливающих известную вариабельность в общем ходе развития. Изучение процесса видоизменения форм в их переходах из стадии в стадию предлагалось осуществлять в рамках особого палеонтологического или генетического подхода. Основное содержание такого подхода заключалось в объяснении сущности этого процесса с учетом всех его движущих сил (Бабушкин А.П., Колмаков В.Б., Писаревский Н.П., 1994, с. 36). Возможности рассмотрения истории древних обществ в рамках палеонтологического (генетического) подхода были в определен-

ной степени продемонстрированы И.И. Мещаниновым (1932) и В.В. Гольмстен (1933) при характеристике кочевых обществ Евразии скифской эпохи, в том числе и «пазырыкцев» Горного Алтая.

Влияние теории стадильности Н.Я. Марра и его соратников достаточно четко прослеживается в концепции «ранних кочевников» М.П. Грязнова (1939), в рамках которой археолог выделял три этапа (стадии). Кроме того, М.П. Грязнов полностью воспринял реконструкцию религиозно-мифологической и хозяйственной роли лошади у номадов Горного Алтая, предложенную Н.Я. Марром и И.И. Мещаниновым (1932, с. 10–11) (Грязнов М.П., 1950, с. 84–85).

Не меньшее значение для научной деятельности М.П. Грязнова имели эволюционно-этнологические разработки его учителя С.А. Теплоухова (Китова Л.Ю., 1994; Бобров В.В., 1994). В своих культурно-исторических интерпретациях М.П. Грязнов исходил из вывода С.А. Теплоухова о том, что одна археологическая культура сменяется другой – более развитой. При этом исследователь не абсолютизировал эволюционное развитие, а придавал серьезное внимание роли этнокультурных контактов и миграций в этом процессе (Китова Л.Ю., 1994, с. 66).

Указанная теоретическая база легла в основу изучения одной из центральных тем в творчестве М.П. Грязнова, посвященной культуре кочевников Горного Алтая скифской эпохи. Наиболее заметный вклад в это был сделан в конце 1920-х – 1950-е гг., т.е. в период наибольшего интереса к Алтаю.

В 1928–1929 гг. М.П. Грязнов опубликовал несколько статей, где рассматривалось своеобразие курганов Алтая, в которых обнаружена мерзлота, сохранившая органические материалы. В 1930 г. он указал на возможность установления относительного возраста древних курганов по сохранившейся в них древесине, исходя из общеизвестного факта, что размер и вид годичных колец деревьев находится в зависимости от климатических особенностей того или иного года (Грязнов М.П., 1930а). Вероятно, такой подход в изучении археологического материала был выработан под влиянием С.А. Теплоухова, который придавал большое значение влиянию экологической ситуации на культурно-исторические процессы (Шевченко О.В., 1992, с. 79; Бобров В.В., 1994, с. 74; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 12). Влияние научного наследия С.А. Теплоухова прослеживается и в других публикациях

М.П. Грязнова. Так, в своей работе «Древние культуры Алтая» (Грязнов М.П., 1930б) он, опираясь на ранее известные материалы, используя периодизации, предложенные В.В. Радловым (Марсадоллов Л.С., 1996а, с. 20) и С.А. Теплоуховым (1929) для Южной Сибири, привлек результаты новых археологических данных и разработал схематическое построение смены культур Алтая, подразделив памятники этого региона на семь основных этапов. В этой статье ученый предоставил первую сводку обнаруженных конкретных вещей, послуживших базой для формирования представлений о развитии древнего общества на рубеже эпох (бронзы и железа). В предложенном М.П. Грязновым делении схематично определена последовательность сменяющихся культур без конкретных хронологических привязок. Для более совершенной периодизации не хватило единичных и случайных находок. Нужен был массовый материал, отражающий различные стороны жизнедеятельности людей. Тем не менее первый опыт периодизации археологических памятников Алтая, предложенный исследователем в 1930 г., считается одним из важных результатов его работы (Аванесова Н.И., Кызласов Л.Р., 1985) и не потерял своего значения до настоящего времени (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 12–13).

В апреле 1930 г. в секторе архаической формации ГАИМКа сформировалась небольшая исследовательская группа, называвшаяся ИКС по первым буквам слов, означающих проблему изучения: история кочевого скотоводства (Артамонов М.И., 1977, с. 4; Жук А.В., 1997, с. 53–54). В этот научный коллектив вошли В.В. Гольмстен (руководитель группы), М.И. Артамонов, Г.П. Сосновский и М.П. Грязнов. Несмотря на то, что эта группа просуществовала только до осени 1931 г. (Жук А.В., 1997, с. 57), тем не менее ею были получены важные выводы и заложены дальнейшие направления для развития кочевниковедения в целом. Наиболее существенными результатами работы ученых было признание исторического факта, что до господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства в них процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство. Кроме того, было установлено, что кочевое хозяйство возникло только в конце эпохи бронзы и окончательно утвердилось в период распространения железа в скифо-сарматских культурах (Артамонов М.И., 1977, с. 4).

Концепция, созданная при участии М.П. Грязнова, нашла отражение в последующих работах исследователя. В 1939 г. им написан

параграф «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана» для коллективного труда «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» (Грязнов М.П., 1939). В этой работе, опираясь на археологические данные по Алтаю и сопредельным территориям, Михаил Петрович ввел в научный терминологический аппарат понятие формационного характера «эпоха ранних кочевников», которая охватывала восемь столетий (VII в. до н.э. – I в. н.э.) и подразделялась на три этапа: 1) майэмирский (VII–V вв. до н.э.); 2) пазырыкский (V–III вв. до н.э.); 3) шибинский (II в. до н.э. – I в. н.э.). Археологические материалы, характеризующие каждый из этапов, по мнению исследователя, позволили «проследить последовательные изменения в хозяйственной и социальной жизни племен» всей эпохи ранних кочевников (Грязнов М.П., 1939, с. 400). По сути дела, М.П. Грязнов не делал принципиальной терминологической разницы между понятиями «эпоха ранних кочевников» и «культура ранних кочевников». Из этого следует, что в Горном Алтае на всем протяжении скифской эпохи существовала в представлении ученого одна культура, которая прошла в своем развитии три вышеуказанных этапа. В этой связи исследователь отмечал, что «памятниками майэмирского этапа представлена та самая культура (культура ранних кочевников Алтая. – *Авт.*), которая знакома по памятникам пазырыкского и шибинского этапов» (Грязнов М.П., 1947, с. 9–11).

В работе 1939 г. М.П. Грязнов дал в общих чертах характеристику каждого из выделенных этапов. Так, основными особенностями майэмирского этапа являлись захоронения лошади в отдельной специальной яме, рядом с основной могилой погребенного человека. К памятникам этого этапа относились курганы в Майэмирской степи, объекты, раскопанные под Солонечным Белком, на Куюме. Второй, пазырыкский, этап характеризовался такими инновациями в культуре, как освоение техникиковки железных предметов, сопроводительное захоронение лошади в одной могиле с покойником, изготовление оружия из бронзы уменьшенных размеров специально для погребения. К пазырыкскому этапу ученый отнес курганы в Пазырыке, Туэкте и др. Наконец, наибольшее число памятников относилось к третьему, шибинскому этапу: Берель, Туэкта, Курай, Катанда, Шибе. М.П. Грязнов отмечал, что «погребальный ритуал в курганах и состав положенных в могилу предметов» остался такой же, как и на пазы-

рыкском этапе. Однако полностью исчезли бронзовые орудия и оружие, на смену которым пришли изделия из железа. Исключение составили бронзовые наконечники стрел позднескифского типа. Было подчеркнуто, что предметы вооружения из железа сохранили форму бронзовых, а украшения из рога стали многочисленными и разнообразными (Грязнов М.П., 1939, с. 407–408). По мнению Л.С. Марсадолова, эта работа М.П. Грязнова продемонстрировала окончательный методологический переход ученого на позиции исторического материализма. Теперь изменения в развитии экономики стали рассматриваться в тесной связи с изменениями социального строя, идеологических представлений, искусства и т.д. (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 26).

Развивая свои идеи, М.П. Грязнов 5 июля 1945 г. сделал на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК доклад «Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае», позднее опубликованный в развернутом виде (Грязнов М.П., 1947). Майэмирский этап (VII–V вв. до н.э.) он предложил выделять на основе трех основных признаков: 1) конструкция узды (со стремечковидными удилами и трехдырчатыми псалями); 2) форма бронзовых зеркал с вертикальной стенкой-бортиком по краю и петелькой в виде плоского полукольца посередине; 3) полное отсутствие железных орудий (все бронзовые орудия имеют формы, близкие к карасукским). К памятникам этого этапа ученый на этот раз отнес курганы и клад в Майэмирской степи, захоронения под Солонечным Белком, погребения в Усть-Куюме, комплекс бронзовых предметов от снаряжения верхового коня, обнаруженный близ Змеиногорска, еще два таких набора из Семипалатинского музея, а также случайные находки. Среди признаков, характеризующих данный период, исследователь указал следующие: наличие лошади в отдельной могиле, архаичность «звериного стиля», отсутствие глиняной посуды, экономическая и социальная дифференциация общества, скотоводческая форма хозяйства (Грязнов М.П., 1947, с. 9–14). Почти десять лет спустя М.П. Грязнов, опираясь на результаты своих раскопок на Ближних Елбанах, сузил дату майэмирского этапа до VII–VI вв. до н.э. Кроме того, он указал на различие и сходство между майэмирскими памятниками Горного Алтая и большещеченскими Верхней Оби, которые ранее относились им к одной «культуре ранних кочевников» Алтая (Грязнов М.П., 1956, с. 44–98).

После раскопок кургана Аржан в Туве перед археологами обозначилось довольно много проблем, часть которых, естественно, легла на плечи М.П. Грязнова (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 19–20). В 1978 г. ученый изложил свою концепцию происхождения культур скифо-сибирского типа, развивая идеи, тезисно сформулированные в ряде предыдущих работ (Грязнов М.П., 1975а–в). При этом он отметил, что «...начальный этап скифской культуры (VIII–VII вв. до н.э.) ...известен не только в Причерноморье и Туве», но и на Алтае. К числу памятников этого этапа, предшествующего еще и майэмирскому, отнесены «немногочисленные погребения... в могильниках Курту и Усть-Куюм». Завершая рассмотрение поставленного вопроса, М.П. Грязнов (1978, с. 17–18) сделал важный для всей скифологии вывод о том, что «на обширных просторах Евразии с VIII в. до н.э. синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа», которые имели черты самобытности и оригинальности за счет особых условий существования. В данном подходе реализована идея полицентризма при объяснении процесса формирования скифо-сибирской общности на огромных пространствах Евразии. В дальнейшем М.П. Грязнов выделил три фазы развития культур VIII–III вв. до н.э.: 1) аржано-черногоровскую (VIII–VII вв. до н.э.); 2) майэмирско-келермесскую (VII–VI вв. до н.э.); 3) пазырыкско-чертомлыкскую (V–III вв. до н.э.). Каждая фаза в археологическом отношении характеризовалась особенностями скифской триады: вооружения, звериного стиля, конского снаряжения (Грязнов М.П., 1979, с. 4–7). В 1983 г. в одной из своих последних опубликованных работ М.П. Грязнов вновь обратился к проблеме выделения начального этапа скифо-сибирских культур, датированного уже IX–VII вв. до н.э. Характеризуя памятники аржано-черногоровской фазы на Алтае, как одной из определенных им культурно-исторических областей, М.П. Грязнов указал, что этот регион, несомненно, прошел такую ступень развития и имел свое своеобразие в культуре. Однако археологических материалов, по его мнению, было еще недостаточно для обоснования такого этапа применительно к Алтаю (Грязнов М.П., 1983, с. 9). Завершая краткий обзор культурно-хронологической концепции М.П. Грязнова, можно отметить, что выделенные им фазы по своему содержанию соответствовали стадийному подходу, разработанному учеными еще в 1-й половине XX в. Поэтому

попытки археолога наполнить новым археологическим материалом «старые» теоретические принципы исследования приводили к определенным методологическим и культурно-историческим противоречиям. Высказанные идеи не были подхвачены и практически не нашли отражения в работах последователей. Однако, несмотря на это, вклад М.П. Грязнова в науку, несомненно, значительный, а особенности подхода к интерпретации источников вполне соответствуют традициям советской эпохи и уровню накопления материалов по обозначенным проблемам. Не исключено, что состоится возврат к концепции исследователя и будет осуществлено наполнение ее новым содержанием.

Кроме изучения культурно-хронологических аспектов скифской эпохи Горного Алтая, М.П. Грязнов уделял определенное внимание и другим вопросам развития культуры кочевников. Еще в 1939 г. он отмечал, что для «эпохи ранних кочевников» Алтая характерны «разложение» первобытнообщинного строя, появление социальной дифференциации и рабства в позднескифский период. Учитывая особенности погребального обряда кочевников Горного Алтая скифского времени, исследователь выделил три группы курганов, соответствующих социальному статусу погребенных: 1) бедные; 2) более богатые (средние); 3) огромные курумы (Грязнов М.П., 1939, с. 407–411). Немного позднее ученый отметил, что в указанную эпоху у кочевников наблюдалась не только развитая социальная дифференциация, но и сложная политическая структура общества. Это выразилось, в частности, в господстве кочевников-скотоводов над оседлыми скотоводческо-земледельческими группами населения (Грязнов М.П., 1947, с. 14–15).

Ценный материал для палеосоциальных реконструкций М.П. Грязнов получил после раскопок Первого Пазырыкского кургана. Учитывая монументальность сооружения, а также незначительный процент больших курганов по отношению к малым, исследователь определил статус погребенного в этом кургане как «племенного вождя». О развитости социальных отношений в пазырыкском обществе, по мнению ученого, свидетельствовал установленный им факт, что богатство и высшие общественные должности в роду и племени передавались по наследству (Грязнов М.П., 1950, с. 68–69). Внимательно изучив материалы погребения, прежде всего сопроводительные захоронения коней, М.П. Грязнов сделал предположение, что «это были дары пле-

менному вождю от десяти родовладык». Он также полагал, что практика подношения существовала и в повседневной жизни, что являлось «нормой экономических отношений» между массой основных производителей и должностными лицами в роду и племени (Грязнов М.П., 1950, с. 69–71). Опираясь на эти свои выводы, М.П. Грязнов попытался реконструировать состав «пазырыкского» социума по числу родовладык, подносивших дары вождям. В результате, по его подсчетам, получалось, что племя, вождь которого был погребен в Первом Пазырыкском кургане, состояло из 10 родов, во втором – из 7, в третьем и четвертом – из 14, в Берельском кургане – из 16, в Шибинском – из 14. При этом цифры 7 и 14 ученый считал не случайными, а свидетельствующими о фратриальном делении «пазырыкцев», что являлось характерной чертой всех народов, находившихся на стадии военной демократии (Там же).

Не оставил без внимания М.П. Грязнов и исследование мировоззрения и искусства кочевников Алтая. Он достаточно подробно проанализировал пазырыкские образы и сюжеты, которые по своему характеру были декоративно-орнаментальными. При этом исследователь указал на то, что искусство кочевников рассматриваемого региона «обогатилось... художественными образами... и стилистическими приемами, заимствованными от более далеких инокультурных народов, от народов древнего Китая и Ирана» (Грязнов М.П., Булгаков А.П., 1958, с. 10–11). Однако, если заимствования мотивов, приемов китайского искусства периодов Чжань-го и Хань не получили широкого распространения в искусстве древних племен Алтая, то воздействие Ирана и Средней Азии на развитие художественных традиций было гораздо значительнее. Причем влияние искусства государств Передней и Средней Азии отразилось как на характере орнаментальных мотивов, стилистических приемов, так и на мифологическом содержании художественных образов (Грязнов М.П., 1950, с. 72–85; Грязнов М.П., Булгаков А.П., 1958, с. 7–14).

Рассматривая мифологию кочевников, М.П. Грязнов сделал предположение о существовании у них представлений о трехуровневом строении мира (небо, земля, подземный мир), которые в некоторой степени сходны с воззрениями алтайцев. Все три части Вселенной соотносились в древности с конкретными мифическими существами: крылатый тигр и орел – с небом, рыбоподобное чудовище, змей –

с подземным миром, а остальные персонажи населяли землю. Каждое из мифических существ обладало степенью могущества и силы (Грязнов М.П., 1950, с. 82). Существование у скотоводов Горного Алтая представлений о трехуровневом строении вселенной было в определенной степени обосновано последующими исследователями (Кубарев В.Д., 1991; Полосьмак Н.В., 1997, 2001а; Дашковский П.К., 1997, 2002; и др.).

Характеризуя мировоззрение кочевников, М.П. Грязнов отметил, что представления о зооморфных мифических существах, управляющих миром, имелись и в предшествующую карасукскую эпоху. С майэмирского этапа изображения этих животных стали помещаться не только на оружие, но и на предметы личного убора и конского снаряжения. По мнению ученого, на содержательную сторону искусства существенное влияние оказывали особенности существования и жизни самого кочевого общества. Поскольку в эпоху военной демократии на первое место в борьбе выдвигался наиболее храбрый и сильный воин, военачальник, могущественная семья, род, племя, то аналогичная ситуация находила отражение и в мифологии. Эти мифические существа, как указал М.П. Грязнов, «были воплощением силы, могущества и недоступности...», а их «взаимоотношения определялись борьбой, неизменным исходом которой являлась жестокая расправа сильного со своей жертвой» (Грязнов М.П., 1950, с. 82). Не касаясь содержательной стороны этой гипотезы М.П. Грязнова, следует лишь обратить внимание на возможную методологическую обоснованность подобных рассуждений археолога. Речь идет о том, что в 1930 г. вышла в свет работа известного отечественного философа А.Ф. Лосева «Диалектика мифа». Правда, книга вскоре была запрещена, а самого философа арестовали и сослали в лагеря, но тем не менее она успела попасть на прилавки магазинов и привлечь к себе внимание научных кругов (Тахо-Годи А.А., 1991). Один из выводов, к которым пришел А.Ф. Лосев, заключался в том, что мифология отражает социальную жизнь (древняя мифология отражает жизнь рода и т.п.) (Лосев А.Ф., 1994). Не исключено, что М.П. Грязнов был знаком с этими идеями А.Ф. Лосева. Во всяком случае, в его работе по интерпретации мифологических сюжетов кочевников Алтая (толкование взаимодействия мифических персонажей по аналогии с жизнью кочевого общества) можно уловить сходство с особенностями подхода к мифологии, изложенного А.Ф. Лосевым.

Важно еще раз заметить, что М.П. Грязнов, как и большинство исследователей того времени, находился под влиянием стадияльной теории развития обществ, разработанной Н.Я. Марром. В отношении реконструкции религиозно-мифологической системы «пазырыкцев» это выразилось в том, что М.П. Грязнов, вслед за Н.Я. Марром (1926, 1929) и Л.А. Потаповым (1935) попытался на основании материалов из Первого Пазырыкского кургана выявить пережитки тотемизма у скотоводов Горного Алтая. По мнению ученых, маски оленей, украшавшие коней из этого памятника, свидетельствовали о том, что в древности ведущая роль в хозяйстве и в религии принадлежала не лошади, а оленю (Грязнов М.П., 1950, с. 84–85).

Завершая рассмотрение творческого наследия М.П. Грязнова в области скифологии, необходимо отметить, что некоторые идеи ученого получили свое дальнейшее развитие в научной деятельности его учеников, многие из которых стали заниматься изучением скифской эпохи Евразии. Среди соратников, учеников и воспитанников М.П. Грязнова можно отметить А.Д. Грача, Я.А. Шера, М.Н. Пшеницыну, К.А. Акишева, А.М. Оразбаева, М.К. Кадырбаева, М.Х. Маннай-Оола, Л.С. Марсадолова, Н.А. Боковенко и многих других.

Киселев Сергей Владимирович (1905–1962)

Биографическая справка

Родился 18 июля 1905 г. в г. Мытищи Московской области. После окончания гимназии поступил в 1923 г. в Московский университет на археологическое отделение факультета общественных наук (Кызласов Л.Р., Левашова В.П., 1965, с. 7). Сергей Владимирович сразу решил посвятить свою жизнь изучению прошлого народов Сибири, выбрав себе двух учителей: старейшего археолога В.А. Городцова и известного историка С.В. Бахрушина (Кызласов Л.Р., 2003, с. 20). В 1926 г. он был направлен в аспирантуру Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Будучи аспирантом, С.В. Киселев стал работать в Государственном историческом музее, что способствовало овладению знаниями о вещественных материалах (Кызласов Л.Р.,

Левашова В.П., 1965). В 1928 г. археолог на собственные сбережения провел свою первую экспедицию в Минусинской котловине. На следующий год он опубликовал работу по итогам раскопок в Южной Сибири и продолжил изыскания в этом регионе (Китова Л.Ю., 2003, с. 12–17). По мнению Л.Р. Кызласова (2003, с. 20–21), вклад С.В. Киселева в создание хронологической классификации минусинских культур эпохи металла не менее важен, чем работы в этом направлении С.А. Теплоухова.

В 1930 г. молодой ученый защитил кандидатскую диссертацию «Минусинский неометалл» и начал работать в секторе археологии Института археологии и искусствознания (Пассек Т.С., 1963, с. 3). С этого года С.В. Киселев стал руководителем Саяно-Алтайской экспедиции ГАИМКа, ГИМа и местных научных организаций. Исследования на Алтае он впервые предпринял в том же 1930 г. В течение двух лет исследовались земляные курганы, а затем в 1932 г. проводились разведки, в ходе которых особое внимание было обращено на археологические памятники у с. Каракол в долине р. Урсул (Китова Л.Ю., 2003, с. 19–21). Наиболее масштабные изыскания под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой проведены при выполнении программы работ в зоне строительства Чуйского тракта в 1934–1937 гг. (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941; Марсадоллов Л.С., 1996а; Китова Л.Ю., 2003).

С 1932 г. С.В. Киселев работал в Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры (МО ГАИМК) старшим научным сотрудником, а затем – действительным членом академии. С 1937 г., после реорганизации ГАИМК в ИИМК АН СССР (с 1943 г. ИА АН СССР), исследователь трудился в этом учреждении (Пассек Т.С., 1963, с. 3). В 1939 г. он приступил к преподаванию в Московском университете, поражая студентов размахом полуторагодового курса «Бронзовый век Старого Света» (Кызласов Л.Р., 2003, с. 20).

15 мая 1946 г. Сергей Владимирович блестяще защитил докторскую диссертацию «Древняя история Южной Сибири», а в следующем году его труд был удостоен Ломоносовской премии (Кызласов Л.Р., Левашова В.П., 1965, с. 9). В 1946 г. ученый совершил научную командировку в Монгольскую Республику для подготовки работ по академическому изданию «Истории МНР». В 1948–1949 гг. он руково-

дил Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР и Комитета наук МНР (Пассек Т.С., 1963, с. 4–5). В это время появилось новое направление в научной деятельности С.В. Киселева – проблемы древней и средневековой истории Центральной Азии (Кызласов Л.Р., Левашова В.П., 1965).

В 1950 и 1959 г. С.В. Киселев работал в Китае, где читал лекции и изучал археологические коллекции в музеях разных городах. В эти же годы исследователь опубликовал две статьи, посвященные анализу взаимодействия народов Евразии в эпоху бронзы и средневековье. С.В. Киселев планировал написать капитальную монографию «Энеолит и бронзовый век Старого Света», в связи с чем он посетил в 1962 г. Кипр, Грецию, где познакомился с коллекциями по этим эпохам. Однако, данный труд остался не завершенным.

Сергей Владимирович Киселев был не только исследователем, но являлся выдающимся организатором и популяризатором науки (Кызласов Л.Р., Левашова В.П., 1965). В 1929–1938 гг. археолог работал в Государственном историческом музее в Москве в отделе раннего феодализма. В 1939 г. он стал профессором кафедры археологии МГУ. Затем с 1945 по 1951 г. С.В. Киселев занимал должность заместителя директора, а с 1951 г. – вплоть до своей смерти заведовал сектором неолита и бронзы Института археологии АН СССР. В период с 1950 по 1954 г. являлся ученым секретарем Президиума АН СССР. Около 10 лет состоял членом бюро ОИ АН СССР. С 1949 г. был главным редактором «Вестника древней истории» – органа ИИ АН СССР. В 1958 г. ученого избрали членом-корреспондентом АН СССР (Кызласов Л.Р., 2003, с. 22).

За монографию «Древняя история Южной Сибири» (1949, 1951) исследователь удостоен Сталинской премии 2-й степени. В 1954 г. он награжден Орденом Ленина (Пассек Т.С., 1963, с. 6–8).

Среди его учеников были люди разных национальностей Советского Союза, а также китайцы, корейцы, вьетнамцы, монголы, венгры (Кызласов Л.Р., 2003, с. 21).

Сергей Владимирович Киселев скончался 8 ноября 1962 г. в Москве. Список его печатных работ насчитывает 126 публикаций (Грюнберг Г.Е., 1963, с. 9–11).

Курганы скифской эпохи в Горном Алтае С.В. Киселевым были исследованы на могильниках у сел Курота, Туэкта, Каракол, Курай

(Киселев С.В., 1935, 1941, 1951; Марсаолов Л.С., 1996а, с.23; Китова Л.Ю., 2003).

К сожалению, изучением наследия ученого долгое время занимался ограниченный круг исследователей. До сих пор не введены в научный оборот полные результаты раскопок С.В. Киселева, а также отсутствуют подробные сведения о его жизни и деятельности. Однако положительная тенденция наметилась с выходом нескольких публикаций, основанных на архивных источниках (Кызласов Л.Р., 2003; Китова Л.Ю., 2003; Свешникова О.С., 2003; и др.). Такое положение свидетельствует о возрождающемся интересе к личности выдающегося ученого.

Основные направления исследований

С.В. Киселев считается одним из основателей советской археологии. Он был теоретиком, крупным организатором науки и выдающимся педагогом (Кызласов Л.Р., 2003). Изучая культуру древнего населения Алтая, С.В. Киселев основное внимание уделил вопросам хронологии и периодизации. Ученый сначала в статье (Киселев С.В., 1947, с. 157–172), а затем в монографии (Киселев С.В., 1951, с. 288–303) использовал термин М.П. Грязнова «майэмирский», но наполнив его новым содержанием. Так, если М.П. Грязнов (1939) выделял один майэмирский этап (VII–V вв. до н.э.) в культуре кочевников Алтая, то С.В. Киселев предложил рассматривать отдельно майэмирскую культуру, подразделенную на два этапа.

Первую стадию майэмирской культуры исследователь датировал VII–VI вв. до н.э. и вслед за М.П. Грязновым отнес к ней находки А.В. Адрианова в Майэмирской степи, в верховьях Бухтармы, под Солонечным Белком и у с. Черновая (Киселев С.В., 1947, с. 158–161). Ученый отметил, что послекарасукское время на Алтае характеризуется развитием форм, весьма схожих с древнетагарскими. В обоих случаях «для них характерно наличие, наряду с местными типами вещей и изображений, многих особенностей, близких к скифским архаической поры». При этом, как на основную особенность курганов VII–VI вв. до н.э., археолог указал на «погребение вместе с конем», а также отсутствие, как и в древнетагарских памятниках, предметов из железа (Киселев С.В., 1947, с. 160; 1951, с. 291).

Вторая стадия (V–IV вв. до н.э.) майэмирской культуры являлась, по мнению С.В. Киселева, синхронной пазырыкскому этапу, выделенному М.П. Грязновым. К позднемайэмирским памятникам исследователь отнес четыре кургана у с. Туехта (Туэкта. – *Авт.*), раскопанных в 1937 г. Памятники обеих стадий объединяет «полное сохранение курганной конструкции и обряда». Основное же отличие касалось комплекса вещей, значительное количество которых было изготовлено из железа. Ученый также обратил внимание на антропологические данные, в связи с чем сделал предположение о проникновении в V–IV вв. до н.э. новых этнических групп на Алтай. В подтверждение своей точки зрения археолог указывал на резко выраженные монголоидные черты погребенных из кургана №6 могильника Туехта. Учитывая южное происхождение монголоидного компонента, он подчеркивал, что именно через Туву и Северную Монголию развивались этнические и культурные связи Алтая с Центральной Азией и Дальним Востоком (Киселев С.В., 1947, с. 161, 169, 170–171).

После «майэмирского периода» наступила «пазырыкская эпоха», которую С.В. Киселев соотнес с гунно-сарматским временем. Пазырыкские курганы и подобные им памятники (Берель, Шибе, Катанда и др.) ученый датировал III–I вв. до н.э. (Киселев С.В., 1951, с. 288–303). В этой связи, рассматривая материалы из Первого Пазырыкского кургана, он увидел, что «сочетание хуннских и западных «массагетско-юэчжийских» особенностей могло иметь место прежде всего в III в. до н.э., когда, особенно во второй его половине, хунну стали крепнуть, хотя и оставались еще зависимыми от юэ-чжи». Проводя параллели между Аму-Дарьинским кладом и Пазырыкским курганом, в котором обнаружены кони даваньской породы, ученый пришел к выводу, что этот курган свидетельствует о первой вехе проникновения на восток вместе с юэ-чжи аборигенной среднеазиатской культуры – наследницы древневосточной цивилизации. Результаты раскопок хуннских памятников в Монголии показали, что и туда проникали достижения «сако-массагето-юэчжийского мира» (Киселев С.В., 1951, с. 391).

Кроме культурно-хронологических проблем С.В. Киселев обратил внимание и на решение вопросов социального развития кочевников Горного Алтая. Основываясь главным образом на визуальном анализе курганов, он предложил их отнести к трем группам, которые затем соотнес с отдельными слоями кочевого социума: 1) малые кур-

ганы рядовых кочевников; 2) средние – погребения племенной аристократии; 3) огромные «курумы» – курганы вождей. Каждую из выделенных групп исследователь попытался соотнести с реальными памятниками из Горного Алтая, раскопанными к концу 40-х гг. XX в. Так, к первой группе он отнес несколько небольших курганов из могильников Курота и Курай; во вторую – Второй Каракольский курган, курган №7 из могильника Туэкта, курганы №5, 8 из могильника Яконур и др. Наконец, в последнюю группу вошли большие курганы Алтая: Катанда, Первый Пазырыкский курган, Берель, Шибе (Киселев С.В., 1951, с. 327, 365–366).

Ученый, как и ряд других исследователей, обратил внимание не только на факт личной собственности у скотоводов на основное средство производства – лошадь, но и в целом на ее значительную роль в различных сферах культуры кочевого общества (Киселев С.В., 1951, с. 365).

Предложенная трехуровневая социальная дифференциация достаточно типична для того периода. По сути дела, это незначительно модернизированная стратификация М.П. Грязнова, разработанная им для кочевников Алтая в 1939 г. Использование С.В. Киселевым практически в неизменном виде разработок других ученых вполне закономерно, поскольку его работа «Древняя история Южной Сибири» носила преимущественно обзорный и обобщающий характер, нежели отдельное исследование какой-то частной проблемы. К этому следует еще добавить, что к началу 1950-х гг. было исследовано незначительное число памятников пазырыкской культуры. Поэтому имеющиеся в то время методические подходы к палеосоциальным реконструкциям на ограниченном фактическом материале не давали возможности представить более сложную социальную структуру кочевников Горного Алтая.

В определенной степени С.В. Киселев коснулся проблемы рассмотрения искусства пазырыкских племен. Основное внимание исследователь сосредоточил на анализе отдельных образов искусства (олень, лошадь, грифон и др.), отметив их связь с мифологическими представлениями кочевников. Ученый, как С.И. Руденко и М.П. Грязнов, провел искусствоведческие параллели между произведениями искусства из Пазырыкских курганов и государств Передней и Средней Азии. В результате С.В. Киселев выявил наибольшее сходство образов пазырыкского искусства с искусством Ассирии и, особенно, с Ахеменидским Ираном (Киселев С.В., 1951, с. 386–388).

**Сорокин Сергей Сергеевич
(1913–1984)**

Биографическая справка

Родился 23 июня 1913 г. в Орле. В 1949 г. с отличием закончил исторический факультет Ленинградского университета по кафедре археологии и поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР. Еще студентом будущий ученый активно участвовал в различных археологических экспедициях, работавших в Средней Азии (Сообщения..., 1987, с. 96). Он помогал М.П. Грязнову (1956, с. 6) на раскопках близ с. Большая Речка на Верхней Оби.

С 1953 г. С.С. Сорокин стал работать научным сотрудником Государственного Эрмитажа, где плодотворно изучалась история кочевников Средней Азии. Одним из итогов реализации данного направления деятельности явилась кандидатская диссертация «Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы», успешно защищенная С.С. Сорокиным (1958) в 1959 г.

По инициативе ученого в 1959 г. была организована Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа, которая под его руководством провела разведки и исследования на целом ряде могильников ранних кочевников: Катонский, Копай, Курту-II (Сорокин С.С., 1966), Аргут-I (Сорокин С.С., 1969а), Кок-Су-I (Сорокин С.С., 1967а, 1974), Берель (Сорокин С.С., 1969б). Основной задачей экспедиции являлся сбор археологических материалов, относящихся «к периоду становления, расцвета и увядания искусства ранних кочевников Алтая». Раскопки курганов, в которых были захоронены рядовые кочевники, должны были «в чистом виде» дать материальное отражение идеологии основной массы «самодеятельного населения раннего кочевого общества» (Сорокин С.С., 1967б, с. 71).

Научное наследие С.С. Сорокина насчитывает более 60 печатных работ по различным аспектам развития культуры кочевников Евразии раннего железного века, в том числе и по скифской эпохе Горного Алтая. Среди наиболее известных публикаций по этой теме можно отметить такие, как «Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы» (Сорокин С.С., 1966), «Материалы к археологии Горного

Алтая» (Сорокин С.С., 1969а), «Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу реки Кок-Су (Южный Алтай)» (Сорокин С.С., 1974), «Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры» (Сорокин С.С., 1978) и др. Многие работы С.С. Сорокина содержат методические рекомендации не только по полевой и камеральной обработке материалов, но и по проведению реконструкций и реализации методологических подходов. Он был прекрасным полевым исследователем, отличным чертежником и рисовальщиком. Свои работы Сергей Сергеевич всегда иллюстрировал сам. Выполнял рисунки и для коллег. Исследователем совместно с Н.В. Дьяконовой был подготовлен и издан каталог хотанских древностей из Восточного Туркестана, хранящихся в Государственном Эрмитаже. С.С. Сорокин был прекрасным хранителем, вел большую экспозиционную работу.

Кроме научной деятельности С.С. Сорокин занимался административной работой и преподаванием. С 1965 по 1967 г. он являлся ученым секретарем Государственного Эрмитажа. В Ленинградском государственном университете С.С. Сорокин читал спецкурс по археологической фиксации. В 1959 г. археолог был избран действительным членом Географического общества СССР, в котором вел большую работу (Сообщения..., 1987, с. 96).

С.С. Сорокин умер 19 июля 1984 г. В опубликованном некрологе коллеги так написали о нем: «Сергей Сергеевич – человек нелегкой судьбы. Он прошел по жизни трудными дорогами войны и экспедиционными тропами в суровых горных условиях. И сам несколько суровый по характеру, он был тонким ценителем искусства и музыки, раскрываясь перед собеседником как знаток немецкой живописи, страстный поклонник Баха и Моцарта...».

Основные направления исследований

Среди памятников, изученных С.С. Сорокиным на Алтае, наибольшее значение имеет могильник Курту-II. Исследователь сравнил погребения из этого некрополя с материалами большереченского и майэмирского этапов и отметил различия между ними. Ученый пришел к выводу, что погребение человека в скорченном положении и с конем из могильника Курту-II относится ко времени более раннему,

чем начало майэмирского этапа – к IX–VIII вв. до н.э. Таким образом, С.С. Сорокин (1966, с. 45–47) впервые удревил дату памятников раннескифского времени до IX в. до н.э.

Касаясь вопросов социального устройства пазырыкского общества, С.С. Сорокин давал ему вполне традиционную и конъюнктурную характеристику для 50–70-х гг. XX в. – военная демократия. При этом исследователь указывал на то, что уровень социальной дифференциации кочевников отражен в монументальности погребальных памятников, в составе инвентаря, особенностях поминальных сооружений и т.д. (Сорокин С.С., 1978, с. 172–173; 1981, с. 37). Ученый полагал, что в раннекочевых социумах не существовало государственных образований и наследственной формы власти. Поэтому у номадов был очень высоким авторитет личных, главным образом «богатырских» качеств, которые зафиксированы как китайскими источниками, так и в вещественных памятниках. С.С. Сорокин (1978, с.182) обратил внимание также на то, что к середине I тыс. до н.э. высшая военная прослойка у «пазырыкцев» отчетливо обособилась от рядового воинства, что нашло отражение в разных знаках отличия. Отдельные работы Сергей Сергеевич посвятил реконструкции некоторых аспектов мировоззрения скотоводов Горного Алтая скифского времени. В свое время Ф. Нансаг (1952) указал на ряд черт шаманизма в религиозной системе «пазырыкцев», с чем был не согласен С.И. Руденко (1960, с. 322–323). Однако в конце 60-х и 70-е гг. XX в. эта проблема вновь была поставлена С.С. Сорокиным. Он отметил, что шаманизм – это обширный комплекс анимистических идей и мифологических представлений о структуре мира, который сформировался в лесостепной и таежной зоне Азии в более раннее, чем скифское, время (Сорокин С.С., 1969а, с. 231–232; 1978, с. 184–185). О наличии шаманизма в культуре кочевников Горного Алтая, по его мнению, свидетельствовали отдельные показатели, часть из которых была определена в качестве шаманских атрибутов уже Ф. Нансаг: музыкальный инструмент, татуировка на теле погребенного, вещи для приведения себя в состояние экстаза (бронзовые жаровни, зерна конопли и др.), ряд фигурок, изображающих фантастических животных и некоторые другие предметы. Ученый также особо указал на связь между «скифским» шаманизмом и той его формой, которая хорошо известна по этнографическим материалам. Однако он подчеркнул, что, учитывая разницу в обще-

ственно-экономических укладах, не стоит полностью отождествлять шаманизм древних кочевников и алтайцев XIX в. В целом С.С. Сорокин сделал вывод, что шаманизм, зародившийся еще в эпоху энеолита как всеобъемлющая система осмысления структуры мира и ориентации в нем человека, являлся «основой доклассовой идеологии общества ранних кочевников Азии» (Сорокин С.С., 1978, с. 184–185). В данном случае следует особо отметить, что в советской исторической науке до середины 1980-х гг. в методологическом отношении понятия «мировоззрение» и «идеология» рассматривались как синонимы, что прослеживается в работах С.С. Сорокина, а также других археологов и историков.

С методической точки зрения исследователь использовал главным образом метод сравнительного сопоставления и интерпретации археологических и этнографических материалов. Такой подход широко распространен в отечественной науке на протяжении нескольких десятилетий вплоть до настоящего времени (Дашковский П.К., 1999, 2001б).

Кроме элементов шаманизма С.С. Сорокин выявил в религии скотоводов Алтая также черты анимистических и тотемистических представлений (Сорокин С.С., 1969б, с. 232). Важно обратить внимание и на другую идею ученого. Он, вслед за М.П. Грязновым, полагал, что в скифское время происходило формирование «нового мировоззрения». Это связано с тем, что шел процесс самоидентификации человека: выделения себя как субъекта из окружающего мира. В этой связи исследователь отмечал, что разнообразие и индивидуальность в различных видах деятельности являлись следствием свободы индивидуального мышления (Сорокин С.С., 1969б, с. 232; 1978, с. 189). Правда, археолог особо подчеркивал, что «новое мировоззрение» скифской эпохи коснулось преимущественно только военных вождей и дружины, в то время как среди рядовых кочевников продолжали сохраняться традиционные мифологические представления (Сорокин С.С., 1969а, с. 232).

В целом можно заключить, что в работах С.С. Сорокина вперые после С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева было продолжено изучение скифской эпохи Горного Алтая по основным направлениям, обозначенным предшествующими исследователями.

Раздел III

ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СКИФСКОЙ ЭПОХИ АЛТАЯ

70–90-е гг. XX столетия можно рассматривать как определенный этап изучения скифской эпохи Алтая. Все этнокультурные, социально-экономические и мировоззренческие реконструкции в предшествующий период исследователями были построены преимущественно на основе комплексного анализа материалов, полученных в результате раскопок «элитных» погребальных сооружений. С 1960-х гг. ситуация стала существенно меняться, а в последующее время наиболее массовый материал был получен при изучении памятников скифской эпохи разных категорий.

Археологические изыскания в Горном Алтае в 70–80-е гг. XX вв. привели к значительному расширению круга памятников пазырыкской культуры, и, соответственно, давали новые возможности для дальнейшего решения вопросов, обозначенных предшественниками. Кроме этого, с середины 1980-х гг. появилась возможность больше внимания уделять теоретическим проблемам в археологических исследованиях. Надо отметить, что на протяжении всего советского периода в отечественной науке господствующей методологией являлся исторический материализм. Несмотря на дискуссионность его отдельных положений, все же имелись определенные теоретические основания для выявления взаимосвязи этнокультурного, социально-экономического и мировоззренческого развития обществ на различных исторических этапах. Для всесторонних реконструкций в рамках данного подхода требовалась соответствующая источниковая база, накопление которой собственно и происходило в 1970–1990-е гг. Между тем исследователи стали понимать ограниченность исторического материализма и пытались найти другие теоретические возможности в ходе реализации своей деятельности. Особенно данная проблема обозначилась при проведении палеосоциальных и мировоззренческих реконструкций. В этой связи ученые стали обращаться к структурализму (Раевский Д.С., 1977; Акишев А.К., 1984; Суразаков А.С., 1984, 1986а–б, 1987а–б; Балонов Ф.Р., 1985, 1991а–б; Кубарев В.Д., 1991;

и др.) или к цивилизационному подходу (Мартынов А.И., 1989а–б; Крадин Н.Н., 1992а–б; и др.). Это позволило получить новую информацию о сложных этнокультурных процессах на Алтае, об иерархизированности кочевого общества и синкретичности выявленных элементов религиозно-мифологической системы (Дашковский П.К., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003).

Необходимо обратить внимание и на организационную сторону изучения памятников скифской эпохи Алтая. В указанный период в исследованиях активное участие принимали различные академические структуры: Институт археологии АН СССР (позднее ИА РАН), Ленинградское отделение ИА АН СССР (с 1991 г. ИИМК РАН), Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (с 1991 г. разделенный на самостоятельные учреждения). Важную роль в изучении скифской эпохи стал играть созданный Институт археологии и этнографии СО РАН. С 1970-х гг. в процесс археологических исследований включились высшие учебные заведения страны: Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский), Кемеровский, Новосибирский, Алтайский и Томский государственные университеты, а также педагогические институты – Барнаульский, Горно-Алтайский и другие, которые сейчас переведены в разные категории государственных университетов.

Итоги многолетних исследований древностей скифской эпохи нашли отражение в статьях, монографиях и материалах целого ряда научных форумов различного уровня (Магющенко В.И., 2001б). Определенным образом они были подведены на состоявшейся в 1999 г. конференции, которая прошла в Барнауле и соответственно называлась «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий». Это позволило не только обозначить ряд современных аспектов изучения древней истории кочевников Восточного Казахстана, Южной и Западной Сибири, но существенно продвинуться в понимании их. В этом процессе важную роль сыграли исследователи, которые получили существенные результаты при проведении археологических изысканий: В.А. Могильников, Д.Г. Савинов, В.Д. Кубарев, А.С. Суразаков, Л.С. Марсадалов, Н.В. Полосьмак и некоторые другие.

**Могильников Владислав Александрович
(1932–2002)**

Биографическая справка

Родился 28 июля 1932 г. в г. Чердынь на севере Пермской области в семье служащего. После окончания школы в 1951 г. поступил на историко-филологический факультет Пермского университета. Большое влияние на становление исследователя оказал Отто Николаевич Бадер, который читал курсы по археологии, истории первобытного общества и основам этнографии. По инициативе преподавателя весной 1952 г. состоялась поездка на стоянки эпохи бронзы по р. Чусовой и на Галкинское городище, что явилось для В.А. Могильникова самым ранним знакомством с полевой археологией. Первой большой экспедицией стали раскопки на Кыласовом городище родановской культуры X–XIV вв. в низовьях Иньвы под руководством В.А. Оборина, который после отъезда О.Н. Бадера в Москву вел специализацию по археологии. Изучение металлургии и идеологических представлений «родановцев» стали темой курсовой, а затем и дипломной работы. В университете и после его окончания в 1956 г. В.А. Могильников принимал участие в ряде экспедиций на территории Прикамья под руководством таких исследователей, как В.А. Оборин, В.П. Денисов, З.П. Соколова и А.Д. Вечтомов. По поручению О.Н. Бадера, в 1960 г. он провел завершающие раскопки Турбинского могильника под Пермью. Именно О.Н. Бадер посоветовал В.А. Могильникову заняться археологией Сибири и рекомендовал его в аспирантуру Института археологии АН СССР (1960–1963 гг.) к В.Н. Чернецову, крупнейшему археологу и этнографу Западной Сибири. В 1964 г. была защищена кандидатская диссертация по теме «Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н.э.». После этого В.А. Могильников большое внимание уделял исследованиям памятников саргатской культуры Тоболо-Иртышья, а также исследовал другие объекты от эпохи бронзы до средневековья. С 1966 по 1970 г. он был начальником Иртышского отряда Института археологии АН СССР.

Полевые исследования на Алтае Владислав Александрович начал в 1971 г. в связи с проектируемом строительством Гилевского

водохранилища на р. Алей. Параллельно с этими работами в тесном сотрудничестве с А.П. Уманским изучались памятники Кулунды и Причумышья. С 1974 г. В.А. Могильников начал изыскания в Горном Алтае. Было проведено обширное обследование по р. Бии с участием Б.Х. Кадикова, а также по Чуйскому тракту до с. Кокоря. В результате оказалось выявлено большое количество ранее неизвестных памятников.

С 1977 г. под руководством В.А. Могильникова в течение нескольких полевых сезонов в Горном Алтае проводила работы Алтайская экспедиция ИА АН СССР. Были исследованы могильники Кызыл-Джар-I–VIII (Могильников В.А., 1983а–б), Боротал-II–III, Алагаил (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980), Талдура-I–II (Могильников В.А., Елин В.Н., 1982, 1983), Кара-Коба-II (Могильников В.А., 1983в), Большой Яломан-I–II (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994), Кызык-Телань-I и др.

Полученные в ходе многолетних полевых изысканий материалы опубликованы Владиславом Александровичем в большом количестве статей, в трех выпусках серии «Археология СССР» – «Степи Евразии в эпоху средневековья» (1981 г.), «Финны-угры и балты в эпоху средневековья» (1987 г.), «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» (1982 г.), а также использованы при написании монографии «Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э.» (Могильников В.А., 1997).

В 1991 г. В.А. Могильников защитил докторскую диссертацию «Этнокультурная история Западной Сибири в средние века». Последние годы работал ведущим научным сотрудником ИА РАН. Скоропостижно скончался в 2002 г.

Основные направления исследований

После М.П. Грязнова (1930б, 1939, 1947, 1978, 1979, 1983, 1992) и С.В. Киселева (1947, 1949, 1951) с целостной концепцией этнокультурного развития кочевников Алтая выступил В.А. Могильников (1986а–б). Ученый предложил рассматривать в рамках раннескифского времени особую майэмирскую культуру, которая прошла в своем развитии два этапа: 1) куртуский VIII–VII вв. до н.э. и 2) майэмирский VII–VI вв. до н.э. При этом В.А. Могильников обозначил территорию распространения памятников этой культуры в двух локальных

вариантах: южный (куртуско-катонский) и северный (усть-куюмский). Особо было подчеркнуто, что имевшиеся в то время материалы позволили только предварительно наметить различия между памятниками куртуского и майэмирского периодов. Для куртуского этапа Южного, Западного и Центрального Алтая отмечены захоронения людей под кольцевидными выкладками из крупных камней или валунов в неглубоких могилах, скорченно на левом боку, головой на северо-запад, в сопровождении лошади или без нее. Захоронение животного совершалось в отдельной яме, смежной с погребением человека. Памятники этого же этапа в северной и в отдельных районах центральной части Алтая имели практически аналогичные характеристики, но, по мнению В.А. Могильникова (1986б, с. 48–49), они отличались от предыдущих по ряду показателей: умерших хоронили в каменных ящиках, установленных в неглубоких ямах или на уровне древнего горизонта; погребенные, как и в предшествующем случае, укладывались скорченно на левый бок, головой на северо-запад; при этом присутствовало сопроводительное захоронение лошади (или головы и конечностей животного) в отдельной яме или в смежном каменном ящике. Инвентаря в исследованных захоронениях куртуского этапа обнаружено немного. Что касается целостной характеристики собственно майэмирского этапа, то она в указанной работе В.А. Могильникова не приведена. Некоторые показатели отмечены лишь при рассмотрении отдельных памятников (большая глубина могил, наличие подбоя, захоронение лошади в одной могиле с человеком, инвентарь и др.). Разнообразие деталей погребального обряда объяснено неоднородностью населения Западного Алтая в VII–VI вв. до н.э., а также предположением о миграции в горы племен из степных районов, находящихся к юго-западу от них (Могильников В.А., 1986б, с. 47–52).

Развивая свои идеи, В.А. Могильников (1986б, с. 53; 1988, с. 74, 83; и др.) отмечал, что на основе усть-куюмского локального варианта майэмирской общности сформировалась кара-кобинская культура V–III вв. до н.э., а пазырыкская с конца VI в. до н.э. представляла собой результат взаимодействия местного населения куртуского этапа южных, юго-западных и частично центральных районов Алтая и племен, пришедших из степей Казахстана. Исследователь указал, что пазырыкские памятники преобладают в Южном и Юго-Восточном Алтае: в верховьях Берели, Катуня до устья Чуи, в бассей-

не Чуи, на среднем и верхнем Чульшмане. Количество смешанных могильников, включающих пазырыкские и кара-кобинские объекты, увеличивается к нижнему течению Чуи. Собственно кара-кобинские памятники распространены преимущественно в Центральном Алтае (район средней Катуги и Урсула). Ученый полагал, что к VI–V вв. до н.э. «пазырыкские» племена установили господство над автохтонным «кара-кобинским» населением Горного Алтая, частично смешались с ним и постепенно его ассимилировали. Об этом, по мнению В.А. Могильникова (1988, с. 72–77, 81, 83), свидетельствует расположение кара-кобинских курганов в одной цепочке с пазырыкскими, а также наличие сопроводительного захоронения лошади в погребениях с каменными ящиками. Необходимо указать еще на один важный момент, который был отмечен исследователем при рассмотрении этнокультурной ситуации на Алтае. Это касается проблемы контактов населения скифской эпохи с другими племенами. В этом плане выводы В.А. Могильникова (1986б, с. 47–48) выглядели следующим образом: «...можно предполагать, что миграция... в VII–VI вв. до н.э. из степных районов с юго-запада имела место, но ее размеры, характер взаимодействия с местным этническим субстратом и направления остаются неясными. Зато с достаточной определенностью можно утверждать, что последующее развитие культуры и этноса в VI–III вв. до н.э. пазырыкцев Горного Алтая и саков степей Восточного и Юго-Восточного Казахстана шло различными путями, хотя некоторые контакты между ними продолжали сохраняться».

Представленная В.А. Могильниковым схема этнокультурного развития населения Горного Алтая в раннем железном веке вызвала неоднозначные оценки у исследователей, так как она выглядела гипотетичной и в некотором плане искусственной, но не лишенной логичности и отражала своеобразный подход к культурно-хронологической проблеме формирования и развития скифской эпохи, определив задачи и направления дальнейших исследований (Тишкин А.А., 1994а, с. 125; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 25–26). Стоит еще заметить, что рассматриваемая концепция определенным образом соединяла ранее уже высказанные идеи М.П. Грязнова (1978, 1979, 1983, 1992), С.В. Киселева (1947, 1951), Л.С. Марсадолова (1981, 1985) и некоторых других археологов. Точку зрения В.А. Могильникова в целом поддержали А.С. Суразаков (1988а), П.И. Шульга (1998а,

1999а), В.И. Молодин (2000а–б) и другие исследователи, дополнив ее содержание новым конкретным материалом. Однако, как справедливо заметил П.И. Шульга (2000б, с. 149), указанная позиция автора по поводу интерпретации немногочисленных материалов раннескифского времени «...не выдержала испытание временем и была пересмотрена».

Изучая вопрос взаимодействия населения Горного Алтая с племенами сопредельных регионов, В.А. Могильников обратился к рассмотрению пяти погребений катакомбного типа скифского времени. По мнению ученого, появление на Алтае таких памятников связано с проникновением на эту территорию саков Казахстана и Средней Азии (Могильников В.А., 1994). В своей монографии «Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э.» он продолжил исследование этнокультурных процессов на Алтае и пришел к следующим выводам. Контакты племен Верхнего Приобья с «пазырыкцами» были менее интенсивны, чем с саками Казахстана. Эти связи распространились преимущественно на предгорья, где «...в результате взаимодействия с горно-алтайским этносом в VI – начале V вв. до н.э. (Быстрянка) появился обряд сопроводительных конских захоронений, исполнявшийся в отличной от пазырыкской форме с положением коня к югу от покойника головой на запад» (Могильников В.А., 1997, с. 103–104). Наибольшее влияние «горно-алтайцев» на население Верхнего Приобья относится к V–IV вв. до н.э., что нашло отражение, в частности, в материале курганов могильника Рогозиха-I. Одним из итогов взаимодействия с «пазырыкскими» племенами «культуры населения Саяно-Алтая в целом» явилось распространение в Верхнем Приобье «предметов вооружения саяно-алтайского воина», состоявшего из кинжала, чекана, лука и стрел. В.А. Могильников считал, что слабость контактов «пазырыкцев» с племенами Верхнего Приобья обусловлена особенностями экологической ниши в этом регионе. В частности, он указал на существование между основным ареалом расселения номадов Горного Алтая к югу от Семинского хребта и приалтайской лесостепью пояса низкогорий с большим количеством осадков, покрытого преимущественно лесом, малопригодного для кочевания. Именно эта естественная преграда ограничивала контакты между населением Горного Алтая и алтайской степью и лесостепью (Там же).

В одной из своих работ В.А. Могильников (1999, с. 137), продолжая рассматривать проблемы этнокультурной истории Алтая, отмечал, что взаимодействие между «пазырыкцами» и саками хорошо прослеживается по некоторым объектам северо-западных предгорий Алтая (Гилево-Х, курганы №1, 2). Примечательность таких памятников заключается в сочетании сакских (каменно-земляные насыпи с кольцом из наброски камней или развалившейся ограды по периметру, погребения в грунтовых ямах, западная ориентация умерших и др.) и пазырыкских (погребальная камера в виде сруба и бревенчатой обкладки, сопроводительные захоронения лошадей и др.) элементов погребального обряда. По мнению ученого, данная синкретичность обрядности обусловлена локализацией региона в зоне контактов саков Казахстана, «пазырыкцев» Алтая, многокомпонентных по генезису этносов каменной и быстрянской общностей. Кроме того, он особо подчеркнул, что население каменной и староалейской культур Верхнего Приобья не испытало серьезного влияния «пазырыкцев», поскольку последние не углублялись далеко в степные районы Алтая (Там же, с. 137–138).

Среди других аспектов изучения скифской эпохи Горного Алтая нужно обратить внимание на наблюдения В.А. Могильникова по социальному устройству пазырыкского общества. Так, исследователь вслед за рядом других ученых отметил существование в социуме кочевников служителей культа – жриц. При этом он ссылался не только на материалы Второго Пазырыкского кургана, но и на погребение в Каракольском кургане, которое ранее в подобном отношении не рассматривалось. Одним из основных критериев для определения жреческой принадлежности женщин из этих памятников служило обнаружение в них каменных алтариков, не зафиксированных в погребениях рядовых кочевников Горного Алтая (Могильников В.А., 1997, с. 90–91).

Савинов Дмитрий Глебович

Биографическая справка

Родился 20 марта 1941 г. в Ленинграде. В 1958 г. окончил среднюю школу и поступил на факультет теории и истории искусства Института им. Репина Академии художеств СССР, откуда в 1961 г. перешел на кафедру археологии исторического факультета Ленинградско-

го государственного университета, окончив ее в 1964 г. После завершения учебы был зачислен в состав Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН), откуда призвался в ряды Советской Армии. С 1968 по 1989 г. работал на кафедре этнографии и антропологии ЛГУ: сначала в должности ассистента, а с 1974 г. – доцента. С 1984 по 1989 г. Д.Г. Савинов являлся старшим, затем ведущим научным сотрудником ЛО ИА АН СССР. В 1990 г. он стал ведущим научным сотрудником Института «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН». С 1991 г. Дмитрий Глебович – профессор кафедры археологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; с 1995 г. – заведующий кафедрой археологии СПбГУ.

В 1974 г. Д.Г. Савинов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X–XII вв.)» (г. Ленинград), а 1987 г. – докторскую «Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири» (г. Новосибирск).

С 1965 г. проводит археологические исследования в различных районах Южной и Западной Сибири: на юге Красноярского края, в Туве, Хакасии, в Новосибирской и Кемеровской областях. В течение пяти лет работал на Алтае. В 1969–1970 гг. осуществлялись разведки и раскопки отдельных памятников различных исторических эпох в лесостепной зоне, исследовался могильник Осинки (Усть-Пристанский район Алтайского края). В 1971–1973 гг. на территории Горного Алтая были проведены изыскания в районе хребта Чихачева, а также раскопки памятников скифского и тюркского времени в долине р. Узунтал (Кош-Агачский район Республики Алтай). С 1984 по 1989 г. Д.Г. Савинов являлся начальником Среднеенисейской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР.

Основная область научных интересов – культура и история древних и средневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири в широком хронологическом диапазоне – от эпохи поздней бронзы до монгольского времени включительно. Автор множества научных работ, в том числе ряда монографий – «Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху» (1984 г.); «Оленные камни в культуре кочевников Евразии» (1994 г.); «Государство и культуругенез на территории Юж-

ной Сибири в эпоху раннего средневековья» (1994 г.); «Древние поселения Хакасии. Торгажак» (1996 г.); «Кочевые империи Евразии» (в соавторстве с С.Г. Кляшторным, 1996 г.); «Енисейские кыргызы в центре Тувы» (в соавторстве с А.Д. Грачом и Г.В. Длужневской, 1998 г.) и др. В 2000 г. за цикл научных работ по истории и археологии скотоводческих обществ Центральной Азии и Южной Сибири Д.Г. Савинову присуждена Первая премия Санкт-Петербургского государственного университета.

Как профессор и заведующий кафедрой археологии СПбГУ провел большую научно-организационную и преподавательскую работу. Главные из читаемых курсов – «Основы археологии», «Археология Сибири», «Скифская археология», спецкурсы по различным периодам истории и культуры Центральной Азии и Южной Сибири. Дмитрий Глебович считает, что молодым специалистам необходимы яркие мысли, общая эрудиция и доброжелательное отношение к трудам своих предшественников.

Основные направления исследований

Одно из центральных мест среди научных интересов Д.Г. Савинова занимает проблема изучения культурно-хронологического развития кочевников Горного Алтая.

Исследования в 1971–1973 гг. курганов номадов в долине р. Узунтал (Юго-Восточный Алтай) предоставили ученому новый материал для разработок в этой области. Прежде всего Д.Г. Савинов указал на возможность выявить ранние и поздние черты в памятниках пазырыкской культуры. Так, к элементам раннескифского времени в пазырыкских курганах он отнес зеркала с бортиком, трехперые черешковые наконечники стрел, бронзовые пряжки со шпеньком, цилиндрические обоймы-«тройники» и др. При этом исследователь особо подчеркнул, что речь идет не об эволюции этих предметов в рамках одной культуры, а о повторении (вотивном) прежних форм в пазырыкское время. Тем самым ученый признавал существование в Горном Алтае кроме пазырыкской культуры еще и отдельной культуры раннескифского времени. К поздним элементам в пазырыкских памятниках, характерным больше для гунно-сарматского и тюркского времени, Дмитрий Глебович отнес костяные пряжки с выступаю-

щим наружу шпеньком, двухдырчатые костяные псаали, подвесные щитки с круглыми и сердцевидными прорезями, подвески в виде копыта и т.д. (Савинов Д.Г., 1975, с. 50–52).

В одной из своих последующих работ археолог более детально остановился на анализе завершающего этапа пазырыкской культуры. Для развернутой характеристики этого этапа ученый привлек материалы из Минусинской котловины, Тувы и Восточного Казахстана. Детальное рассмотрение всех этих комплексов позволило Д.Г. Савинову, по сути дела, впервые пересмотреть датировку шибинского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.), выделенного в 1939 г. еще М.П. Грязновым. В результате исследователь пришел к выводу, что последний этап пазырыкской культуры следует датировать II–I вв. до н.э. Само завершение развития пазырыкской культуры связывалось им с северным походом хунну в конце III в. до н.э. Это историческое событие оказало влияние не только на кочевников Алтая, но и на племена Тувы, Восточного Казахстана и Минусинской котловины. В целом Д.Г. Савинов (1978, с. 53–54) заметил, что «изменения в культуре ранних кочевников Саяно-Алтайского нагорья... были выражением общей закономерности процессов оккультурации, происходивших на грани двух культурно-исторических эпох – скифской и гунно-сарматской, которые поглотили яркую пазырыкскую культуру Горного Алтая». В дальнейшем, разрабатывая проблемы хронологии и периодизации, ученый предложил синхронизировать культуры скифо-сарматского времени Южной Сибири с несколькими датами, известными по древнекитайским и античным источникам (Савинов Д.Г., 1991). Так, он отметил, что в 770 г. до н.э. кочевники Центральной Азии разгромили государство Западное Чжоу. На это время приходится конец культуры херексуров Монголии, каменоложского этапа карасукской культуры в Минусе, появление первых памятников скифского типа в Туве (Аржан) и на Алтае (Журту). После данного события, вплоть до появления хунну, восточная линия синхронизации меняется на западную. Следующая важная дата – 550 г. до н.э. – создание Ахеменидской империи, включающей территорию Средней Азии. К этому времени отнесено появление и распространение погребений в деревянных камерах-срубах – в Туве (первый этап саглынской культуры), в Горном Алтае (первый башадарский этап пазырыкской культуры), немного позднее – в Минусинской котловине (сарагашевский этап тагарской

культуры). Начало изменений этих культур синхронно походам Александра Македонского в Среднюю Азию – 20-е гг. IV в. до н.э. На этот период приходится третий или озен-ала-белигский этап саглынской культуры, шибинский этап пазырыкской культуры и появление каракобинской культуры (Горный Алтай), лепешкинский этап тагарской культуры. После 201 г. до н.э. – северного похода Маодуня, вновь начинает доминировать восточная линия синхронизации. С этого времени идет процесс сосуществования «скифских» и «хуннских» традиций в культурах Южной Сибири. Начинается постепенный переход от культур скифского типа к памятникам гунно-сарматского времени (Савинов Д.Г., 1991, с. 93–96). Положительные результаты синхронизации дат по письменным и археологическим источникам встретили поддержку у многих исследователей (Марсадолов Л.С., 1996а; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Заднепровский Ю.А., 1997а–б; Кочеев В.А., 1994; и др.) и были использованы для построения культурно-хронологическим схем изучения средневековых кочевников Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003).

Касаясь вопроса об этнической принадлежности «пазырыкцев» Горного Алтая, Д.Г. Савинов (1993, с. 132) вслед за С.И. Руденко (1960) предложил отождествлять их с юечжами, но при условии широкого понимания границ распространения памятников пазырыкского типа, включая территорию Саяно-Алтайского нагорья, Западной Монголии и Восточного Туркестана (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1998, с. 172). В качестве подтверждения этой идеи ученый указал на наличие памятников пазырыкско-саглынского типа в Восточном Туркестане (могильник Алагоу), у северных отрогов Монгольского Алтая (Савинов Д.Г., 1993а, с. 132).

Рассматривая проблему этнокультурной истории Саяно-Алтая в скифскую эпоху, следует указать еще на работу Д.Г. Савинова (1994б), посвященную характеристике культуры населения раннескифского времени Тувы (алды-бельская культура) и частично сопредельных территорий, в том числе и Алтая. Так, ученый подчеркнул, что «алды-бельцы», в отличие от других племен, возможно, составляли ближайшее этническое окружение «аржанцев». При этом археолог обратил внимание и на близкие соотношения культуры «алды-бельцев» с май-эмирскими племенами Горного Алтая и «тасмолинцами» Центрально-Казахстана. Это свидетельствует о том, что на определенном исто-

рическом этапе такие отношения могли иметь и культурно-генетический характер. Важно отметить, что проанализированные Д.Г. Савиновым особенности этнокультурного развития скотоводов раннескифского времени протекали не только в Туве, но и в некоторых других регионах. В частности, эта проблема исследована на материалах бийкенской культуры Горного Алтая (Тишкин А.А., 1996а–б; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). В свое время Д.Г. Савиновым (1975, с. 49) в тезисной форме была высказана идея о существовании в раннескифское время на территории Алтая и Казахстана этнокультурной общности огромного исторического значения, которая отличалась «... значительно более тесными внутренними связями по всей территории своего распространения, нежели участием в сложении последующих культур в отдельных регионах Азии». Имеющийся сейчас значительный материал по тасмолинским, майэмирским, бийкенским, больше-реченским, алды-бельским и другим памятникам, расположенным на территории Казахстана, Саяно-Алтая и Монголии, подтверждает это положение. В то же время наряду с общими чертами, особенно в предметах материального комплекса, имеются и весомые отличия, позволяющие идентифицировать указанные культуры.

В определенной степени Д.Г. Савинов коснулся проблемы социально-политического устройства пазырыцкого социума. Прежде всего исследователь поддержал концепцию «кочевой цивилизации» А.И. Мартынова (1989), одним из положений которой было признание существования у большинства кочевых обществ (в том числе у «пазырыкцев») ранних форм государственных образований (Савинов Д.Г., 1993а, с. 128). При этом ученый во всех своих работах характеризовал политическое устройство номадов Горного Алтая как объединение в форме союза племен (Савинов Д.Г., 1989, с. 12; 1993а, с. 128–130). Вероятно, Д.Г. Савинов рассматривает «союз племен» как форму раннегосударственного образования у кочевников. Указывая на значительную степень социальной дифференциации пазырыцкого общества, исследователь предлагает рассматривать «вождей» номадов Горного Алтая как прямых наследников «царя» из кургана Аржан. В конечном итоге Д.Г. Савинов также делает предположение, что центр пазырыцкого союза племен мог находиться значительно южнее территории распространения пазырыкской культуры, «где расположены собственно Пазырыкские курганы, возможно, представляющие свое-

образные «герры» пазырыкского общества» (Савинов Д.Г., 1989, с. 12–13).

Кроме вопросов этнокультурного и социально-политического развития скотоводов Горного Алтая, Д.Г. Савинов затронул и проблему реконструкции мировоззренческих представлений номадов. Наиболее серьезно эта проблема изучена в отношении семантики оленных камней. По мнению ученого, оленные камни были одинаково связаны с идеей жертвоприношений и исполняли важнейшую при анимистической концепции мира коммуникативную функцию. К этому следует добавить, что оленные камни различных типов аккумулировали разные виды представлений и соответствующих им ритуальных действий (Савинов Д.Г., 1994а, с. 150).

Важно обратить внимание и на другой вывод исследователя в отношении религии «пазырыкцев». Так, он сделал предположение, что погребальные камеры больших пазырыкских курганов древние кочевники использовали не только как места погребения своих соплеменников, но и как своеобразные «часовни», в которых совершали, причем не один раз, определенные ритуальные действия. Непосредственно отправлением религиозных обрядов занималась специальная категория людей. Однако использовать для обозначения этой группы лиц понятие «жрец» или «шаман» ученый считает не совсем справедливо, поскольку данные термины не отражают их подлинного социального статуса (Савинов Д.Г., 1995, 1996).

Кубарев Владимир Дмитриевич

Биографическая справка

Родился 14 августа 1946 г. в с. Боровлянка Троицкого района Алтайского края. В 1989 г. закончил исторический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института (ныне Горно-Алтайский государственный университет). С 1973 г. работает руководителем Восточно-Алтайского археологического отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭ СО РАН. После окончания в 1997 г. аспирантуры Новосибирского государственного университета В.Д. Кубарев сразу защитил докторскую диссертацию «Древние кочевники Алтая». Большое влияние на формирование его как ученого оказали такие известные археологи, как А.П. Окладников и М.П. Гряз-

нов. Владимир Дмитриевич является член-корреспондентом Германского археологического института (г. Берлин), Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (г. Кемерово), Монгольской Академии гуманитарных наук (г. Улан-Батор). Исследователь неоднократно принимал участие в различных международных выставках, конференциях и экспедициях в Монголии, Австрии, Америке, Франции, Германии и других странах.

Под руководством исследователя проведены раскопки на следующих памятниках скифской эпохи: Уландрык-I-V, Ташанта-I-III (Кубарев В.Д., 1987), Юстыд-I, II, XII, XXII, Джолин-I-II (Кубарев В.Д., 1991), Барбургазы-I, Малталу-IV (Кубарев В.Д., 1992б), Боротал-I, Ала-Гаил-II (Кубарев В.Д., 1997), Елангаш (Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В., 1979), Коркечу (Кубарев В.Д., 1985), Бураты-I, IV (Кубарев В.Д., Кочеев А.В., 1983), Бике (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1990), Тургунды (Кубарев В.Д., 1992а) и др. Кроме этого, в течение ряда лет он занимается целенаправленным изучением петроглифов Алтая и Монголии. Полученные результаты отражены исследователем в многочисленных книгах и статьях. Наиболее известные его работы следующие: «Древние изваяния Алтая. Оленные камни» (1979), «Курганы Уландрыка» (1987), «Курганы Юстыда» (1991), «Курганы Сайлюгема» (1992б), «Петроглифы Горного Алтая» (1992, в соавторстве с Е.П. Маточкиным) и др.

Основные направления и исследования

Первоначально при решении культурно-хронологических проблем развития кочевников Горного Алтая В.Д. Кубарев опирался на трехэтапную периодизацию скифской эпохи, предложенную М.П. Грязновым (1939). Вместе с тем в ряде работ он отметил, что имеющиеся материалы позволяют пересмотреть датировку «шибинского этапа» и сузить ее до II-I вв. до н.э. При этом исследователь подчеркнул, что нет особой необходимости в переименовании «шибинского» этапа в другой, например, в «уландрыкский» (Кызласов Л.Р., 1979, с. 119), поскольку ничего, кроме терминологической путаницы, это не принесет (Кубарев В.Д., 1987, с. 131). В.Д. Кубарев выступил также против попытки В.А. Могильникова и А.С. Суразакова выделить кара-кобинскую культуру, синхронную пазырыкской культуре. По мнению уче-

ного, более правомерно говорить о существовании в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э. одной пазырыкской культуры с разными типами погребений (Кубарев В.Д., 1992б, с. 115–116).

Обобщив накопленный к середине 80-х гг. XX вв. материал, В.Д. Кубарев сделал некоторые выводы о социальных отношениях в пазырыкском обществе. Прежде всего он обратил внимание на особенности половозрастной дифференциации рядовых кочевников Горного Алтая. Ученый отметил, что по своим основным структурным показателям погребения всех половозрастных категорий достаточно однотипны (Кубарев В.Д., 1987, с. 10–30). В то же время исследователь выявил ряд интересных особенностей в захоронениях детей, женщин и мужчин. Так, погребальные сооружения детей, несмотря на их неустойчивый характер (колоды, срубы, каменные ящики), полностью копируют усыпальницы взрослых, но в уменьшенном размере. В зависимости от возраста ребенку в погребение клали определенное количество инвентаря: чем он старше, тем больше предметов сопровождало его в загробный мир. При этом с умершими детьми в большинстве случаев помещали в могилу уменьшенные копии реальных вещей. Характеризуя погребения женщин и мужчин, Владимир Дмитриевич указывал на значительную степень их схожести практически по всем показателям. Особенности женских захоронений ученый считал наличие не более одного сопроводительного захоронения лошади, использование косметических средств (черная минеральная краска для волос), специальных предметов женского туалета (серьги и шпильки из редкого металла, наконечники, бусы, эгреты), а также некоторых орудий труда (долото, шило, корнекопалки и др.) (Кубарев В.Д., 1987, с. 24–29; 1991, с. 37–41).

Изучение особенностей погребальных конструкций позволило В.Д. Кубареву выявить еще один признак, характеризующий социальный статус погребенного: наличие погребального ложа (Кубарев В.Д., 1987, с. 21). Погребения с такими ложами достаточно разительно отличались от других курганов «рядовых» кочевников размерами курганной насыпи, количеством инвентаря. Так, курган №1 из могильника Ташанта-I выделяется среди других курганов своими размерами (высота – 1 м, диаметр – 25 м) и сопроводительным захоронением трех коней (Кубарев В.Д., 1987, с. 21). На могильнике Юстыд-ХII в кургане №21 (погребены женщина и ребенок) и в кургане №22 (погребение

подростка) обнаружены погребальные лежа. В них выявлены также захоронения коней, разнообразный инвентарь. Эти обстоятельства весьма примечательны, если учесть, что «...остальные погребения женщин и детей даже на довольно типичном могильнике Юстыд-ХІІ, как правило, не имели сопроводительных захоронений коней» (Кубарев В.Д., 1991, с. 30).

Особое внимание В.Д. Кубарев уделил анализу расположения могильников древних кочевников. Определенные результаты планиграфического анализа уже были сделаны в предшествующие годы С.И. Руденко и М.П. Грязновым. Однако такое исследование осуществлялось археологами первоначально только в отношении некрополей представителей «верхнего слоя» пазырыкского общества. В.Д. Кубарев, как и С.С. Сорокин (1974), провел существенный анализ планиграфии курганов рядовых кочевников. Исследователь отметил определенную группировку женских и детских погребений в различных частях могильников. Это, по его мнению, свидетельствует, если и не о существовании отдельных мест для захоронения женщин и детей, то, по крайней мере, указывает на обычай группировать могилы отмеченных категорий людей в какой-то одной зоне кладбища. Так, например, детские погребения на могильниках Уландрык-І, V и Ташанта-І–ІІ располагались в начале или в конце некрополя (Кубарев В.Д., 1987, с. 24). Кроме этого, В.Д. Кубареву удалось зафиксировать особое положение парных погребений (мужчины и женщины), которые либо открывали цепочку курганов с юга (например, могильники Юстыд-І, к. 1 и 2; Юстыд-ХІІ, к. 2; Джолин-І, к. 1 и др.), либо находились в центре могильника (Юстыд-І, к. 4; Юстыд-ХІІ, к. 8, 16, 17; Джолин-І, к. 6 и др.) (Кубарев В.Д., 1991, с. 38). Эти курганы также отличаются по ряду других показателей от основной массы погребений кочевников (большие размеры срубов, разнообразный инвентарь, большое число сопроводительных захоронений коней). Указанные признаки парных захоронений мужчин и женщин позволили исследователю сделать вывод о том, что в этих курганах были похоронены «муж и жена – пара родоначальников, основателей большой семьи, которые и на кладбищах... занимали достойное и главенствующее место» (Кубарев В.Д., 1987, с. 27). Остальные курганы, расположенные рядом с парными погребениями в пределах одного могильника, являлись усыпальницами близких родственников (Кубарев В.Д., 1991, с. 38).

При исследовании трех курганов (к. 9 Уландрык-I; к. 6 Уландрык-II; к. 17 Юстыд-XII) В.Д. Кубарев обнаружил в заполнении могильных ям костяки мужчин. Нехарактерная для пазырыкской культуры западная ориентировка этих умерших, отсутствие сопроводительного инвентаря дает основание, по мнению археолога, утверждать о наличии в пазырыкском обществе особой категории зависимых людей, условно названных рабами (Кубарев В.Д., 1987, с. 29; 1991, с. 39). Опираясь на особенности погребального обряда, он попытался связать погребения зависимых мужчин с представителями саглыно-уюкской культуры Тувы и чандманьской культуры Монголии. При этом ученый, вслед за А.Д. Грачом (1980, с. 48), указал на наличие таких же погребений зависимых людей, но уже представителей пазырыкской культуры, среди синхронных памятников прилегающих к Горному Алтаю районов Тувы (Кубарев В.Д., 1991, с. 39). С подходом В.Д. Кубарева к интерпретации погребений зависимых людей не совсем согласен С.А. Васютин, который не исключает возможности «ритуального убийства иноэтничных пленников при погребении некоторых пазырыкцев (например, отличившихся в войнах)». В то же время исследователь, как и С.Г. Кляшторный (1986, с. 312–339), считает более вероятным использование в качестве домашних рабов в кочевом обществе пленных девушек и женщин. Кроме этого, С.А. Васютин пришел к выводу, что патриархальная семья не имела достаточных возможностей для охраны «рабов», вследствие чего «пазырыкцы» были вынуждены убивать пленных, в частности, мужчин-«саглынцеv» (Васютин С.А., 1998).

Заканчивая рассмотрение социальных разработок В.Д. Кубарева, касающихся пазырыкского общества, можно сделать следующие выводы. Во-первых, исследователь, как и С.И. Руденко, М.П. Грязнов, С.С. Сорокин и другие археологи, пришел к заключению, что параметры погребальных конструкций и состав сопроводительного инвентаря зависят от половозрастной структуры социума (Кубарев В.Д., 1991, с. 36–37). Такая зависимость была им продемонстрирована на значительном количестве материалов из курганов «рядовых» кочевников. При этом он не оставил без внимания социальную и имущественную дифференциацию у скотоводов Горного Алтая. Во-вторых, археолог провел анализ планиграфии могильников, что позволило установить расположение курганов определенных групп людей в отдельных час-

тях некрополей. В целом, несмотря на отсутствие специально разработанной социальной концепции, что, вероятно, и не входило в задачи ученого, выводы и наблюдения В.Д. Кубарева о социальном устройстве пазырыкского социума представляются весьма существенными и могут быть использованы при дальнейшем изучении этой темы.

Отдельное внимание В.Д. Кубарев посвятил реконструкции верований и мифологии «пазырыкцев», что нашло отражение в серии его статей и в соответствующих разделах двух монографий (Кубарев В.Д., 1987, 1991). В одной из своих обобщающих работ исследователь вслед за С.И. Руденко, М.П. Грязновым, А.Д. Грачом попытался с позиций исторического материализма и неопозитивизма объяснить верования кочевников, связанные с отдельными особенностями погребального обряда: погребальные сооружения, ориентация и положение умершего, установка стел и «балбалов», жертвоприношение коня и т.д. Для интерпретации этих элементов погребального обряда он проводил этнографические параллели с различными народами Сибири и Центральной Азии (Кубарев В.Д., 1987, с. 123–131). В последующих работах В.Д. Кубарев к ранее сделанным своим выводам и разработкам в этой области других ученых добавил анализ конкретных образов звериного искусства, привлекая для этого также этнографические, нарративные источники, данные сравнительной мифологии и некоторые другие материалы. По его мнению, реконструкции мировоззрения и идеологии древних скотоводов Алтая может способствовать привлечение индоиранских мифов и героического эпоса тюркских народов (Кубарев В.Д., 1991, с. 168). Ученый отметил, что для скифо-сакского, в том числе и пазырыкского искусства, характерны устойчивые мифологические образы, формирование которых обусловлено как архаическими явлениями (пережитки тотемизма, магия, культ животных), так и культурными контактами с соседями (заимствование переднеазиатских образов, скифское и хуннское влияние) (Кубарев В.Д., 1991, с. 136–137). Позднее В.Д. Кубарев провел сопоставление произведений, выполненных в зверином стиле из пазырыкских курганов с петроглифами Горного Алтая скифского времени. В результате им было выделено пять групп основных художественных сюжетов, наиболее распространенных в искусстве кочевников (изображения копытных, птиц, хищников, рыб, фантастических существ). Такое сопоставление, по мнению ученого, позволяет наиболее полно

проследить динамику развития алтайского стиля. Он также отметил, что в наскальных изображениях «пазырыкцев» нашли отражение религиозно-мифологические представления, в частности близнечный и солярный культы (Кубарев В.Д., 1999, с. 84–85, 92). В.Д. Кубарев обратил внимание и на перспективность структурно-семиотического подхода в расшифровке древних религиозно-мифологических кодов, указав на положительный опыт исследований, предпринятых Д.С. Раевским (1977, 1978, 1985) и А.К. Акишевым (1984). В то же время сам В.Д. Кубарев ограничился только интерпретацией семантической нагрузки отдельных образов пазырыкского искусства, тем самым не раскрыв основных принципов структуралистского подхода (Кубарев В.Д., 1991, с. 136–138 и др.).

Суразаков Александр Сазонович

Биографическая справка

Родился 10 декабря 1948 г. в г. Новокаширске Московской области. В 1950 г. семья переехала в г. Горно-Алтайск на постоянное место жительства. В 1973 г. А.С. Суразаков закончил исторический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института. В 1973–1974 гг. он работал учителем и методистом Горно-Алтайской областной заочной средней школы. В 1974 г. молодой исследователь поступил в аспирантуру Института археологии АН СССР (г. Москва). После ее окончания в 1977 г. был принят младшим научным сотрудником в сектор истории Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (Суразаков..., 1998, с. 3). В мае 1985 г. А.С. Суразаков в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI – начале II вв. до н.э.». В том же году ученый получил должность старшего научного сотрудника ГАНИ-ИИЯЛ, а в 1988 г. был назначен заведующим сектора археологии этого учреждения. В 1992 г. А.С. Суразаков создал Агентство по культурно-историческому наследию при Комитете (затем Министерстве) культуры Республики Алтай, в котором занимал пост директора. С 1996 г. и поныне исследователь является научным консультантом АКИН. В настоящее время Александр Сазонович возглавляет сектор философии в Институте алтаистики им. С.С. Суразакова.

А.С. Суразаков опубликовал более 200 работ научного, научно-популярного, учебно-методического, публицистического и художественного характера (Суразаков ..., 1998). Основным проблемам изучения скифской эпохи он посвятил отдельную монографию «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» (1988). Археолог проводил раскопки на различных памятниках Алтая: Боротал-II–III, Алагил (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980), Сары-Кобы (Суразаков А.С., 1982), Ирбисту-II, Каракол (Суразаков А.С., 1980, 1982), Кызык-Телань-I (Суразаков А.С., 1981; Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2003), Айрыдаш-I (Суразаков А.С., 1990а). Большой Яломан-I–III (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994), Курота-II, Кор-Кобы-I (Суразаков А.С., 1990б), Урмулык (Суразаков А.С., 1997), Кош-Тал (Суразаков А.С., 1993), Ябоган-I–II (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994) и др.

Основные направления исследований

Центральное место в творчестве А.С. Суразакова занимало изучение культурно-хронологического и социально-экономического развития населения Горного Алтая скифской эпохи, а также семантическая интерпретация погребального обряда и искусства кочевников.

По мере исследования новых памятников в Горном Алтае открывались возможности для дальнейшего изучения вопросов хронологии и периодизации культуры скотоводов этого региона. Проанализировав материалы из позднепазырыкских памятников, А.С. Суразаков вслед за С.И. Руденко (1960, с. 161–171), С.С. Черниковым (1975, с. 133), Д.Г. Савиновым (1978) и Л.Л. Барковой (1978, 1979) выступил с предложением пересмотреть дату шибинского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.), предложенную в свое время М.П. Грязновым (1939). По мнению исследователя, особенности погребального обряда и прежде всего инвентарь из памятников позднепазырыкского времени позволяют обозначить новую дату шибинского этапа – III–I вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1980а, с. 200–201). В последующее время, занимаясь вопросами этнокультурной истории, ученый попытался в 1983 г. обосновать выделение особой кара-кобинской культуры, которая вместе с ранее известной пазырыкской культурой укладывалась в VI–II вв.

до н.э. Главными особенностями кара-кобинской культуры объявлялись следующие показатели: погребения с умершими в каменных ящиках обычно без сопроводительного захоронения лошади, отсутствие «балбалов», кольцевых выкладок, черной краски для окраски волос (Суразаков А.С., 1983а; 1988а, с. 128–129 и др.). Эти идеи получили развитие в других работах А.С. Суразакова (1985, 1988а) и в публикациях В.А. Могильникова (1983, 1986, 1988а). В последующем А.С. Суразаков все известные памятники подразделил на три хронологические группы: 1) конец VI–V вв. до н.э.; 2) V–IV вв. до н.э.; 3) III–II вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1985; 1988а, с. 81–114). При этом ученый отметил, что могильники «пазырыкцев» занимали центральную и восточную части Горного Алтая: верховья Катуня с ее притоками, бассейны рек Чулышмана и Башкауса, верховья Бухтармы. Он также не исключил возможность распространения аналогичных памятников в западных областях Монголии (Суразаков А.С., 1988а, с. 124). Важная роль в процессе этногенеза населения Горного Алтая раннего железного века отводилась племенам культуры керексуров и монгун-тайгинской культурной общности. Надо заметить, что постепенно А.С. Суразаков согласился с мнением большинства исследователей о том, что памятники населения Горного Алтая VI–II вв. до н.э. более правомерно относить к одной археологической культуре (пазырыкской), в рамках которой существовали разные типы погребений, в том числе и в каменных ящиках (Суразаков А.С., 1988б, с. 170). В своей итоговой работе «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» А.С. Суразаков дал подробную характеристику пазырыкских и кара-кобинских некрополей, а также чумышско-ишимской группе памятников, не относящихся к обозначенным общностям (Суразаков А.С., 1988а, с. 154–156 и др.). Позднее на материалах предгорной зоны Алтая была выделена быстринская культура (Киреев С.М., 1992а–б, 1994; Тишкин А.А., 1996в). В процессе завершения своих культурно-хронологических построений А.С. Суразаков (1989, с. 46) объединил памятники VI–II вв. до н.э. из Северо-Западной Монголии, Тувы, Восточного Казахстана и Горного Алтая в саяно-алтайскую культурно-историческую общность.

Другая проблема, которой А.С. Суразаков уделил внимание в своих работах, связана с изучением социальной организации пазы-

рыцкого общества. В 1983 г. он опубликовал, по сути дела, первую специальную статью, посвященную социальному анализу номадов под названием «О социальной стратификации пазырыкцев», отдельные положения которой были в тезисной форме изложены чуть раньше (Суразаков А.С., 1980б, с. 71–73). Исследователь опирался, с одной стороны, на достижения в этой области С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева. С другой стороны, ученый попытался учесть основные теоретические наработки, сделанные к тому времени В.А. Алекшиным (1975а–б, 1976; и др.), А.Д. Грачом (1968, с. 228; 1980, с. 46–47), А.М. Хазановым (1975, с. 101), В.М. Массоном (1976, с. 149–176). В этой связи представляется не случайным, что многие исходные принципы и критерии, взятые А.С. Суразаковым для дифференциации «пазырыкцев» (размер насыпи, состав инвентаря, сопроводительное захоронение коней и др.), достаточно сильно перекликаются с методическими приемами социальных реконструкций указанных специалистов.

Свою модель социальной реконструкции номадов Горного Алтая исследователь построил на основе взаимосвязи типов погребений с конкретными социальными слоями населения (Суразаков А.С., 1983б, с. 72). Критериями для проведения таких параллелей являлись вполне традиционные признаки: размер и конструктивные особенности погребального сооружения, способ погребения и состав инвентаря. Проанализировав материалы 58 курганов из 19 могильников, археолог выделил четыре группы погребений. Первая, наиболее многочисленная (43 кургана из 13 могильников), представлена захоронениями рядовых кочевников, которых хоронили в небольших погребальных конструкциях (средний диаметр насыпи до 8 м, высота – 0,4 м, размеры могильной ямы – 2,4х1,7 м, глубина – 2 м) с незначительным набором инвентаря. Ученый сделал наблюдение о половозрастном разграничении внутри группы. Это выразилось в том, что в женских погребениях отсутствовало оружие, а в детских – лошади. Кроме того, он указал на процесс имущественной дифференциации в среде рядовых номадов, что отразилось в количестве сопроводительного захоронения лошади с умершим человеком или в отсутствии таковых. Курганы второго типа принадлежали главам крупных семейно-родственных групп или родов. Погребения этой группы достаточно выразительно отличались от предыдущей по масштабности погребальных сооруже-

ний (средний диаметр насыпи кургана 19,5 м, высота 1 м, размеры могильной ямы – 3,8х3,9х5,2 м), количеством лошадей (2–3 особи) и некоторым своеобразием инвентаря. Всего было зафиксировано для этой группы три кургана из трех могильников. Третью группу составили пять погребений из четырех некрополей племенной аристократии, курганы которых имели в среднем следующие размеры: высота каменной насыпи 2,8 м, ее диаметр – 36 м, размеры могильной ямы – 5,1х5,7х5 м. Резкое отличие памятников этой группы от двух предшествующих заключается в значительном количестве сопроводительных захоронений лошадей (в среднем 11), в многообразии инвентаря, использовании саркофагов-колод и бальзамировании тел покойников. Наконец, четвертая группа погребений принадлежала вождям племен. Для них характерны те же признаки, что и для предшествующей группы памятников, но в несколько большем масштабе. Так, средние размеры насыпей курганов «вождей» – 44 м, высота – 2,9 м, размеры могильной ямы – 6х7, 3х5 м. Количество сопроводительных захоронений лошадей отличалось от третьей группы только на один показатель (в среднем 12 особей). Важными чертами погребений «вождей пазырыкских племен» являются не только высокая степень трудозатрат (на сооружение Первого Пазырыкского кургана ушло около 2500–3000 человеко-дней), но и усложненная погребальная конструкция в виде двух камер, высокий процент импортных изделий среди инвентаря (Суразаков А.С., 1983б).

Кроме выделения четырех социальных слоев в обществе кочевников Горного Алтая, исследователь обратил внимание на особенности планиграфии могильников, которые были представлены небольшими курганными цепочками. По мнению ученого, каждый могильник принадлежал «отдельным семьям или небольшим семейно-родственным группам, объединенным в кочевую общину». Ведущую роль в древнем социуме играли рядовые кочевники, которые составляли основу войска. Прерогативами родоплеменной аристократии и вождей племен были военное и административное руководство, а также культовая деятельность (Суразаков А.С., 1983б, с. 85–86).

Почти десять лет спустя, А.С. Суразаков продолжил свои социальные реконструкции пазырыкского социума. Так, на основе анализа планиграфии могильников пазырыкской культуры и изображений на Большой Боярской Писанице он сделал вывод о том, что

цепочка курганов – это могильник семейно-родственной общины. Некрополи, которые состоят из двух или более цепочек, являются кладбищем нескольких общин (родственного клана?). Кроме этого, основываясь на материалах погребального обряда, исследователь отметил, что малые семьи, составляющие общину, «строились на основе твердо устоявшейся патрилокальности брака» (Суразаков А.С., 1992а, с. 52–55).

Надо отметить, что социальная концепция А.С. Суразакова имеет ряд дискуссионных моментов. Серьезные возражения у исследователей вызвало выделение второй группы «глав семей». С.А. Васютин (1998) справедливо обратил внимание, во-первых, на малочисленность этой группы (всего три кургана, т.е. меньше, чем погребений аристократии и вождей). Во-вторых, логичнее было бы предположить наличие погребений «глав семей» в составе каждой курганной цепочки, семейный характер которых признает и сам А.С. Суразаков. В-третьих, недостаточно обоснованным представляется распределение больших курганов на два типа, поскольку в этом случае единый в планиграфическом отношении Пазырыкский могильник оказался в разных группах. Последнее замечание С.А. Васютина можно отнести, вероятно, и к Туэктинскому могильнику. Кроме того, весьма спорным представляется отнесение Второго Башадарского и Берельского курганов к третьей группе только на том основании, что внутримогильная конструкция состояла из одной, а не из двух камер. Зато эти два кургана превосходят большую часть объектов из четвертой группы по другим показателям: диаметр насыпи (за исключением Берельского кургана), ее высота, глубина могильной ямы, количество сопроводительного захоронения лошадей и др. Причем в ряде случаев это превосходство довольно значительное. Так, диаметр Второго Башадарского кургана 58 м (второй по величине курган из всех раскопанных пазырыкских памятников), в то время как средний диаметр курганов четвертой группы – 44 м. Количество сопроводительного захоронения коней в Берельском и Втором Башадарском кургане составляет соответственно 16 и 14 особей, в то время как их среднее число в группе погребений «вождей племен» – 12.

Несмотря на то, что предложенная А.С. Суразаковым модель социальной структуры пазырыкского социума была в определенной степени условной, тем не менее она несомненно являлась важным

шагом в развитии этого направления исследований. Впервые был обобщен имеющийся материал по пазырыкской культуре, что позволило показать значительный уровень дифференциации общества скотоводов скифской эпохи.

Важно также отметить, что ученый одним из первых попытался высказать некоторые соображения относительно социальной организации населения Горного Алтая раннескифского времени. Так, учитывая планиграфию курганных могильников этого периода, был сделан вывод, что они являются некрополями семейно-родственных коллективов (общин). Кроме того, исследователь указал на наличие у носителей майэмирской культуры племенных вождей, погребения которых отличались от остальных большей монументальностью (Суразаков А.С., 1990б, с. 61–68).

Третья крупная проблема, рассмотрением которой также занимался А.С. Суразаков, связана с реконструкцией мировоззренческих представлений номадов Горного Алтая. Первоначально при изучении этой темы исследователь в методологическом и методическом отношении опирался на разработки в этой области А.К. Акишева, А.К. Байбурина, Е.М. Мелетинского и Д.С. Раевского, которых можно отнести к представителям отечественной семиотической школы, развивавшей определенные традиции французского структурализма. А.С. Суразаков в своих работах учитывал вывод указанных исследователей о том, что в древних обществах от эпохи энеолита до раннего средневековья господствовало мифологическое мышление, одним из проявлений которого было структурирование окружающей действительности (Суразаков А.С., 1987а, с. 39). Исходя из этого положения, археолог предпринимал семантический анализ отдельных элементов погребального обряда и образов искусства (Суразаков А.С., 1986а–б, 1992б и др.). Примечательными являются параллели, проводимые А.С. Суразаковым, между религиозно-мифологическими системами «пазырыкцев» и саков Казахстана. Ученый допускает существование у кочевников Горного Алтая, как и у саков, представлений о связи вождя с солярным божеством и даже о персонификации последнего в лице правителя номадов (Суразаков А.С., 1986а, с. 18).

Надо отметить, что интерпретация А.С. Суразаковым семантики отдельных образов пазырыкского искусства и реконструкции связанных с ним мировоззренческих представлений скотоводов вызывает

возражения у некоторых исследователей. Это связано, очевидно, с тем, что в ряде своих работ А.С. Суразаков (1992б, 1996, 1998 и др.) пытается воссоздать специфику мировосприятия кочевников, иногда исходя из умозрительных заключений. Поэтому в его подходе не всегда четко прослеживается научная методологическая основа и конкретные методические приемы для мировоззренческих реконструкций. В то же время представляется оправданной общая постановка ученым этой проблемы, один из путей решения которой заключается как раз в раскрытии семантики искусства и элементов погребального обряда. Это позволит осуществить перевод «языка материальной культуры» в сферу религии, мифологии и менталитета древних кочевников Горного Алтая.

Марсадолов Леонид Сергеевич

Биографическая справка

Родился 28 февраля 1952 г. в г. Черемхово Иркутской области. После окончания средней школы в 1969 г. поступил на заочное отделение исторического факультета Иркутского госуниверситета, а после окончания первого курса служил три года в Военно-Морском флоте на Тихом океане. В 1973 г. перевелся на вечернее отделение исторического факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) госуниверситета, который закончил в 1978 г. по специальности «историк, археолог». После университета был принят в очную аспирантуру Государственного Эрмитажа. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию «Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.)», а в 2000 г. – докторскую на тему «Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры)». На формирование его научных взглядов и интересов большое влияние оказало общение с известными учеными – М.П. Грязновым, С.С. Сорокиным, С.С. Черниковым, Д.Г. Савиновым, А.Я. Шером, А.Д. Грачом, А.В. Давыдовой, Л.Н. Гумилевым, Н.В. Ловелиусом, Е.В. Максимовым, А.Д. Столяром, Л.С. Клейном, П.П. Хороших, Л.Р. Кызласовым, М.А. Дэвлет, В.Д. Кубаревым, Ю.Ф. Кирюшиным и многими другими.

В настоящее время Л.С. Марсадолов работает старшим научным сотрудником в отделе археологии Восточной Европы и Сибири Госу-

дарственного Эрмитажа. Он является хранителем археологических коллекций секции Сибири, специалистом по культуре древних кочевников Южной Сибири, много сделал для пополнения музейных собраний. Неоднократно принимал участие в международных выставках, научных конференциях и семинарах в России, Австрии, Англии, Голландии, Японии, США, Республики Кореи, Италии, Турции, Швеции, Польше, Венгрии, Эстонии и др. Совершил паломничества по христианским местам Святой Земли (Палестина, Израиль), Владимировской и Московской Земель в России, а также побывал с научными целями в Египте, на Крите, в Греции, на Мальте, в Стоунхендже, Аржане, Улуг-Хоруме, Аркаиме, Салбыке, Гордионе, Трое, Аладже, Эфесе и многих других исторических местах.

С 1973 г. Леонид Сергеевич участвует в работе археологических экспедиций в разных регионах России, а с 1985 г., став начальником Саяно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа, производит самостоятельные исследования в Южной Сибири и Казахстане. В 1985–1986 и 1991, 1995 гг. им были проведены исследования на Алтае в урочище Семисарт-I (Кара-Бом), где ученый раскопал курганы раннескифского времени и культовое место (Марсадолов Л.С., 1992; 1996а, с. 42; 2001). В 1985–1986 гг. им изучался могильник Башадар (Марсадолов Л.С., 1997а). Исследователь также в течение многих лет проводил обследование разных памятников скифской эпохи Горного Алтая. В 2002 г. для подтверждения гипотезы о связях Алтая с Анатолией состоялась первая международная экспедиция Эрмитажа в Турцию.

Л.С. Марсадоловым написано несколько монографий и множество научных статей по проблемам культуры, археологии, истории, искусства кочевников, астроархеологии, дендрохронологии и др. Его основные научные интересы связаны с изучением культуры древних кочевых племен Евразии I тыс. до н.э., при исследовании которой используется междисциплинарный подход.

Леонид Сергеевич является академиком Санкт-Петербургской Академии истории культуры, действительным членом Русского географического общества, Европейской ассоциации исследователей первобытного искусства и др.

Л.С. Марсадолов считает, что самые интересные идеи рождаются на стыках разных научных дисциплин, а жизнь древних людей была

сложна и многообразна, поэтому археологи должны смотреть не только под землю, но и на звезды, фиксируя их «отражение» в археологических памятниках.

Основные направления исследований

При изучении скифской эпохи Горного Алтая Л.С. Марсадалов значительное внимание уделил рассмотрению следующих проблем: история открытий и исследования памятников VIII–IV вв. до н.э., датировка археологических объектов с применением методов естественных наук, социальные реконструкции и мировоззрение пазырыкского общества, этногенез номадов Алтая.

Подробно история изучения археологических памятников Горного Алтая скифской эпохи представлена ученым в его кандидатской диссертации, а затем в отдельной монографии и специальной статье (Марсадалов Л.С., 1985, с. 3–4; 1996а, 1999в). В одной из указанных работ исследователь предложил выделить три этапа: 1) открытие памятников и первые археологические обобщения (XVIII–XX вв.); 2) выделение культурно-хронологических этапов, их абсолютное датирование (30–50-е гг. XX в.); 3) применение естественно-научных методов для уточнения датировок отдельных курганов (50–80-е гг. XX в.) (Марсадалов Л.С., 1985, с. 3–4). В монографии, исходя из тех же критериев (история раскопок памятников и изменения представлений о их датировании), выделены уже не этапы, а периоды: 1) грабительский (I тыс. до н.э. – начало XX в.); 2) археология – часть общего землеописания России (XVII–XVIII вв.); 3) археология в период Просвещения (конец XVIII – первая половина XIX вв.); 4) первые научные обобщения (вторая половина XIX в.); 5) археология – часть краеведения Алтая (с 70-х гг. XIX в. до 1916 г.); 6) первые исследования археологов-профессионалов (середина 1920-х – середина 1930-х гг.); 7) переход на позиции материализма и создание хронологических систем (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.); 8) применение естественно-научных методов датирования памятников (1950-е гг.); 9) дальнейшее накопление материалов (1950–1980-е гг.); 10) уточнение хронологии памятников (с середины 1970-х гг.) (Марсадалов Л.С., 1996а, с. 5). При этом было указано на то, что перекрывающиеся друг друга 8-й, 9-й и 10-й периоды позднее, возможно, будут включены в седьмой в качестве его подразделов. Данная периодиза-

ция в настоящее время наиболее полно отражает процесс изучения скифской эпохи на Алтае. Давая характеристику каждому из перечисленных периодов, исследователь также кратко остановился на историческом анализе основных культурно-исторических разработок, посвященных рассмотрению развития культуры древних кочевников.

Продолжая заниматься историей изучения датирования памятников Алтая скифской эпохи, Л.С. Марсадолов предложил в своей докторской диссертации отдельную периодизацию этого процесса, выделив восемь основных этапов:

1. Классификация по материалу – XVIII – середина XIX вв.
2. Периодизация по материалу – 2-я половина XIX в. – 20-е гг. XX в.
3. Первые абсолютные даты 20–30-е гг. XX в.
4. Периодизация по этапам (или стадиям, культурам) – конец 30-х – 90-е гг. XX в. – на основе: социально-экономических и культурно-политических событий в древности с точностью до 100–200 лет.
5. Хронология памятников с опорой на методы естественных наук (дендрохронология, радиоуглерод) и археологические аналогии с точностью до 50 лет – 1950–1980-е гг.
6. Удревнение дат археологических памятников – 1960–1990-е гг.
7. Абсолютное датирование с точностью до нескольких десятилетий – 1980–1990-е гг.
8. Комплексное абсолютное датирование отдельных объектов с точностью до нескольких лет или одного года – 1990-е гг. (Марсадолов Л.С., 2000а).

Данная схема в определенной степени является дополнением и переработкой предыдущей. Она дает представление об основных аспектах развития подходов к установлению хронологии памятников скифской эпохи.

Достаточно подробно Л.С. Марсадолов исследовал проблему этнической истории и этногенеза кочевников Горного Алтая. Особое внимание при построении своей культурно-хронологической концепции он обратил на возможности применения при датировке памятников дендрохронологии и радиоуглеродного метода. Им было произведено комплексное изучение пяти больших Пазырыкских курганов, Первого Туэктинского, Шибинского курганов Горного Алтая и комплекса Аржан в Туве (Марсадолов Л.С., 1985, с. 7–10; Марсадолов Л.С.,

Зайцева Г.И., Лебедева Л.М., 1994; Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцова А.А., Лебедева Л.М., 1996; и др.). Исследователь неоднократно указывал на возможность привязки «плавающей» саяно-алтайской дендрошкалы к американской «протяженностью около 8 тысяч лет». Это обеспечивает перспективу определения даты сооружения курганов с точностью до года (Марсадолов Л.С., 1985, с. 10). Первые такие сопоставления были сделаны Л.С. Марсадоловым в июне 1994 – январе 1995 гг. В результате были определены абсолютные даты Первого, Второго, Пятого Пазырыкских и Первого Туэктинского курганов (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 50–51).

Первоначально, в середине 1980-х гг., Л.С. Марсадолов отнес памятники Алтая к двум этапам. Первый, майэмирский, он датировал VIII–VII вв. до н.э., возможно 1-й четвертью VI в. до н.э., и включил в него две группы памятников («вытянутые» и «скорченники»). Второй, пазырыкский, период был условно обозначен в рамках VI–IV вв. до н.э. Л.С. Марсадолов обратил внимание на то, что завершение майэмирского и начало пазырыкского этапов синхронно ряду исторических событий, в частности, разгрому Ассирии мидийцами, походам скифов в Малую Азию, усилению державы Ахеменидов. Завершение пазырыкского этапа совпало с походами А. Македонского в Малую и Среднюю Азию, что привело к большим перемещениям племен и народов (330–320 гг. до н.э.) (Марсадолов Л.С., 1985, с. 10–11, 15). Таким образом, корреляция дат, полученных на основе естественных наук, позволила соотнести этапы развития древних кочевников с конкретными историческими событиями.

В монографии, посвященной истории изучения памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э., Л.С. Марсадолов дополнил свои ранее сделанные выводы реконструкцией этнических и этногенетических процессов, протекавших в данном регионе. Он выделил два культурно-хронологических этапа на Алтае: VIII–VII вв. до н.э. и VI–IV вв. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1996а, с. 52). Немного позднее ученый расширил границы второго этапа до III в. до н.э. (VI–III вв. до н.э.), оставил его конкретное наполнение без изменений (Марсадолов Л.С., 2000а, с. 47). Л.С. Марсадолов поддержал инициативу Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997, 1999) о выделении для памятников раннескифского времени центральных районов Алтая бийкенской культуры, а название «майэмирская культура» согласился вместе с другими

исследователями закрепить за памятниками западных и северо-западных предгорий этого региона (Марсадолов Л.С., 2000а, с. 16; 2001, с. 25). В рамках двух выделенных этапов археолог определил локальные этнокультурные группы археологических памятников, которые, возможно, соответствовали расселению древних племен («улуг-хорумцы», «куртусцы», «куюмцы», «семисартцы», «саглынды», «быстряныцы», «кара-кобинцы», «чиликтинцы», «майэмирцы», «иртышцы», «кула-жургинцы», «каменцы», «пазырыкцы») (Марсадолов Л.С., 2000а, с. 48–49). Развивая теорию этногенеза «пазырыкцев», Л.С. Марсадолов провел сопоставление материалов из тумулусов Гордиона (Турция, VIII–VII вв. до н.э.) и Алтая (VI–IV вв. до н.э.), указав на черты сходства в погребальном обряде и в инвентаре, свидетельствующие, по мнению автора, о существовании определенной генетической преемственности между ними (Марсадолов Л.С., 1997а, с. 22–24, 42; 1999а). В целом же этногенетическое развитие пазырыкцев происходило в несколько этапов по следующей схеме: Синташта (Синташтинский могильник, погребения 10, 16 – XVII–XVI вв. до н.э.) – памятники срубной культуры (XV–XII вв. до н.э.) – переходные памятники (XI–IX вв. до н.э.) – киммерийцы, Гордион (VIII–VII вв. до н.э.) – «пазырыкцы» (VI–IV вв. до н.э.) (Марсадолов Л.С., 1997б, с. 80).

В предложенной концепции исследователь попытался отразить сложную картину культурно-исторического развития кочевников этого региона. Ученый вполне правомерно указал на приток населения на Алтай после известных исторических событий. В дальнейшем следует особое внимание обратить на данные, свидетельствующие о перемещении сакских племен в данный регион в VII – начале VI вв. до н.э. (Шульга П.И., 1998а, с. 709). Существование таких этнокультурных связей подтверждается материалами Алтая, Казахстана и Восточного Туркестана (Шульга П.И., 1997а, 1998а; Литвинский Б.А., 1984, с. 13–14; Литвинский Б.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1985; Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1988, 1992; и др.). Нужно также отметить перспективность комплексного подхода Л.С. Марсадолова к датированию памятников с привлечением методов естественных наук и данных археологии. Создание абсолютной дендрохронологической шкалы позволит существенно продвинуться в решении проблем культурно-хронологического характера.

Достаточно серьезно Л.С. Марсадолов занимался изучением социальной структуры пазырыкского общества. Ученый ввел понятие «ранг кургана», под которым он понимает определенные «скользящие» обрядовые группы одного социального слоя, представители которого по каким-то причинам оформляли разные типы захоронений (Марсадолов Л.С., 1997в, с. 97). В качестве критериев для выделения рангов курганов он использовал: 1) объем трудозатрат на погребение человека; 2) сложность и размеры погребального сооружения; 3) мумифицирование погребенных; 4) число сопроводительного захоронения лошадей (или их отсутствие) и их убранство; 5) количество и качество инвентаря; 6) наличие культовых и «престижных» предметов; 7) антропологический тип. На основании комплекса из 28 признаков ученый выделил девять рангов курганов. Первые два отнесены к группе больших курганов и принадлежали вождям племен, союзов племен и их ближайшим родственникам. Курганы III–IV ранга средней группы представлены погребениями племенной знати и ближайших родственников вождей племен. Третья группа малых курганов соотносится с V–VIII рангами. V ранг – это курганы родственников (+ детей) вождей и знати; VI ранг – погребения воинов, глав семей и родовых групп; VII – захоронения рядовых кочевников; VIII ранг – погребения младших членов семей и детей; IX – могильные сооружения «зависимых» людей – пленных, домашних рабов (слуг) (Марсадолов Л.С., 1997в, с. 97–99; 2000а, с. 31–33). Исследователь обозначенные ранги курганов соотносит с конкретными погребениями пазырыкской культуры, отмечая при этом, что все ранги сосуществовали одновременно. Различие же между ними обусловлено «религиозно-социально-экономической... и семейной ... стратификацией» кочевого общества (Марсадолов Л.С., 2000а, с. 32). Предложенная схема отразила сложную иерархию социальной структуры пазырыкского общества.

Определенный вклад Л.С. Марсадолов внес в изучение планиграфии пазырыкских могильников и в установлении ее связи с социальным развитием общества. Он привел доказательства того, что для Горного Алтая VI–IV вв. до н.э. характерны два основных способа формирования малых курганных групп на одном могильнике: 1) последовательный (от первого кургана к северу последовательно сооружались другие объекты); 2) чередующийся (формирование могиль-

ника начиналось одновременно в нескольких местах на равном расстоянии друг от друга) (Марсадолов Л.С., 2000б, с. 72). Исследователь отметил, что первый способ характерен преимущественно для семейных могильников, а второй – для больших разделившихся семей и родовых групп. Он также подчеркнул, что формирование конкретных курганных цепочек зависело как от внешних, так и внутренних факторов, поэтому к изучению каждого могильника надо подходить индивидуально, но с учетом общих закономерностей (Марсадолов Л.С., 2000а, с. 18–19; 2000б, с. 72).

Отдельные работы Л.С. Марсадолова (1991, 1996а–б, 1997г, 1999б, 2000в, 2001 и др.) посвящены изучению искусства скифской эпохи, древней метрологии и палеоастрономическим исследованиям. Было отмечено, что не только высокохудожественные образы, но и передовые технические и научные идеи широко распространялись «эстафетным» путем вдоль Великого степного пути Евразии, от Тихого до Атлантического океанов. Им выявлены основные тенденции и построены эволюционные схемы развития предметов снаряжения коня, наконечников стрел, зеркал, деревянных подголовников, бронзовых гвоздей и других категорий объектов (Марсадолов Л.С., 1998, 2002в). В настоящее время большое внимание уделяется ритмичности природных и исторических процессов, классификации археологических памятников, объектов и предметов, а также построению общей и археологической «моделей мира» (Марсадолов Л.С., 1999в, 2002б, 2003а).

Полосьмак Наталья Викторовна
(родилась 12.09.1956 г.)

Н.В. Полосьмак работает главным научным сотрудником в секторе бронзы и железа Института археологии и этнографии СО РАН. В 1997 г. она защитила докторскую диссертацию по теме «Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений». Н.В. Полосьмак проведены исследования на следующих памятниках скифской эпохи Горного Алтая: Ак-Алаха-1–3, 5; Кутургунтас-1 (Полосьмак Н.В., 1993а, 1994а–б, 1996; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000). Итоги изучения различных проблем культуры древнего населения Алтая исследовательницей изложены во многих

научных статьях и в ряде монографий «Стережущие золото грифы» (Ак-лахинские курганы) (1994а), «Древние культуры Бертекской долины» (1994в, глава «Пазырыкская культура»), «Феномен алтайских мумий» (2000а–в, отдельные разделы в главах), «Всадники Укока» (2001а).

Основные направления исследований

Несмотря на то, что проблемы этнокультурной истории и хронологии памятников кочевников Горного Алтая скифской эпохи занимают второстепенное место в творчестве Н.В. Полосьмак тем не менее она уделила им определенное внимание в отдельных своих работах. По ее мнению, уже на раннескифском этапе (в VIII–VII вв. до н.э.) в Горном Алтае сосуществовали группы населения с разными традициями в погребальном обряде: майэмирская, оставившая погребения в ямах, и куюмская – в каменных ящиках. Поэтому ситуация, которая сложилась в пазырыкское время (VI–I вв. до н.э.), во многом обусловлена особенностями развития древнего населения Алтая в предшествующую эпоху. При этом Н.В. Полосьмак не исключает, как и другие исследователи (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982; Суразаков А.С., 1988б; Плотников Ю.А., 1992), возможность того, что «куюмцы» могли быть продолжателями традиций афанасьевской культуры. Она также отметила, что в пазырыкское время существовало две основные группы населения: собственно «пазырыкцы» и «кара-кобинцы», хоронившие умерших в каменных ящиках. Исследовательница считает, что распространение кара-кобинских памятников в тех же районах, где расположены пазырыкские могильники, не дает оснований для выделения в особое культурное образование. Что касается датировки пазырыкской культуры, то она ограничивает ее рамками VI–I вв. до н.э. (Полосьмак Н.В., 1994в, с. 138, 210) или VI–II вв. до н.э. (Полосьмак Н.В., 1997, с. 51).

В одной из своих статей Н.В. Полосьмак обратила внимание на материалы из погребений северо-западного Синьцзяна (элементы звериного стиля, посуда, оружие, одежда и татуировка). Она указывает, что некоторые черты погребального обряда скотоводов Горного Алтая, например мумификация, имеют аналогии в рассматриваемой куль-

туре, что определялось обрядом жизни кочевников в горной местности, общностью основных мировоззренческих представлений, постоянными контактами между «пазырыкцами» Горного Алтая и населением Синьцзяна, а также, возможно, их этнической однородностью (Полосьмак Н.В., 1998, с. 342).

В своих работах Н.В. Полосьмак частично коснулась вопросов социального устройства номадов Горного Алтая скифского времени. Опираясь на анализ материалов из курганов с плоскогорья Укок, она выделила новый признак социального статуса в пазырыкском социуме – головные уборы (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 43; 1999). Войлочные и кожаные шлемы, по ее мнению, являлись атрибутами только воинов-всадников – основы пазырыкского общества. В этой связи факт нахождения такого головного убора с полным комплектом оружия в кургане №1 могильника Ак-Алаха-I является тем более примечательным (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 43). Н.В. Полосьмак сделала еще ряд важных наблюдений относительно социальных отношений в социуме «пазырыкцев». Так, исследовательница обратила внимание на поминальный комплекс у кургана №1 могильника Ак-Алаха-I, в связи с чем она отметила: «Если одно кольцо можно считать свидетельством поминовения каждого из погребенных в небольшом кургане одной семьей, его ближайшими родственниками, то наличие семи колец... может быть доказательством того, что здесь одновременно совершали поминки семь отдельных групп, связанных узами родства и находившихся в подчинении у погребенного в большом кургане» (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 17). Не менее интересным представляется и другое наблюдение исследовательницы: одиночное расположение кургана №1 могильника Ак-Алаха-III. Погребенная в этом кургане женщина была, с точки зрения Н.В. Полосьмак (1994а, с. 3; 2001), жрицей. Своеобразное расположение кургана свидетельствует о том, что эта женщина существовала в своей посмертной жизни вне рода и семьи. В то же время курган «жрицы» не был спрятан, а сооружен в центральной части долины р. Ак-Алахи. Это должно было подчеркнуть ее принадлежность сразу ко всем семьям и родам «пазырыкцев», зимовавших на плато Укок (Полосьмак Н.В., 1994б, с. 3). Этот вывод Н.В. Полосьмак вновь поставил перед учеными проблему функционирования культурно-символической стратификации в пазырыкском обществе и наличия особой группы жрецов (жриц). При этом

важно отметить, что если ранее среди некоторых ученых была распространена только точка зрения о том, что религиозные обряды совершали шаманы-мужчины, то теперь эта роль отводилась, во-первых, жрецам (жрицам), а во-вторых, не только мужчинам, но и женщинам. Это предположение в последнее время находит своих новых сторонников (Шульга П.И., 1997б; Могильников В.А., 1997; Дашковский П.К., 2001а, 2002; и др.). Более того, гипотеза о выполнении жреческих функций в пазырыкском обществе женщинами представляется еще более убедительной, если принять во внимание, что у многих народов Евразии в скифскую эпоху наблюдается именно такая ситуация (Банников А.Л., 2000; Смирнов К.Ф., 1964, с. 103, 254; Хазанов А.М., 1970, с. 139–143; Кадырбаев М.К., 1984, с. 84; и др.). В то же время не стоит исключать возможность прямого участия мужчин в религиозной практике кочевников, что также известно по материалам синхронных культур, например, захоронение в кургане Иссык в Казахстане (Акишев А.К., 1984).

Особое место в творчестве Н.В. Полосьмак занимает реконструкция религиозно-мифологических представлений скотоводов Горного Алтая. Исследовательница сначала в статьях (Полосьмак Н.В., 1992, 1993б), а затем в монографии «Стерегищие золото грифы» (Ахлахинские курганы) рассматривает некоторые мифологические представления в связи с интерпретацией двух обрядов пазырыкского искусства: изображения рыбы и птицы «феникс». По ее мнению, появление этих обрядов и связанных с ними мифологических воззрений, возможно, объясняется взаимодействием пазырыкских племен с китайской цивилизацией. При этом Н.В. Полосьмак отметила, что наблюдается не только влияние китайской цивилизации на кочевников, но и обратный процесс, который прослеживается в наличии в древнекитайской мифологии многих индоевропейских мифологических сюжетов (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 90–96). В 1997 г. Н.В. Полосьмак защитила докторскую диссертацию, которая явилась своего рода первой обобщающей работой по рассматриваемому направлению. В ее основу положены прежде всего материалы, полученные на плато Укок. При их анализе и интерпретации использован междисциплинарный подход, путем привлечения различных источников и данных как гуманитарных, так и естественных наук. Методическую основу работы составили традиционные принципы отечественной этнографической

школы, французской социологической школы позитивистского направления, некоторые положения структурализма (Ю.М. Лотман) и синтетного, герменевтического по своей сути, подхода М. Элиаде. Это позволило исследовательнице сделать определенные выводы о некоторых отдельных аспектах духовной культуры «пазырыкцев». Важно отметить, что Н.В. Полосьмак, вслед за другими учеными, признает в качестве важной составляющей религиозно-мифологической системы номадов Горного Алтая индоиранский пласт. Это нашло свое проявление, в частности, в «комплексе коня» как проводника умерших в загробный мир, в представлениях о трехуровневом строении вселенной, в обычае бальзамирования, в составе пазырыкского пантеона и в ряде других особенностей религии кочевников. Кроме этого, были указаны некоторые архаические религиозные воззрения у скотоводов, например, анимистические представления. Надо отметить, что в работе Н.В. Полосьмак присутствуют и некоторые дискуссионные моменты. Так, она отмечает, что лучшие из умерших кочевников отправлялись в иной мир вниз по реке на север в колодах (Полосьмак Н.В., 1997, с. 45–49). При такой интерпретации исследовательница приводит главным образом этнографические материалы по сибирским народам (ханты, манси и др.). Однако наиболее уместным представляется следовать в этом вопросе общеиндоевропейской и индоиранской традиции с опорой на результаты раскопок курганов не только лиц высокого социального статуса, но и на материалы из рядовых курганов. Подобный подход показывает, что именно лошадь являлась непосредственным проводником умерших «пазырыкцев» в иной мир. Поэтому не случайно конь находится в могилах людей разного социального статуса независимо от пола и возраста. Более редкое сопроводительное захоронение лошади в погребениях объясняется имущественным положением умерших (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997, 1998а–в; и др.). Представляется маловероятным, чтобы у разных социальных категорий населения при одинаковом образе жизни, укладе, менталитете и одной мировоззренческой системы существовали различные представления о переходе в «иной мир». Примечательно, что и сама Н.В. Полосьмак признает важную роль коня в религиозной системе номадов, называя лошадей помощниками в достижении «небесных пастбищ» (Полосьмак Н.В., 1997, с. 49). Однако, учитывая вышеуказанные моменты, несколько теряется ми-

фологическая связь между лошадьё и отправлением умершего в «иной мир» в колоде по реке. Несмотря на отмеченные обстоятельства и ряд других дискуссионных моментов, тем не менее Н.В. Полосьмак удалось успешно реконструировать определенные верования и обряды кочевников, используя для этого междисциплинарный подход, впервые опробованный на пазырыкских материалах еще В.В. Радловым и С.И. Руденко.

Вышедшая в 2001 г. монография «Всадники Укока» аккумулировала все разработки Н.В. Полосьмак в области изучения материалов по скифской эпохе Алтая. Эта прекрасно изданная обобщающая работа по довольно сложной теме отражает высокий уровень обработки археологических материалов.

Раздел IV

ИЗУЧЕНИЕ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ В 20–90-е гг. XX в.

Во время изучения в 20–50-е гг. XX в. грандиозных курганов Горного Алтая раннего железного века (Пазырык, Шибе, Туэкта и др.) археологи параллельно начали исследовать и менее масштабные по своему размеру памятники. При этом надо отметить, что осуществлялись раскопки объектов как раннескифского, так и пазырыкского времени.

В 1936 г. экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Г.П. Сосновского проводила раскопки на могильнике Усть-Кулом. Одно из погребений на этом некрополе вместе с захоронением лошади ученый датировал VII–VI вв. до н.э., «т.е. более ранним временем, чем известный Пазырыкский курган». При этом он отметил, что данный объект вместе с другими памятниками этого культурного этапа (Майэмир, Березовка) характеризует наиболее ранних кочевников Алтая (Сосновский Г.П., 1941; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 13). Позднее Л.С. Марсадолов отнес к раннескифскому времени еще ряд памятников с этого некрополя (Марсадолов Л.С., 1981, с. 13).

В 1964–1965 гг. на Усть-Куломском могильнике производил работы Горно-Алтайский археологический отряд ИИФФ СО АН СССР под руководством Е.М. Берс (1974). При этом вторично исследовались те погребальные объекты, которые в свое время вскрывались С.М. Сергеевым и Г.П. Сосновским. В результате было установлено, что основной целью работ предшественников являлись раскопки только погребений. Надмогильные сооружения полностью не исследовались. Таким образом, полученный ранее материал оказался неполноценным. Заслуги Е.М. Берс заключаются в том, что ей изучены раскопанные ранее курганы, упорядочена информация о них, а также проведены исследования новых объектов Усть-Куломского могильника, позволившие в результате сопоставительного анализа определить ту или иную культурную принадлежность оставленных в древности могил (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 18). Работы в устье р. Кулом были продолжены Е.М. Берс в 1969 г. Результаты этих исследований позднее в тезисной форме опубликовали Ю.С. Худяков

и М.В. Мороз (1988). В целом можно заключить, что Усть-Куюмский могильник, раскопанный близ среднего течения р. Катунь, является первым изученным памятником бийкенской культуры. Это имело большое значение при формировании представлений о погребальных комплексах раннескифского времени Алтая. Наличие на этом памятнике погребения человека с конем и находка костяного трехдырчатого псаля позволили М.П. Грязнову еще в 1947 г. выделить майэмирский этап в культуре ранних кочевников, а позднее высказать предположение о существовании особого этапа, предшествующего майэмирскому и синхронного аржанскому в Туве (Грязнов М.П., 1978). Материалы раскопок в Усть-Куюме легли также в основу выделения различного рода культурно-хронологических определений, например, показаны временные и локальные различия Усть-Куюма и Курту-II (Марсадолов Л.С., 1981, с. 21), выделены усть-куюмский локальный вариант майэмирской культуры (Могильников В.А., 1986б, с. 53), куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 1986, с. 79–81) и др. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 18–19).

В 1968–1969 гг. Акташский отряд Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством А.И. Мартынова и А.М. Кулемзина проводил раскопки разновременных памятников в Алагаильской и Боротальской долинах в зоне затопления Чуйской ГЭС. Среди исследованных объектов оказались захоронения скифской эпохи (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985). В 1978 г. А.И. Мартыновым был раскопан один курган скифского времени на могильнике Ташанта-I (Мартынов А.И., Абслямов М.Б., 1979). Необходимо также отметить вклад А.И. Мартынова в изучение теоретических аспектов развития культур Евразии скифской эпохи. Ученый дал достаточно подробную характеристику скифо-сибирского культурно-исторического единства (Мартынов А.И., 1980, 1986). Концепция «единства» позволила ему показать не только общий уровень социально-политической организации сибирских народов (Васютин С.А., 1998), но и указать на исходные базовые тенденции развития кочевников Евразийских степей скифской эпохи. Эта теория охватывала широкий спектр древних народов указанного региона, в том числе и пазырыкцев Горного Алтая. Характеризуя общественное устройство кочевников, исследователь отмечал у саков, «тагарцев», савроматов, «пазы-

рыкцев» ускоренный процесс дифференциации и сложение племенных союзов (Мартынов А.И., 1980, с. 16). В своих дальнейших работах А.И. Мартынов развил эти идеи. Так, он отмечал, что на рубеже VI–V вв. до н.э. у «алтайцев» («пазырыкцев». – *Авт.*), как и у ряда других кочевых народов, складывалось «протогосударственное образование», развитие которого привело в V–III вв. до н.э. к формированию политических объединений раннегосударственного типа (Мартынов А.И., 1986; Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986, с. 37, 113–126).

Концепция «скифо-сибирского единства» легла позднее в основу теории «кочевой цивилизации» (Мартынов А.И., 1989а–б). В рамках этой теории представителям пазырыкского общества отводилось особое место. Социум кочевников Горного Алтая так же, как и племена Казахстана, Тувы, Минусинской котловины и ряда других территорий степного пояса Евразии, характеризовался сложной стратосоциальной структурой, наличием «основной производительной массы – общинников, господствующей части общества, воинов и ремесленников». Верховная власть была сосредоточена у царя-правителя государства, который, судя по аналогии с материалами из кургана Иссык, выполнял и определенные религиозные функции (Мартынов А.И., 1989б, с. 290). Рассматривая вопрос о формировании государственности у кочевников, ученый позднее несколько удревнил этот процесс. Если в своих предыдущих работах он указывал на то, что на рубеже VI–V вв. до н.э. формировались только протогосударственные образования (Мартынов А.И., 1986), в том числе и у «пазырыкцев», то теперь, по его мнению, именно в этот хронологический отрезок складывались основы раннего государства (Мартынов А.И., 1980). Не исключено также, что археолог вкладывал сходное содержание в понятие «протогосударственное образование» и «раннее государство». Разработки А.И. Мартынова по проблемам «скифо-сибирского культурно-исторического единства» и «кочевой цивилизации» имели для скифологии такое же важное значение, как и концепция «ранних кочевников» М.П. Грязнова конца 1930-х гг. Эти работы А.И. Мартынова, с одной стороны, подводили определенный итог в изучении истории кочевников, а с другой – давали теоретическую модель, требующую в дальнейшем подтверждения фактическим материалом.

В 1975 г. горно-алтайская группа Северо-Азиатской экспедиции под руководством А.П. Погожевой провела раскопки в Онгудайском

и Усть-Коксинском районах Республики Алтай. В результате было исследовано по одному объекту «эпохи ранних кочевников» на могильниках Таалай и Ак-Кем (Погожева А.П., 1978). Более точную дату этих памятников исследовательница не смогла определить. Оба раскопанных объекта представляют собой небольшие каменные выкладки, располагавшиеся на незначительном удалении от курганных цепочек, вытянутых традиционно для пазырыкской культуры с севера на юг. Примечательно также, что в погребении №7 на могильнике Ак-Кем умерший ребенок был положен в срубе в вытянутом положении на спину и ориентирован головой на запад. Такая традиция не характерна для «классических» пазырыкских курганов. По мнению А.П. Погожевой, эти памятники являются «свидетельством социального расслоения (сооружение этих погребальных объектов значительно упрощено, а инвентарь небогат), т.е. погребениями неравноправных членов общества, или обозначают детские погребения» (Погожева А.П., 1978, с. 73). Надо отметить, что с выводом исследовательницы нельзя полностью согласиться. Во-первых, в погребении из могильника Таалай обнаружено сопроводительное захоронение лошади, что является признаком достаточно высокого социального статуса, а не показателем зависимого члена общества. Во-вторых, это погребение сильно разграблено, что не позволяет в полной мере судить не только о сопроводительном инвентаре, но и о других элементах погребального обряда (ориентация и положение умершего), а также о его возрасте. Если учесть, что ориентация лошади и человека в «классических» пазырыкских курганах всегда восточная, то и погребенный в этом «кургане» тоже был, вероятно, уложен головой на восток. Кроме того, зафиксирована промазка пазов сруба глиной, что также характерно для пазырыкских памятников. Что касается погребения ребенка из могильника Ак-Кем, то умерший, скорее всего, принадлежал представителям иной, чем пазырыкская (хотя, возможно, и родственная ей), этнической группе. Об этом свидетельствуют некоторые особенности погребального обряда, которые находят аналогии в саглыньских памятниках Тувы. Таким образом, в объектах захоронены, вероятнее всего, действительно дети, но не представители категории зависимых людей. В последующие годы А.П. Погожева принимала участие при исследовании и других памятников скифского времени, в частности поселения Кара-Тенеш (Погожева А.П., Молодин В.И., 1980; Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1980), могильника Семисарт-I (Погоже-

ва А.П., 1981; Марсадолов Л.С., 2001), открытого в 1979 г. (Владимиров В.Н., Цыб С.В., 1980, с. 197).

Определенным своеобразием отличалась схема культурно-хронологического развития скотоводов Горного Алтая и Восточного Казахстана скифской эпохи, разработанная группой казахских археологов в составе К.А. Акишева, К.М. Байпакова, М.К. Кадырбаева, Б.Е. Кумекова и некоторых других исследователей. В одной из обобщающих академических работ «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (1977) М.К. Кадырбаев при поддержке своих коллег попытался обосновать выделение трех этапов развития культуры восточно-казахстанских племен эпохи раннего железа: 1) майэмирский – VII–VI вв. до н.э.; 2) берельский – V–IV вв. до н.э.; 3) кулажургинский – III–I вв. до н.э.

Первый, майэмирский, этап характеризовался учеными практически так же, как это в свое время делал М.П. Грязнов (1947). Особо археологи обратили внимание на несколько курганов (Курту-II), датированных С.С. Сорокиным (1966) более ранним, чем майэмирский этап, временем – IX–VIII вв. до н.э. (История..., 1977, с. 256–257). Решение проблемы культурно-хронологического определения этих памятников, не совсем вписывающихся в традиционную схему, оставалось исследователями на последующий период изучения культуры «ранних кочевников». Очевидно, это осознавали и сами исследователи, поскольку столкнулись с ранними погребениями из могильника Курту-II, которые невозможно было соотнести с концепцией ранних кочевников Горного Алтая, разработанной М.П. Грязновым в 1930–1940-е гг. Надо также отметить, что к моменту написания и публикации «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» еще не были до конца обработаны и осмыслены результаты раскопок кургана Аржан в Туве. На основании анализа материалов из этого кургана М.П. Грязнов сначала предложит выделить «начальный этап скифской культуры (VIII–VII вв. до н.э.)», а затем и аржано-черноголовскую фазу (VIII–VII вв. до н.э.) в развитии скифо-сибирских культур (Грязнов М.П., 1978, 1979, 1983, 1992). Курганы из могильника Курту-II были использованы исследователем немного позднее как раз для наполнения конкретным содержанием вышеуказанные культурно-хронологические дефиниции.

Второй, берельский, этап (V–IV вв. до н.э.) культуры скотоводов Восточного Казахстана характеризовался главным образом по мате-

риалам Большого Берельского кургана с указанием на широкое распространение аналогичных памятников по Горному Алтаю. Ученые особо указали на то, что памятники верховьев Бухтармы (Берель, Кок-Су-I и др.) являются органической частью культуры пазырыкского типа, ареал которой охватывал территорию Алтая и Тувы. Объекты этой этнической группы довольно существенно отличаются от синхронных некрополей соседней степной зоны Иртыша и Зайсанской культуры. Так, в обозначенной степной зоне насыпи курганов возводили из земли и гальки, а в погребальных сооружениях редко встречаются захоронения лошадей и деревянные срубы (История..., 1977, с. 259–261).

Существенные изменения в культуре кочевников Восточного Казахстана происходят на третьем этапе (III–I вв. до н.э.). В степных районах между Тарбагатаем и верховьем Иртыша получают распространение погребальные сооружения так называемого кулажургинского типа в виде каменных ящиков. Умерших людей укладывали в них в вытянутом положении на спине и ориентировали головой на восток или запад. Как исключение, встречено несколько погребенных в скорченном положении на правом боку. Уже в конце берельского этапа повсеместно бронза стала вытесняться железом. Этот процесс получил свое логическое завершение в кулажургинское время. По мнению казахстанских исследователей, «создателями кулажургинской культуры была местная племенная группа, родственная древним насельникам Семиречья». Об этом свидетельствуют этнокультурные связи, которые прослеживаются по таким показателям, как форма глиняной и деревянной посуды, топография могильников, расположенных цепочками, структура и форма насыпей, широтная ориентировка захоронений, помещение в могилы частей барана, близость бронзовых изделий. Кроме того, прослеживается сходство в антропологическом типе населения степей Восточного Казахстана и Семиречья. «Его основу составляли европеоидный тип с небольшой монголоидной примесью». При этом прослеживается также преобладание признаков антропологического типа с переходом к среднеазиатскому междуриечью (История..., 1977, с. 261–264).

Вышеописанная схема этнокультурного развития культуры скотоводов горных районов Восточного Казахстана и соседних территорий Горного Алтая и Тувы была разработана под влиянием двух основных факторов. Во-первых, количество накопленного к тому вре-

мени материала явно не соответствовало уровню культурно-хронологических разработок. Во-вторых, учитывая национальное самосознание ученых, становится вполне понятным их стремление выработать решение культурно-хронологических проблем по древней истории, опираясь прежде всего на «свои» казахстанские материалы. Указанное обстоятельство достаточно хорошо прослеживается в стремлении исследователей выделить берельский этап по результатам раскопок Берельского кургана, который бесспорно относится к пазырыкской культуре Горного Алтая. Примечательно, что последнее положение признается и самими казахстанскими археологами. Это однако не помешало учитывать им при выделении берельского этапа административное (национальное) деление региона, а не особенности его культурно-исторического развития.

В то же время впервые были систематизированы памятники Восточного Казахстана позднескифского периода, в результате чего стало возможно выделить особый кулажургинский тип памятников в каменных ящиках и отдельный культурно-хронологический этап. Несмотря на то, что рассмотренная схема этнокультурной истории древних скотоводов Восточного Казахстана и Алтая носила конъюнктурный характер и выполняла определенный социально-национальный заказ, тем не менее она продемонстрировала необходимость дальнейших разработок в этой области с опорой на новый фактический материал, накопленный в 1940–1970-е гг.

После провозглашения независимости Республики Казахстан начался новый период в изучении археологами скифской эпохи горных районов Восточного Казахстана. Повышение интереса к этому периоду связано с попыткой руководства страны выработать при поддержке научных кругов и общественности единую национальную концепцию истории казахского народа. Для реализации этой задачи был осуществлен целый комплекс мероприятий при поддержке правительства Республики Казахстан. В частности, научным сотрудником Института археологии Академии наук Республики Казахстан З.С. Самашевым во 2-й половине 1990-х гг. был разработан проект «Скифосакская культура Казахстанского Алтая: проблемы генезиса и преемственности культур», который предполагает комплексное изучение культуры скотоводов этого региона с привлечением достижений как естественных, так и гуманитарных наук. Начиная с 1997 г. под руковод-

ством З.С. Самашева началось регулярное исследование курганов номадов скифской эпохи на могильнике Берель, Тар Асу-1, Майэмир и др. Для более успешного выполнения проекта был создан Общественный фонд поддержки историко-археологических памятников и культурного наследия «Берель». Предварительные результаты работы в этом направлении уже нашли свое отражение в серии печатных работ (Самашев З.С., Франкфорт А.-П., Ермолаева Г.С. и др., 1998; Самашев З.С., Жумабекова Г., Сунгатай С., 1999; Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С., 2000; Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В., 2000; Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А., 2001, Самашев З.С., Мыльников В.П., 2004; и др.).

Характеризуя историю изучения скифской эпохи Горного Алтая, нельзя не указать на работы некоторых исследователей, в частности А.Д. Грача (1967, 1968, 1980) и Л.Р. Кызласова (1979), по аналогичной проблематике, только в отношении древней Тувы. Это тем более важно, поскольку зачастую археологии рассматривают в сопоставительном анализе материалы из памятников этих двух регионов, учитывая особенности их культурно-исторического развития. Так, А.Д. Грач одним из первых после С.И. Руденко, М.П. Грязнова и С.В. Киселева приступил к палеосоциальному моделированию. Подробно рассмотрев критерии социальной дифференциации и материалы по скифской эпохе Алтая и Тувы, он выделил три слоя в структуре пазырыкского общества, каждому из которых соответствовали конкретные погребальные комплексы: 1) царские курганы; 2) погребения родовой дружинной аристократии; 3) погребения людей низших социальных групп, так называемых домашних рабов (Грач А.Д., 1980, с. 46–48). Несмотря на значительное сходство этой концепции с традиционной трехуровневой структурой социума «пазырыкцев», разработанной в 1930–1950-е гг., тем не менее в ней есть один существенный нюанс. Он заключается в том, что, согласно точке зрения А.Д. Грача, второй слой родовой дружинной аристократии не монолитен, а мог «подразделяться на группы в зависимости от имущественной и социальной дифференциации». Признание факта внутригруппового подразделения на более мелкие подгруппы является определенным шагом вперед в палеосоциальных реконструкциях и в попытке отойти от традиционной трехчастной социальной системы. Однако детального обоснования этого внутригруппового подразделения А.Д. Грач не провел.

Ученый поддерживал выводы С.И. Руденко, полученные на основе планиграфического анализа погребальных сооружений. Кроме того, исследователь выступил с обоснованием наличия домашних рабов в обществе кочевников, подкрепляя свои выводы находками безынвентарных погребений людей в курганах представителей саглынской культуры Тувы. Немного позднее аналогичные погребения будут обнаружены В.Д. Кубаревым (1987) в пазырыкских курганах Горного Алтая, что позволит археологу согласиться в этом вопросе с мнением А.Д. Грача.

Представляются также весьма примечательными попытки А.Д. Грача выйти в определенной степени за методологические рамки исторического материализма. В этой связи он обращается к теоретическим разработкам позитивизма, идеи которых нашли отражение в трудах представителей классической социологической школы, в частности у Л. Леви-Брюна и Г. Спенсера (Грач А.Д., 1980, с. 57). Несмотря на некоторую критику их концепций, тем не менее исследователь признает важность ряда выводов этих мыслителей по социальным проблемам древних обществ, в частности в вопросе о роли инициаций в архаичных коллективах.

Рассматривая в отдельном параграфе своей монографии верования и особенности погребального обряда номадов Тувы и отчасти Горного Алтая, археолог отмечал следующее: «Вся совокупность имеющихся данных свидетельствует о том, что погребения носителей культур скифского времени в Центральной Азии отражают комплекс представлений, получивший в этнографии наименование идеи «живого мертвеца». Эта идея связана с верованиями в посмертное существование умерших людей (Грач А.Д., 1980, с. 75). Тем самым исследователь попытался выявить социокультурные основы формирования религиозно-мифологических систем у древних обществ. Кроме того, он указал на сходство в отдельных элементах в религиях номадов Центральноазиатского региона. В частности, общераспространенными в кочевой среде были культ солнца, культ коня, культ Великой богини, комплекс анимистических представлений и т.д. Отдельная попытка была предпринята А.Д. Грачом по интерпретации семантики некоторых элементов погребального обряда (положение умершего человека в погребении), предметов быта и погребального ритуала (Грач А.Д., 1980, с. 62–76).

Заслуживают внимания и культурно-хронологические разработки А.Д. Грача, поскольку в Туве в скифскую эпоху протекали процессы аналогичного характера, что и на сопредельных с ней территориях, в том числе и в Горном Алтае. Проанализировав накопленный к концу 1970-х гг. материал, ученый выступил с обоснованием существования в рамках скифской эпохи Тувы двух археологических культур. Так, по результатам раскопок памятников раннескифского времени им выделялась алды-бельская культура (Грач А.Д., 1975, с. 249–258; 1980, с. 24). Особенности погребального обряда этой культуры являлись: 1) погребение умершего человека скорченно на левом боку (реже на правом) с ориентацией головой на север; 2) погребения, как правило, одиночные в каменных ящиках в курганах с каменной насыпью. Иногда погребальная конструкция сооружалась из дерева. Под насыпью каждого кургана находилось от 1 до 7 и более одиночных погребений, из которых основное располагалось преимущественно в центре памятника; 3) помещение вблизи уровня древней поверхности у края могильных ям центральных захоронений, наборов снаряжения лошади (Грач А.Д., 1980, с. 24–25).

Исследователь также дополнил число признаков из состава сопроводительного инвентаря, которые позволяют датировать памятники раннескифским временем. Первый опыт в этом направлении был осуществлен еще М.П. Грязновым (1947, с. 9–17) при выделении майэмирского этапа эпохи ранних кочевников. Полученные А.Д. Грачом результаты раскопок курганов в Туве позволили ему расширить список индикаторов памятников раннескифского периода. К их числу, кроме ранее выделенных, археолог относил наличие таких предметов, как: 1) бронзовые уздечные обоймы, пряжки со шпеньками, нащечные бляхи; 2) кинжалы с почковидными гардами; 3) оселки; 4) украшения из бирюзы и сердолика; 5) четырехгранные шилья с шляпковидными навершиями; 6) изображения свернувшихся хищников, копытных животных (Грач А.Д., 1980, с. 25–26).

Вторая культура, саглынская, была выделена А.Д. Грачом (1971; 1980, с. 30) непосредственно для скифского времени (V–III вв. до н.э.). Ее отличительными особенностями являлись: 1) коллективные погребения в срубках; 2) положение умерших на левом боку с подогнутыми ногами и с ориентацией головой на запад (северо-запад); 3) отсутствие сопроводительных захоронений лошадей. В рам-

ках саглынской культуры ученый обозначил два этапа, ранний (V–IV вв. до н.э.) и поздний озен-ала-белигский (IV–III вв. до н.э.), определенный в свое время С.И. Вайнштейном (1966, с. 173). Несмотря на явную преемственность между этапами, тем не менее исследователь обратил внимание и на имеющиеся отличия между ними. Так, на озен-ала-белигском этапе отмечены коллективные могилы, содержащие до 14–16 умерших, встречены двухслойные коллективные погребения и др. (Грач А.Д., 1980, с. 24, 32 и др.).

Археолог обратил внимание на то, что материальная культура «саглынцев» имеет много общего с культурой «пазырыкцев» Горного Алтая и племен Северо-Западной Монголии. Кроме того, отмечается взаимное проникновение их в соответствующие районы Тувы и Алтая. В конечном итоге А.Д. Грач делает вывод о том, что пазырыкская и саглынская культуры при всем их различии в определенной степени были родственны друг другу. Дальнейшие исследования должны способствовать разрешению вопроса о близости этих культур и о характере взаимоотношений ее носителей (Грач А.Д., 1980, с. 37).

В связи с рассмотрением истории изучения этнокультурной ситуации Тувы скифской эпохи необходимо коснуться и разработок в этой области Л.Р. Кызласова (1979). Принципиальное отличие его концепции от культурно-хронологической схемы А.Д. Грача заключается в следующем. Л.Р. Кызласов еще в 1958 г. попытался обосновать существование в Туве на всем протяжении скифской эпохи одной уюкской культуры, которая соответственно подразделялась на ранний (VII–VI вв. до н.э.) и поздний (V–III вв. до н.э.) периоды. В последующие годы ученый продолжал оставаться на своей прежней позиции, указывая на необоснованное выделение А.Д. Грачом алды-бельской и саглынской культур (Кызласов Л.Р., 1979, с. 33–34).

Надо отметить, что при создании обеих концепций исследователи опирались практически на один и тот же археологический материал. Возникшие же разногласия в его интерпретации связаны, во-первых, с проходившей в те годы дискуссией по проблеме определения понятия «археологическая культура», а во-вторых, с особенностями личных взаимоотношений между археологами.

Дальнейшие исследования в области установления хронологии и периодизации памятников Тувы, а также сопредельных территорий в том числе Горного Алтая, подтвердили достоверность культурно-

исторических разработок А.Д. Грача (Савинов Д.Г., 1994а–б, 2002; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; и др.). В то же время в современной центральноазиатской археологии есть и сторонники Л.Р. Кызласова.

Как уже было указано, в 80-е гг. XX вв. резко увеличились масштабы раскопок памятников скифской эпохи, что было связано с процессом строительства в Горном Алтае различных объектов народного хозяйства. В эти годы на Алтае работают археологические отряды из различных научных учреждений городов России. Накопление новых материалов по этому периоду позволило ученым приступить к осмыслению полученных данных и реконструкции культурно-исторической ситуации в регионе.

В 1986 г. Н.Ф. Степанова, опираясь отчасти на результаты своих раскопок и работы других исследователей, выделила особый «тип погребений в каменных ящиках» раннескифского времени (VIII–VI вв. до н.э.) и называла его «куюмским». При этом она указала на отсутствие сходства между объектами этого типа и пазырыкскими памятниками, что свидетельствовало о существовании двух культурных традиций (Степанова Н.Ф., 1986, с. 80–81). Выделение куюмского типа памятников являлось новым подходом в первоначальном культурно-хронологическом осмыслении полученных результатов. Однако дальнейшего полноценного развития эта идея не получила, что привело позднее к возникновению определенных искусственных схем.

Среди исследователей памятников скифской эпохи Алтая видное место занимает П.И. Шульга. Археолог неоднократно проводил раскопки поселений и курганных могильников указанного периода (Шульга П.И., 1995, 1996, 1998б и др.).

Значительное внимание в своих работах П.И. Шульга уделил изучению этнокультурной истории этого региона. В одной из статей начального периода своей научной деятельности он попытался вполне правомерно обосновать существование в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э. одной пазырыкской культуры, в рамках которой можно выделить несколько типов погребений (в срубках, каменных ящиках, в каменной обкладке могилы) (Шульга П.И., 1986, с. 21–23). Рассматривая вопрос о происхождении пазырыкской культуры, ученый поддержал точку зрения В.А. Могильникова (1986б, с. 44–45), согласно которой эта культура сформировалась на основе местного и пришлого населе-

ния раннескифского времени (Шульга П.И., 1998а, с. 703). Исследователь пришел к выводу, что можно выявить определенные элементы взаимосвязи раннескифской и пазырыкской культур: 1) преемственность погребального обряда «куюмцев» VII–VI вв. до н.э. и каракобинцев (Могильников В.А., 1986б); 2) сохранение некоторых особенностей раннескифской упряжи; 3) сохранение до V в. до н.э. раннескифского обычая не ставить в могилу керамической посуды; 4) появление во 2-й половине VII – начале VI вв. до н.э. захоронений в глубоких ямах с сопроводительным захоронением лошади (или их шкур) в одной могиле с человеком; 5) сохранение в течение всего пазырыкского периода поселенческой керамики кастахтинского типа раннескифского времени (Шульга П.И., 1998а, с. 708–709).

П.И. Шульга также обратил внимание на антропологические данные. По его мнению, близость антропологического типа «пазырыкцев» и кочевников Парфии, Северной Бактрии, Маргианы во многом связана с перемещением сакского населения на Алтай и в Восточный Казахстан в VII – начале VI вв. до н.э., а не приходом в 584–583 гг. до н.э., как считает Л.С. Марсадолов, нового населения из Передней Азии. Исследователь также высказался о неправомерности искать прародину «пазырыкцев» на территории Китая, поскольку, во-первых, китайские изделия встречаются только в достаточно поздних пазырыкских памятниках, а во-вторых, «большая часть «китайских» образов таковыми, по-видимому, не является» (Шульга П.И., 1998а, с. 709–710).

В одной из своих последующих работ по проблемам этнокультурной истории кочевников Алтая П.И. Шульга окончательно формулирует свой вывод о том, что пазырыкская культура (VI–III вв. до н.э.) сформировалась, с одной стороны, под влиянием внешнего импульса (Марсадолов Л.С., 1997а), а с другой – от «куюмцев», «семисартцев» и от раннескифского населения предгорий и примыкающих южных территорий. Из этого следует, что «смена раннескифской культуры пазырыкской не означала массовой смены населения Горного Алтая». В свою очередь сооружение к середине VI в. до н.э. «грандиозных курганов (Тузкта, Башадар) в Центральном Алтае означает, что уже к этому времени данная территория являлась священной для «пазырыкцев», их «геррами» (Шульга П.И., 1999а, с. 248).

Исследователь также предложил выделить, кроме каракобинского и пазырыкского типов памятников, еще и третий тип, не давая

ему определенного названия. Основными особенностями нового, третьего, типа являются: захоронения (часто парные) в срубах, деревянных рамах и сооружения из камня с деревянным перекрытием; умершие ориентированы на восток или юго-восток; расположение инвентаря во всех погребениях одинаково (Шульга П.И., 1999а, с. 247; 2002).

Надо отметить, что проблема выделения новых типов погребальных сооружений требует отдельного рассмотрения. В данном случае следует лишь отметить, что отнесение разных типов погребальных сооружений к одному типу погребения представляется не совсем правомерным. Это связано с тем, что в контексте разработанного отечественными археологами традиционного подхода к погребальному обряду пазырыкской культуры погребальные конструкции являются, если не единственным, то наиболее определяющим показателем при выделении конкретного типа захоронения (Дашковский П.К., 2001в). Особо стоит указать на погребения в рамах (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997; 1998а–б), которые в совокупности с рядом других черт погребального обряда (в том числе и не характерных для «классических» пазырыкских памятников, например, ориентация курганных цепочек (по линии ЮЮЗ–ССВ, ЮЗ–СВ, З–В), вытянутое положение умершего и др.) встречаются главным образом на памятниках, расположенных в районе нижнего и среднего течения Катуня и верхнего течения Ануя. Вероятнее всего, зафиксированные особенности погребального обряда являются следствием взаимодействия племен предгорной зоны с населением западных и северо-западных районов Алтая (Дашковский П.К., 2001в).

Кроме рассмотрения культурно-хронологических вопросов, П.И. Шульга уделил некоторое внимание и другим проблемам истории скотоводов Горного Алтая. Достаточно подробно им рассмотрено хозяйство древних племен этого региона в раннем железном веке (Шульга П.И., 1994). Определенный интерес представляет работа исследователя, посвященная выявлению связи планиграфии пазырыкских могильников с типологией поселений кочевников. Исследователь исходил из того, что если погребение – это имитация реального жилища, то курганная цепочка, являющаяся местом захоронения рода или большой патриархальной семьи, имитировала реальную планировку поселения. При этом П.И. Шульга, основываясь на результатах своих работ, указывал на то, что, скорее всего, это были поселения не

рода, а большой патриархальной семьи. Археолог также отметил, что на Алтае, как и у других кочевых народов, было два основных типа планировки своих стойбищ. Первый тип – курень, характеризуется расположением вокруг жилища вождя юрт нескольких сотен семей. Второй тип – аил – это стойбище большой патриархальной семьи. Различия между двумя типами селений можно проследить, по его мнению, и в планиграфии могильников пазырыкского времени. Так, отражением куренной планировки стойбищ является Башадарский могильник с жертвенными выкладками и курганами рядовых кочевников. Однако на Алтае в VI–II вв. до н.э. преобладала не куренная, а аильная планировка. При этом П.И. Шульга отмечал: если «в большой цепочке жилищ выделяются малые звенья близких родственников, то тогда можно предположить в большой цепочке курганной группы наличие «малых семейных цепочек». Это можно зафиксировать на материале скифского времени Алтая: в курганных цепочках из 10–20 объектов выделяются группы из двух–трех курганов, «ориентированной осью и близостью расположения отличающихся от других в цепочке» (Шульга П.И., 1989, с. 41–44). Эти разработки П.И. Шульги, как и С.И. Руденко, В.Д. Кубарева, Л.С. Марсадолова и других археологов, еще раз показали перспективность изучения планиграфии могильников с последующим выходом на палеосоциальные реконструкции.

В дальнейшем, рассматривая социально-политическое устройство кочевников Горного Алтая, исследователь отмечал, что пазырыкская культура являлась этнокультурным образованием, возглавлявшим племенной союз («крупное племенное объединение»), в который вошли группы населения северных и северо-западных предгорий, частью Восточного Казахстана до Тарбогатая на юге (Шульга П.И., 1999а, с. 248).

П.И. Шульга вслед за некоторыми другими исследователями также вполне правомерно указывал на существование в пазырыкском обществе определенной группы людей, выполняющих функции жрецов (Шульга П.И., 1997б, 1999б, 2000а).

В 1990–1995 гг. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под общим руководством академика В.И. Молодина в рамках международной программы «Пазырык» проводил широкомасштабные работы на высокогорном плато Укок (Юго-Восточный Алтай) (Derevyanko A.P., Molodin V.I., 1994). В изучении древних памятников

принимали участие ученые из Японии, Бельгии, Англии, США, Франции, Южной Кореи (Древние культуры..., 1994, с. 3–4). За короткий срок была составлена археологическая карта микрорайона, где выявлено более 100 разновременных и разнокультурных объектов (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1992), половина из которых исследована за шесть лет (Молодин В.И., 1993, 1995, 1997, 2000б; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2001). Приоритетным направлением было изучение пазырыкских памятников, среди которых В.И. Молодиным были раскопаны отдельные курганы на могильниках Бертек-1 (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994а, с. 60), Бертек-10 (Молодин В.И., Мыльников В.П., 1994а, с. 60), Бертек-12 (Молодин В.И. 1992; Молодин В.И., Мыльников В.А., 1994б, с. 76), Бертек-27 (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994б, с. 88), Мойнак-2 (Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К. и др., 1993, с. 21–27; Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В., 1995), Кальджин-6 (Молодин В.И., Новиков А.В., 1994, с. 33–35; 2000а), Верх-Кальджин-II (Молодин В.И., 1995, с. 87; 2000а). Исследование этих курганов позволило ученому выделить основные этапы при сооружении кургана скотоводами Горного Алтая (Молодин В.И., 1992), а также представить свою концепцию происхождения и развития пазырыкской культуры (Молодин В.И., 2001).

Отдельное исследование велось по изучению петроглифов плоскогорья Укок (Древние культуры..., 1994; Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999; и др.). Это нашло отражение в серии статей и нескольких монографиях, которые уже нами рассматривались. Здесь же следует еще указать на работу В.П. Мыльникова «Обработка дерева носителями пазырыкской культуры» (1999), в которой ученый выделил две фазы в развитии деревообрабатывающего производства «пазырыкцев»: 1) VI – конец IV вв. до н.э. – расцвет культуры обработки дерева; 2) конец IV – конец III, начало II вв. до н.э. – «влияние инокультурных традиций, нарушение традиционной тщательности обработки, уменьшение пышности погребального обряда и взаимосвязанное с этим упрощение сложности внутримогильных погребальных деревянных конструкций». Проведя сравнительный анализ технологических традиций обработки дерева номадами Алтая, Казахстана, Тувы и Монголии, он высказался за возможность выделения локальных вариантов такого вида производства. Кроме того, зафиксированные типы внутримогильных погребальных сооружений, по мнению

В.П. Мыльников, позволяют обозначить особенности погребальных деревянных конструкций для различных социальных групп населения. Так, исследователь отмечал, что для элиты сооружались двухкамерные бревенчатые срубы с двойным бревенчатым потолком и дощатым полом, в которые помещались деревянные колоды с умершими. Представители средней знати хоронились в колодах или на ложе-кровати в однокамерных срубках без пола, в то время погребение рядовых кочевников характеризовалось труположением на деревянном настиле или войлочной подстилке в малых срубках. Детей же погребали в маленьких срубках или колодах (Мыльников В.П., 1999, с. 43–44).

Полученные группой археологов во главе с В.И. Молодиным результаты работ на плато Укок были использованы позднее исследователями при различного рода культурно-исторических интерпретациях и реконструкциях.

Во 2-й половине 1980-х – 1-й половине 1990-х гг. изучение памятников скифской эпохи Горного Алтая проводил научный сотрудник Республиканского музея им. А.В. Анохина В.А. Кочеев. Под его руководством или при его участии раскапывались могильники Айрыдаш-III–IV (Кочеев В.А., 1990а; 1992; 1996; 2000), Усть-Кожолу-I, II, IV (Кочеев В.А., 1991 и др.), Ябоган-II (Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994), Бураты-I, III (Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983) и др. Наибольший интерес у археолога вызывает изучение вооружения и военного дела населения Горного Алтая скифской эпохи. Предварительные результаты изучения этой темы отражены в серии публикаций (Кочеев В.А., 1987, 1988, 1989, 1997а–б, 1998а–б, 1999 и др.). Исследователь также в определенной степени коснулся вопросов социального устройства «пазырыкцев». Так, сначала в тезисной (Кочеев В.А., 1989), а затем в расширенной форме (Кочеев В.А., 1990б) он попытался, в противоположность мнению Г.Н. Курочкина (1989) и Н.Ю. Кузьмина (1989), обосновать достаточно значительную степень милитаризации пазырыкского общества. Используя материалы из 90 курганов (28 могильников) исследователь разделил погребения с оружием на три группы: 1) погребения, где обнаружены три вида оружия (акинак и кинжал, чекан, лук и стрелы, иногда щиты); 2) погребения с двумя видами оружия (кинжал и чекан, кинжал и стрелы, чекан и стрелы); 3) погребения, в которых зафиксирован один вид оружия (только кинжал, чекан или стрелы) (Кочеев В.А., 1989). Захоронения первой груп-

пы В.А. Кочеев (1990б, с. 108–109) связывал с вождями племен, погребения второй группы – с вождями родов, погребения третьей группы – с рядовыми кочевниками. В результате проведенного анализа был сделан вывод, что в пазырыкском обществе формируется особая воинская прослойка, вероятно дружина, которая «выдвигала военных представителей из числа выдающихся воинов и являлась опорой аристократии» (Кочеев В.А., 1989, с. 71).

Выделив три ранга воинов, В.А. Кочеев попытался вписать их в социальную концепцию «пазырыкцев», разработанную А.С. Суразаковым (1983б). Однако сделать это оказалось достаточно сложно, на что обратил внимание и сам исследователь. В этой связи он отметил, что более богатые погребения воинов отличаются от рядовых захоронений мужчин (первая социальная группа по А.С. Суразакову), но в то же время не все их можно соотнести с погребениями глав семейно-родственных групп и родов (вторая социальная группа по А.С. Суразакову) (Кочеев В.А., 1990б, с. 108). Данная трудность возникла из-за того, что В.А. Кочеев попытался механически совместить в рамках одной социальной концепции разные типы стратификационных систем. Так, принципы этакратической и профессиональной дифференциации накладывались на имущественную и социальную структуру пазырыкского общества. В то же время важно отметить, что В.А. Кочеев одним из первых попытался проследить динамику развития новой стратификационной системы (профессиональной – воины) в пазырыкском социуме. Это являлось существенным шагом в изучении общества кочевников, которое рассматривалось преимущественно через призму физико-генетической, социальной и имущественной дифференциации. В последующем В.А. Кочеев еще раз подтвердил свои ранее сделанные выводы. В 1997 г. в материалах конференции «Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири» он обозначил традиционную характеристику социально-политической организации «пазырыкцев» – военная демократия, основу которой составляли многочисленные представители среднего слоя, преимущественно воины (Кочеев В.А., 1997б, с. 113). Кроме этого, исследователь отметил функционирование других социальных структур без демонстрации их на конкретном материале.

Вопрос о милитаризации пазырыкского социума был также затронут В.С. Мироновым (1997а–б). Проанализировав материалы из

курганов со средней Катуня, он пришел к выводу, что на начальном этапе пазырыкской культуры доля воинских захоронений значительно больше, чем на ее завершающем этапе (III–II вв. до н.э.) (Миронов В.С., 1997а, с. 107). По мнению археолога, это может свидетельствовать об увеличении профессионализма воинской верхушки и о переходе «от родоплеменного ополчения к войску дружинного типа» (Миронов В.С., 1997б, с. 18). В.С. Миронов в течение нескольких лет принимал участие под руководством Ю.С. Худякова в раскопках памятников пазырыкского времени на Средней Катуня (Кок-Эдиган, Чолтух, Тянгыс-Тыт и др.) (Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997; 1998 и др.). Полученные результаты были частично им использованы в кандидатской диссертации по теме «Культура населения средней Катуня в скифское время» (Миронов В.С., 2000).

Вопросы социальной истории «пазырыкцев» в 1990-е гг. затрагивались и другими исследователями. Так, Д.Е. Ануфриев (1997, с. 110–112) предложил свое понимание структуры пазырыкского социума, в основу которой автором была положена «модель трехчленного деления общества». В результате рассмотрения элементов погребального обряда он выдел несколько слоев: 1) зависимые люди (рабы); 2) рядовое свободное население; 3) жречество; 4) главы родов и семей; 5) представители аристократии, вожди племен и племенных союзов, которые, вероятно, были выходцами из родственных групп. Кроме того, проведя планиграфическое и сравнительное сопоставление могильников, исследователь пришел к выводу о господстве у кочевников Алтая нуклеарной или ограниченно расширенной формы семьи во главе с мужчиной. Изучив географическое расположение памятников, Д.Е. Ануфриев высказал предположение о существовании пяти племенных центров в пазырыкское время: 1) в бассейне Урсула и среднем течении Катуня с центральными группами Шибе, Туекта и Башадар; 2) Чуйская группа по рекам Чуя, Чулышман и Пазырык; 3) Бухтарминская группа вокруг кургана Берель; 4) группа памятников в бассейне Аргута и Коксу; 5) на плато Укок и по притокам Чуи, возможно, с прилегающей территорией Северной Монголии (Ануфриев Д.Е., 1997, с. 110). Эту точку зрения поддержал С.А. Васютин (1999, с. 35), указав при этом на большую долю вероятности существования единого пазырыкского объединения и наличия глав пазырыкских племен, в роли которых могли выступать люди, погреб-

бенные в курганах Пазырыка. Социальные разработки Д.Е. Ануфриева как бы суммировали результаты палеосоциальных реконструкций до начала 1990-х гг. К сожалению, они были представлены без наполнения конкретным фактическим материалом и без ссылок на идеи или выводы, сформулированные другими исследователями, хотя их влияние и использование хорошо прослеживаются в работе автора.

Определенные итоги и в то же время основные направления дальнейших палеосоциологических реконструкций были представлены С.А. Васютиным (1998) сначала в кандидатской диссертации «Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии», а затем в ряде статей (Васютин С.А., 1999, 2003 и др.). Исследователь осветил основные аспекты изучения социальной истории населения Горного Алтая в раннескифское и пазырыкское время, суммировал главные выводы предшественников в отношении социальной структуры номадов, кочевой семьи, роли женщины и «зависимых людей» в пазырыкском обществе. Вслед за другими учеными он попытался продемонстрировать взаимосвязь между социальной дифференциацией и планиграфией могильников, причем как для пазырыкского, так и для раннескифского времени. Кроме этого, С.А. Васютин предпринял попытку свести многочисленные признаки социальной дифференциации, выделенные разными специалистами, в пять основных групп: 1) параметры и сложность погребальных конструкций, объем трудовых затрат на их сооружение; 2) отсутствие или наличие сопроводительных захоронений лошадей и их количество; 3) количество, качество и категориальный состав инвентаря; 4) бальзамирование и его способы; 5) антропологические отличия. При этом он отметил дифференцированность этих основных групп на подгруппы, а также обратил внимание на то, что указанные многочисленные признаки могут срабатывать как в сочетании друг с другом, так и по отдельности (Васютин С.А., 1999, с. 31–34).

В 80–90 гг. XX в. на территории Горного Алтая активное изучение памятников скифской эпохи проводились экспедициями Алтайского госуниверситета. В результате были исследованы могильники Тыткескень-I, VI, Тогусхан I, IV, Бийке и мн. др. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003). Это дало возможность существенным образом продвинуться в решении многих проблем (Тишкин А.А., 1994а).

Учитывая развитие элементов конского снаряжения, удалось выделить в рамках раннескифского времени три хронологических периода развития своеобразной культуры: 1) ранний (конец IX – середина VIII вв. до н.э.); 2) средний (середина VIII – начало или середина VII вв. до н.э.); 3) поздний (середина VII – вторая или третья четверть VI вв. до н.э.) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 112). Наибольшее сходство изученного материала наблюдалось с данными из соседних регионов, особенно из Тувы (алды-бельская культура). Истоки формирования зафиксированных традиций, вероятно, следует искать там, а также в Северо-Западной Монголии и в ближайших к Алтаю районах Китая и Казахстана. Кроме этого, подтвердилось ранее отмеченное отличие между памятниками раннескифской эпохи и пазырыкской культуры (Марсадолов Л.С., 1985; Степанова Н.Ф., 1986). Такой генетический перелом произошел не позднее второй – третьей четверти VI в. до н.э. Тем самым был поставлен вопрос о существовании в Горном Алтае особой культуры раннескифского времени. В марте 1999 г. на Международной научной конференции «Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий» Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин выступили с инициативой выделить на Алтае бийкенскую культуру (конец IX–VI вв. до н.э.), а понятие «майэмирская культура» в ходе коллективных обсуждений согласились закрепить за памятниками западных и северо-западных предгорий. Данные предложения встретили как поддержку, так и критику со стороны коллег. Однако постепенно исследователи стали склоняться к указанной точке зрения (Марсадолов Л.С., 2000а, 2001; Шульга П.И., 2000б; Дашковский П.К., 2001в, 2002; и др.).

Историю изучения скифской эпохи Горного Алтая (конец IX–II вв. до н.э.) сейчас можно разделить на три этапа: 1) дореволюционный (XVII – начало XX вв.); 2) советский (20-е – 80-е гг. XX в.); 3) современный (с середины 1980-х гг. до нынешних дней). Каждый этап озаглавлен конкретными историческими событиями, происходившими в стране, а также определенной степенью изученности археологического материала. Накопленная источниковая база по пазырыкской культуре позволяет в настоящее время ограничиться раскопками лишь в слабоизученных районах Алтая и в предгорьях. Кроме того, следует активнее привлекать материалы с поселений раннего железного века, для чего целесообразно разработать специальную исследовательскую программу (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1999).

Рассматривая основные аспекты истории изучения скифской эпохи Горного Алтая, важно обратить внимание на то, что в начале 1990-х гг. наблюдалось повышение интереса к раннему железному веку Китая (Ковалев А.А., 1992; Миняев С.С., 1991; и др.), а также к связям Китая и Алтая в скифское время (Переводчикова Е.В., 1994; Полосьмак Н.В., 1994б; Ковалев А.А., 1999; Варенов А.В., 1999; Bunker E., 1991; Haskins G.F., 1988; и мн. др.). В какой-то мере эта проблема уже освещалась нами в предыдущем разделе, однако часть сюжетов еще не представлена. Так, А.А. Ковалев высказал мнение, что в позднескифское время сложилось определенное религиозно-политическое единство Ордоса и Саяно-Алтая. Это нашло отражение, с одной стороны, в передвижении групп населения из Ордоса на Саяно-Алтай и Западную Сибирь, а с другой – в формировании на базе саяно-алтайских традиций особой субкультуры высшего слоя ордосского общества. Он также сделал предположение, что, возможно, существовало единство между социальной верхушкой ордосских и алтайских племен, но существенных доказательств в пользу этой точки зрения не привел. Кроме того, исследователь высказался против отождествления «пазырыкцев» с юечжами, поскольку последние, по его мнению, впервые достоверно локализируются китайскими источниками во II в. до н.э. в Ганьсуйском коридоре «между Дуньхуаном и горами Цилянью» (Ковалев А.А., 1999). Следует напомнить, что такое сопоставление в свое время предложил С.И. Руденко (1960), которого поддержали позднее Д.Г. Савинов (1984), Б.И. Кузнецов (1997), В.И. Сарияниди (1989), Ю.В. Тетерин (1994) и некоторые другие. Весомые аргументы в пользу правомерности отождествления кочевников Алтая, Тувы и Северо-Западной Монголии с юечжами были приведены в одной из статей С.Г. Кляшторного и Д.Г. Савинова (1998), а также в монографии Ю.А. Зуева (2002).

Имеются достаточно радикальные мнения в отношении прародины «пазырыкцев». Так, например, С.А. Яценко (1996, с. 157), обращаясь к анализу некоторых обрядов пазырыкского искусства, высказал предположение об «исходном районе обитания предков пазырыкцев» в Северо-Западном Китае. Однако несостоятельность подобной позиции была достаточно хорошо аргументирована П.И. Шульгой (1998а, с. 709–710). В настоящее время наиболее вероятной является точка зрения Л.С. Марсадолова (1999, 2000а и др.) на генезис пазырыкской культуры.

В 1980–1990-е гг. ученые вновь, как и в предшествующий период, обращают серьезное внимание на антропологические материалы, полученные в результате раскопок курганов пазырыкской культуры (Алексеев В.П., 1975, 1986; Чикишева Т.А., 1994, 1996–2002; Тур С.С., 1997, 1999, 2003а–б). Первоначально исследователи восприняли идеи, высказанные в 1940–1950-е гг. (Дебец Г.В., 1948; Алексеев В.П., 1958 и др.), о расовой неоднородности носителей пазырыкской культуры, которая заключалась в наличии представителей европеоидного, монголоидного и метисных типов. В последующие годы по мере накопления антропологического материала исследования в этой области продолжались. В результате проведенной работы было установлено, что основной европеоидный компонент «пазырыкцев» имеет те же генетические корни, что и население кочевых и полукочевых племен скотоводов, обитавших на территории Парфии, Маргианы, Северной Бактрии. По мнению Т.А. Чикишевой (1996, с. 251–252), преобладание переднеазиатских влияний в пазырыкское время объясняется не только контактами, но и вкладом групп населения, переселившихся с запада на Алтай еще в эпоху бронзы. Именно в пазырыкском социуме сохранился в наименее модифицированном виде антропологический тип, характерный для древних скотоводов Передней и Средней Азии. Обнаружение в антропологическом составе пазырыкских племен автохтонного монголоидного расового компонента, генетически связанного с мощным пластом носителей культур окуневского круга, позволяет поставить под сомнение определяющую роль расового компонента байкальского типа в расогенезе «пазырыкцев». В одной из своих работ Т.А. Чикишева (1997, с. 319) отметила, что «пазырыкцы» и популяции Улангома близки части сакских племен, которые сформировались при участии окуневско-карасукского компонента. Эти антропологические данные дают дополнительные факты, подтверждающие предположение ученых о культурно-исторической общности племен Горного Алтая, Восточного Туркестана, Северо-Западной Монголии, Восточного Казахстана.

С.С. Тур, проведя антропологический анализ черепов умерших с могильников среднего и нижнего течения Катуня, отметила наличие в них уралоидного компонента автохтонного происхождения. Это свидетельствует о том, что сходство черепов «пазырыкцев» этой части Горного Алтая и современных тюрко-самодийских групп Западной

Сибири и кетов базируется на общей генетической основе, истоки которой уходят в неолит-энеолит (Тур С.С., 1999, с. 205). Результаты исследования С.С. Тур (2003а) дают дополнительные основания для обоснования положения об этногенетической неоднородности представителей пазырыкской культуры. Очевидно, что дальнейшие исследования в этом направлении, с привлечением других материалов, будут способствовать выявлению истоков пазырыкской культуры и определению ее локальных вариантов (Дашковский П.К., 2001в).

Следует отметить, что анализ культурно-хронологической ситуации в скифское время в Горном Алтае построен главным образом на материале погребений, но постепенно начинают привлекать результаты раскопок синхронных поселений. Это привело к возникновению целого комплекса проблем, связанных с изучением самих этих поселений, в том числе установление их датировки и культурной принадлежности (Шульга П.И., 1995; Абдулганеев М.Т., 1998; Дашковский П.К., 1998; и др.). П.И. Шульга в свое время предложил условно разделить поселения на две группы: «скотоводческая» и «земледельческая». Первая, наиболее многочисленная, связана, по мнению ученого, с собственно пазырыкцами и кара-кобинцами, а вторая, к которой относится всего несколько памятников, – с автохтонным населением, проживавшим еще до прихода пазырыкских племен и позже (Шульга П.И., 1990, 1996). Подобный подход к проблеме вызвал у некоторых исследователей ряд возражений (Абдулганеев М.Т., 1998, с. 168; Дашковский П.К., 1998, с. 184), в том числе и по вопросу о необходимости передатировать земледельческую группу памятников. По мнению М.Т. Абдулганеева (1998, с. 168), эту совокупность поселений следует относить не к скифскому времени, а к гунно-сарматскому и связывать с материалами булан-кобинской культуры.

Рассматривая проблемы этнокультурного развития кочевников Горного Алтая в раннем железном веке, необходимо отметить сложение двух противоположенных тенденций в современной скифологии в связи с изучением скифской архаики в целом. С одной стороны, ряд исследователей пытаются «удревнить» памятники скифской эпохи, используя для этого во многих случаях, кроме традиционных археологических источников, данные дендрохронологического и радиоуглеродного анализа (Марсадилов Л.С., 1996а, с. 48; Марсадилов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М., 1994; Марсадилов Л.С., Зайцева Г.И.

и др., 1996; Имагилов Р.Б., 1989, 1993; и др.). С другой стороны, вторая группа ученых, опираясь на анализ предметов вещевого комплекса и письменные источники, настаивает на необходимости «омоложения» скифских памятников Евразии, в том числе и пазырыкских курганов (Погребова М.Н., 1993; Раевский Д.С., 1993; Тохтасьев С.Р., 1993; Чугунов К.С., 1993; Раев Б.А., 1984; Членова Н.Л., 1997; и др.).

Дискуссия по вопросам датировки скифских памятников евразийских степей нашла отражение во многих научных публикациях. Одной из работ, посвященной этой проблеме, является монография Н.Л. Членовой «Скифы и Центральная Азия. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира». В ней автор подробно рассматривает датировку «опорных» скифских курганов, прежде всего Аржана, на основе традиционного анализа археологических источников. В результате Наталья Львовна, как и в предыдущих своих публикациях, настаивает на необходимости пересмотреть датировку кургана Аржан в сторону его «омоложения» до VII–VI вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1997, с. 26 и др.), что в свою очередь ведет к пересмотру дат «опорных» памятников скифского времени Горного Алтая и других регионов. Следует отметить, что такой традиционный подход автора к решению проблемы хронологии через установление аналогий отдельным предметам вещевого комплекса, при полном игнорировании методов датировки естественных наук не позволяет в полной мере решать проблемы культурно-хронологического характера на современном этапе развития науки (Дашковский П.К., 2001в).

Отдельные аспекты изучения скифской эпохи Горного Алтая были затронуты Н.А. Боковенко. В 1986 г. на конференции «Скифская эпоха Алтая» он предложил в рамках раннескифского времени (IX–VI вв. до н.э.) выделить пять вариантов погребального обряда всадников, имеющих определенные территориально-хронологические границы. Отдельные погребения из Горного Алтая исследователь отнес к первому варианту, особенностями которого являются захоронение воина и снаряженного коня на уровне древнего горизонта в отдельных срубках (клетях) или очень не глубоких ямах. Ученый также выделил некоторые причины, обусловившие в самом начале I тыс. до н.э. переход к комплексной системе скотоводства, отметив, что основные предпосылки и условия формирования культур ранних кочевников сложились во II тыс. до н.э. в среде степных культур эпохи бронзы (Бок-

венко Н.А., 1986а, с. 46–47). В этом же году Н.А. Боковенко в своей кандидатской диссертации «Начальный этап ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения)» обозначил начало формирования «скифской формы узды» IX–VIII вв. до н.э. и на большой источниковедческой базе создал типологию всех элементов конского снаряжения, а также, используя различные методы анализа, уточнил датировки, характеристики отдельных опорных комплексов и осветил специфику начального этапа культуры ранних кочевников (Боковенко Н.А., 1986б). В 1994 г. исследователь в одной из своих работ отметил, что происхождение «царских» всаднических захоронений Аржана можно связать с реформацией погребального обряда наиболее элитных представителей андроновской общности – «колесничих» – вождей. Начальный период эпохи ранних кочевников Центральной Азии состоит, по мнению ученого, из двух этапов: 1) «скрытый» этап (конец X–IX вв. до н.э.), характеризующийся освоением коня «под верх», появление погребений на уровне древнего горизонта с конями и формирование снаряжения всадника и коня; 2) аржанский этап (VIII – самое начало VII вв. до н.э.), отличительными чертами которого является формирование элитарных традиций во всех компонентах культуры и окончательное сложение раннескифского комплекса (Боковенко Н.А., 1994, с. 43–44).

Другая проблема, рассмотренная Н.А. Боковенко (1996), связана с выявлением компонентов религии кочевников Центральной Азии, в том числе и «пазырыкцев». Надо отметить, что к этой теме уже неоднократно обращались многие исследователи, для которых наиболее дискуссионным оказался вопрос о наличии черт шаманизма в религиозно-мифологической системе скотоводов Горного Алтая. Так, еще Ф. Нансар (1952, р. 182) указывал на отдельные элементы шаманизма в религии кочевников Алтая, с чем был категорически не согласен С.И. Руденко (1960, с. 322–323). Впоследствии точку Ф. Нансар поддержали С.С. Сорокин (1978), Ф.Б. Балонов (1987), Г.Н. Курочкин (1988; 1992–1994) и некоторые другие. В 1992 г. Н.Ю. Кузьмин привел доказательства тому, что шаманизм в Саяно-Алтае зародился на рубеже III–II тыс. до н.э. на основе индоевропейской ритуально-мифологической системы в процессе оседания, контактов, и вероятно, смешения пришлого населения с местными этническими группами. В генезисе шаманизма он выделяет ряд этапов, в том числе скифский.

Наиболее полно, по мнению ученого, симбиоз индоевропейских и шаманских представлений отражен в пазырыкском погребальном обряде (Кузьмин Н.Ю., 1992, с. 128–130). В процессе сравнительно-типологического изучения шаманских представлений народов Сибири, на основе анализа объектов погребально-ритуального значения, Н.Ю. Кузьмин использовал возможности структурно-семиотического метода для раскрытия семантики изображений и сооружений. Эта работа продемонстрировала возможности структуралистского подхода к реконструкции духовной культуры архаических народов.

Другой исследователь, Г.Н. Курочкин, обращаясь к обозначенной проблеме, выдвинул идею о корнях шаманизма и отнес к скифской эпохе ряд элементов ритуальности сибирских народов. Могильник Пазырык он предлагал рассматривать как «корпоративное кладбище жрецов, поскольку на Алтае был размещен сакральный центр скифского мира» (Курочкин Г.Н., 1993, 1994). К этой точке зрения присоединился Д.А. Мачинский (1997, с. 280), полагавший, что в Горный Алтай сакральный центр переместился из Хакасско-Минусинской котловины в VI в. до н.э.

Дискуссия по проблеме выявления элементов религиозной системы кочевников Горного Алтая была продолжена на Международной научной конференции «Жречество и шаманизм в скифскую эпоху», которая проводилась в 1996 г. в Санкт-Петербурге. Доклады участников этого форума отражали различные аспекты изучения религии древних кочевников евразийских степей. Ряд работ был посвящен религиозно-мифологическим представлениям «пазырыкцев». Так, Д.В. Черемисин и А.В. Запорожченко (1996, с. 30–32) в своей статье «Пазырыкский шаманизм: артефакты и интерпретации» выступили с опровержением ряда статей и аргументов Г.Н. Курочкина, С.С. Сорокина, Ф.Б. Балонова и др., которые настаивали на «шаманской окраске» пазырыкской религии. По мнению исследователей, следствием такого подхода является произвольное прочтение изобразительных сюжетов. Они указали на то, что более продуктивным будет не поиск соответствий между археологическим материалом сибирского шаманизма, а анализ мифо-ритуального комплекса ранних кочевников Евразии в контексте индоиранской мифологической традиции. Д.В. Черемисин и А.В. Запорожченко также отметили, что зафиксированный для скифов и других ираноязычных народов набор элементов, близ-

ких к шаманизму, вероятно, восходит к мифо-ритуальной практике индоиранцев. Такие черты многие исследователи определяют как элементы «шаманского» ритуального комплекса.

В материалах указанной конференции Н.А. Боковенко (1996) опубликовал работу «Проблема реконструкции религиозных систем кочевников Азии в скифскую эпоху». Он охарактеризовал систему религиозных представлений кочевников этого периода как синтез шаманизма, северного варианта буддизма и восточного варианта зороастризма. Саму систему он условно предложил назвать саяно-алтайской (Боковенко Н.А., 1996, с. 41). Ученый указал на то, что в пазырыкской религии отчетливо видны черты шаманизма, о чем уже неоднократно писали и другие исследователи, а также элементы буддизма, подтверждением чего, по его мнению, является мелкая пластика, пронизанная идеями борьбы и круговорота (Янь-Инь). В то же время появилась необходимость внести уточнения в некоторые его выводы, в частности, в положение о наличии элементов буддизма в религии «пазырыкцев», во всяком случае в классическом его варианте (Шульга П.И., 1999, с. 85; Дашковский П.К., 1998, с. 69; 2001). Исторические данные свидетельствуют о проникновении двух основных вариантов буддизма (Хинаяна и Махаяна) в Центральную Азию в I в. до н.э. (Воробьева-Десятовская М.И., 1984, с. 86; Литвинский Б.А., 1968, 1981; и мн. др.). Однако надо обратить внимание на то, что начало формирования этой религии относится некоторыми исследователями к середине II тыс. до н.э. (Торчинов Е.А., 1998, с. 20). По мнению Ф.И. Щербатского (1988, с. 68), процесс становления буддизма осуществлялся на основе переработки семи различных религиозно-философских систем Древней Индии, что привело к значительному его разнообразию особенно на первоначальном этапе развития. При этом важно отметить, что во многом буддизм последовательно проводил принципы более ранней религиозно-философской традиции, отраженной в древних священных текстах: в Упанишадах (VIII в. до н.э.), Ригведе (2-я половина II тыс. до н.э.) и др. (Радхакришкан С., 1993, с. 400; Елизаренкова Т.Я., 1989, с. 436–437; Степанянц М.Т., 1997, с. 115–120, 151–173; и др.).

Не исключено, что в процессе культурных и военных контактов с народами разных регионов Азии «пазырыкцы» имели возможность в какой-то степени познакомиться с отдельными проявлениями буд-

дизма. Но это знакомство, судя по имеющимся на сегодняшний день данным, не привело к проникновению в пазырыкскую религию концептуальных догматов буддизма. В этой связи, вероятно, более правомерно говорить о наличии в буддизме и в пазырыкской религии определенных мировоззренческих идей (Дашковский П.К., 2001б), в частности идеи единства и борьбы противоположностей, круговорота (Боковенко Н.А., 1996, с. 41), имеющих более ранние общеиндоевропейские истоки (Дашковский П.К., 2001б, 2002).

В целом можно согласиться с мнением Н.А. Боковенко и ряда других исследователей, указывающих на синкретический характер религии кочевников Алтая (Дашковский П.К., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003). Важными ее компонентами являлся комплекс индоиранских мифологических представлений и элементы шаманизма. При этом необходимо заметить, что вопрос о наличии черт шаманизма в пазырыкской религии следует рассматривать исходя из содержания самого этого явления (Дашковский П.К., 2001б). Несмотря на то, что в современной науке есть разные подходы к данному феномену, тем не менее большинство ученых указывают на то, что эту форму религии или ее элементы можно обнаружить у большинства народов в разные исторические периоды. В настоящее время в отечественном религиоведении шаманизм принято рассматривать как особую стадию в развитии религиозных верований, в виде ранней формы политеизма, включающей определенную совокупность мировоззренческих идей и культовых действий (Басилов В.Н., 1992). Исходя из такого подхода, на наш взгляд, и следует выявлять его элементы в религии номадов Горного Алтая скифского времени.

Касаясь истории изучения пазырыкской религиозной системы, необходимо указать на публикацию в 1998 г. книги Б.И. Кузнецова «Древний Иран и Тибет. История религии Бон», написанной еще в 1-й половине 1980-х гг. Автор, основываясь исключительно на материалах раскопок С.И. Руденко, вслед за другими учеными, связывает «пазырыкцев» с восточно-иранскими племенами юежжи. Он отметил, что их верования и обряды свидетельствуют о доминировании в религиозной традиции скотоводов маздаизма, отразившего сложное переплетение различных культов и представлений, распространенных в Иране в период правления Ахеменидов. Именно ахеменидским влиянием объясняется, по мнению религиоведа, распространение мазда-

изма у кочевых племен Средней и Центральной Азии (Кузнецов Б.И., 1998, с. 263–282). Выводы исследователя о наличии в пазырыкской религии значительного индоиранского пласта вполне убедительны.

Важное место в религии кочевников Горного Алтая скифской эпохи занимали различные поминальные и ритуальные сооружения, к изучению которых в разное время обращались С.И. Руденко (1953, 1960), С.С. Сорокин (1981), В.Д. Кубарев (1979, 1987 и др.), Д.Г. Савинов (1994, 1997), Ю.С. Худяков (1996), А.А. Тишкин (1994б, 2000 и др.), К.Л. Банников (1996), Л.С. Марсадолов (2000) и др. Несмотря на определенные расхождения в трактовке отдельных видов таких памятников (например, балбалов), все же у исследователей не вызывает сомнения их значительная роль в погребально-поминальной обрядности (Дашковский П.К., 2001в).

С религиозно-мифологическими представлениями, как уже отмечалось, тесно связано искусство кочевников Горного Алтая. После С.И. Руденко и М.П. Грязнова отдельных всесторонних исследований в этом направлении долго не предпринималось. В то же время многие отечественные и зарубежные исследователи в большей или меньшей степени обращались к различным аспектам этой проблемы (Шер Я.А., 1980, 1998; Членова Н.Л., 1986; Королькова Е.Ф., 1996; Переводчикова Е.В., 1994; Полосьмак Н.В., 1994а; Баркова Л.Л., 1983, 1984, 1987, 1990, 1995; Azarpay G., 1959, 1994; и др.). Вопрос, связанный с истоками пазырыкского искусства, в целом рассматривается в русле идей, высказанных С.И. Руденко и М.П. Грязновым. Однако следует отметить появление работ, в которых археологи обращают особое внимание не только на переднеазиатские, но и на древнекитайские мотивы (Полосьмак Н.В., 1994б; Яценко Н.В., 1996; и др.). В последние годы идет достаточно активный процесс изучения петроглифов Алтая и сопредельных территорий (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; Древние культуры..., 1994; Черемисин Д.В., 1998; Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999; Кубарев В.Д., Якобсон Э., Мусамото Т., 1993; и мн. др.). Накопленный огромный фактический материал позволяет надеяться на создание в ближайшие годы обобщающих работ по наскальному искусству кочевников IX–II вв. до н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение истории изучения основных аспектов скифской эпохи Алтая показало, что изменение научных представлений о культуре скотоводов этого региона происходило под влиянием двух основных факторов. Во-первых, исследование указанной проблематики было объективно обусловлено процессом накопления фактического материала, первичной его обработкой и систематизацией. Во-вторых, интерпретация полученных результатов и конкретные исторические реконструкции хозяйства, быта, религии, мировоззрения и социальной структуры кочевников оказались сопряжены с особенностями развития самой археологической науки в разные периоды истории нашей страны.

Первоначально, до середины 20-х гг. XX в., изучением скифской эпохи Алтая занимались преимущественно путешественники, краеведы, участники естественно-научных экспедиций. В то же время уже во 2-й половине XIX в. были заложены В.В. Радловым основы комплексного подхода в исследовании древних обществ, базировавшегося на привлечении различных источников и данных как гуманитарных, так и естественных наук. Именно этот подход получил широкое распространение в научной деятельности ученых следующего поколения (С.И. Руденко, М.П. Грязнов, С.В. Киселев и др.) уже в советское время.

20-80-е гг. XX в. отмечены процессом накопления фактического материала, что было связано с возможностью проведения широкомасштабных археологических работ в стране. Полученные результаты раскопок курганов конца IX–II вв. до н.э. позволили исследователям изучать вопросы этнокультурного характера, реконструировать социально-экономические отношения, религиозно-мифологическую систему, быт, занятия и многое другое. Итоги своих полевых и научных изысканий в этой области ученые стали постоянно обсуждать на различного уровня конференциях, симпозиумах и семинарах, а также регулярно публиковать не только в форме статей, но и в виде специальных монографий (Кубарев В.Д., 1979, 1987; Суразаков А.С., 1988; и др.)

С конца 80-х гг. – начала 90-х гг. XX в. в отечественной и зарубежной науке обозначилось несколько основных направлений в изучении скифской эпохи Горного Алтая. Первое направление свя-

зано с исследованием вопросов хронологического и этнокультурного характера. Большинство современных археологов указывают на возможность выделения отдельных культур на территории Горного Алтая раннескифского и пазырыкского времени, а также их локальных вариантов. Они довольно существенно отличались друг от друга по материальному и духовному развитию (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, 1999; Марсадоллов Л.С., 2000а; и др.). Второе направление исследований посвящено изучению социально-экономических процессов, которые протекали в древних кочевых племенах Алтая. В рамках этого направления выработаны критерии, признаки и методики палеосоциальных реконструкций, позволившие установить сложную социальную структуру у населения в раннескифское и в пазырыкское время (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003). Наконец, третья крупная проблема связана с рассмотрением религиозно-мифологических и мировоззренческих представлений скотоводов на основе привлечения письменных, этнографических, мифологических и других источников. В настоящее время ученые практически единогласно отмечают, что религия кочевников скифской эпохи Горного Алтая носила синкретичный характер, что нашло отражение в сложной обрядовой практике и в комплексе мировоззренческих идей.

Надо отметить, что авторы предлагаемого издания некоторые вопросы, связанные с изучением данной темы, намеренно затронули лишь частично. К этому кругу можно отнести исследование различных категорий материальной культуры номадов, особенности их уклада, хозяйственной деятельности и т.д. Эти моменты частично отражены в предлагаемом иллюстративном материале, который находится в приложении. Такое обстоятельство обусловлено стремлением авторов продемонстрировать только общие тенденции и подходы в изучении скифской эпохи Алтая, а не представить всеобъемлющую историю изучения всех аспектов культуры населения данного региона с конца IX по II вв. до н.э. Эту огромную работу еще предстоит сделать в процессе дальнейших научных изысканий и разработок.

Надеемся, что написанное нами пособие окажется полезным не только студентам и молодым исследователям древностей Алтая, но и уже состоявшимся ученым, внесшим определенный вклад в изучение тех или иных проблем скифской эпохи Евразии.

**КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ
О НЕКОТОРЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ***

Адрианов Александр Васильевич (1854–1920), историк, археолог, этнограф, путешественник, публицист.

Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923), географ, антрополог, археолог, этнограф. Профессор Московского университета (1884), академик (1896), почетный член Петерб. АН (1898).

Артамонов Михаил Илларионович (1889–1972), археолог, доктор исторических наук, занимался историей скифов и средневековых кочевников, а также происхождением славян.

Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978), археолог, чл.-кор. АН СССР (1960). Впервые применил метод типологической классификации в сочетании с принципами математической статистики. Автор университетского курса общей археологии. Крупный специалист по славяно-русской археологии.

Аспелин Иоганн Рейнгольд (1842–1915), финский историк, археолог, профессор, путешественник.

Бадер Отто Николаевич (1903–1978), археолог, доктор исторических наук. Основные исследования посвящены палеолиту Крыма, Урала и Поволжья, мезолиту Урала и изучению культур эпохи неолита и бронзы лесной полосы европейской части СССР.

Бернштам Александр Натанович (1910–1956), археолог, доктор исторических наук. Основные научные исследования посвящены археологии и истории кочевых народов.

Брюсов Александр Яковлевич (1885–1966), археолог, доктор исторических наук. Выступил инициатором широкого внедрения марксистской методологии в археологию. Исследовал ряд важных теорети-

---

* При подготовке этих сведений использовались следующие издания: Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982; Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: Биобиблиографический словарь. Барнаул, 2000; Матющенко В.И. 300 лет сибирской археологии. Омск, 2001. Т. I; Советский энциклопедический словарь. М., 1990.

ческих вопросов археологии. Одним из первых в советской археологии стал пользоваться методами естественных наук для датировки археологических памятников. Занимался изучением памятников Восточной Европы.

Бунге Александр Андреевич (1803–1890), русский ученый-флорист, чл.-кор. АН, путешественник.

Веселовский Николай Иванович (1848–1918), археолог, востоковед. Изучал историю и археологию Средней Азии. Раскопал сотни курганов на юге и юго-востоке России, среди которых – Солоха и Майкопский.

Витзен Николаас Корнелис (?), государственный деятель, дипломат, ученый из Нидерландов. В 1692 г. в Амстердаме издал книгу «Северная и Восточная Татария».

Волков (Вовк) Федор Кондратьевич (1847–1918), этнограф, антрополог и археолог. Возглавлял палеоэтнологическую школу в Петербургском университете. Учитель С.И. Руденко.

Геблер Фридрих-Август (Фридрих Вильгельмович) (1781–1850), врач, путешественник, исследователь Алтая.

Гмелин Иоганн Георг (1709–1755), натуралист, член Петерб. АН. В 1733–1743 гг. путешествовал по Сибири.

Гольмстем Вера Владимировна (1880–1942), археолог, доктор исторических наук. Изучала славянские памятники и другие разновременные археологические объекты Поволжья.

Городцов Василий Алексеевич (1860–1945), археолог, профессор Московского университета (1918–1944). Большое внимание уделял теоретическим и методологическим вопросам археологии и методике исследований.

Граков Борис Николаевич (1889–1970), археолог, доктор исторических наук, специалист по скифо-сарматской и античной археологии и эпиграфике.

Гуляев Николай Степанович (1851–1918), архивист, краевед, сын С.И. Гуляева.

Гуляев Степан Иванович (1806–1888), служащий горного ведомства, историк, этнограф, фольклорист, изобретатель.

Гумбольдт Александр (1769–1859), немецкий естествоиспытатель, почетный академик Петерб. АН. Горный специалист. В 1829 г. совершил большое путешествие по России.

Дебец Георгий Францевич (1905–1969), историк, археолог и антрополог.

Евтюхова Лидия Алексеевна (1903–1974), археолог. Училась у В.А. Городцова. Проводила совместные исследования со своим мужем С.В. Киселевым.

Жуков Борис Сергеевич (1892–1938), археолог. Яркий представитель анучинской школы, для его исследований характерен комплексный подход к изучению первобытной истории. Один из крупнейших представителей палеоэтнологического направления в советской археологии 1920-х гг.

Иессен Александр Александрович (1894–1964), археолог, доктор исторических наук. Специалист по древней истории Кавказа. Его идеи оказали влияние на формирование концепции начального этапа М.П. Грязнова.

Комарова Мария Николаевна (1900–1986), археолог, супруга и соратник М.П. Грязнова.

Ледебур Карл Христиан Фридрих (8 июля 1785 – 4 июля 1851), немецкий ботаник, чл.-кор. Петерб. АН, профессор Дерптского университета. В 1826 г. вместе с А. Бунге и К. Мейером совершил экспедицию на Алтай.

Лосев Александр Федорович (1893–1988), философ, филолог, доктор филологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР (1986).

Март Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед и лингвист, академик (1912). Создал «яфетическую теорию». Его лингвистические утверждения оказали известное влияние на археологию и этнографию в области этнической проблематики.

Мейер Карл Андреевич (1795–1855), ботаник-систематик, чл.-кор. Петерб. АН (1831).

Менье Гюстав (29 янв. 1827 – 24 марта 1862). Родился во Франции. Разносторонне образованный ученый, путешественник. В 1861 г. прибыл на Алтай с экспедицией.

Мессеримидт Даниил Готлиб (1685–1735), немецкий ученый, исследователь Сибири. В 1720–1729 гг. по заданию Петра I собрал сведения о природе, истории, экономике и этнографии огромного региона (до Забайкалья).

Мещанинов Иван Иванович (1883–1967), языковед, археолог, академик (1932). В 1920-е – начале 1930-х гг. – сотрудник ГАИМК и

Гос. Эрмитажа, руководил тогда же археологическими раскопками в Сев. Причерноморье и Закавказье. Специалист по «мертвым языкам» Кавказа и Малой Азии, в частности урартскому языку. В начале 1930-х гг. работал в области теории археологии. Разделял «новое учение о языке» Н.Я. Марра.

Миллер Александр Александрович (1875–1935), академик, в 1920-х гг. – председатель этнологического отделения, заведующий разрядом палеоэтнологии ГАИМК. Область научных интересов – археология юга европейской части СССР, в частности Кавказа.

Миллер Герард Фридрих (Федор Иванович) (1705–1783), историк, путешественник, академик Петерб. АН (1731). Создатель «Истории Сибири».

Нейман Оскар (?), прусский артиллерийский офицер, переводчик в экспедиции Г. Менье.

Остермейер Алексей Богданович (1798–?), горный специалист, сын коллежского асессора, выпускник Горного кадетского корпуса.

Паллас Петр Симон (1741–1811), естествоиспытатель, член Петерб. АН (1767). Родился в Германии. В 1771 г. в составе экспедиции прибыл на Алтай.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875), русский историк, писатель, академик Петерб. АН (1841).

Потанин Григорий Николаевич (1835–1920), этнограф, географ, известный путешественник.

Потанов Леонид Павлович (1905–2000), этнограф, тюрколог, доктор исторических наук, профессор.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), русский историк античности, археолог. После Октябрьской революции 1917 г. находился в эмиграции.

Сосновский Георгий Петрович (1899–1942), археолог, исследователь Сибири.

Спасский Григорий Иванович (1783–1864), историк, археолог, чл.-кор. Петерб. АН (1810). С 1803 г. в течение 13 лет жил и работал в Сибири.

Спицын Александр Андреевич (1858–1931), археолог, чл.-кор. АН СССР (1927).

Теплоухов Сергей Александрович (1888–1934), археолог-сибиревед. Создал первую классификацию археологических культур

Южной Сибири. Оказал влияние на становление М.П. Грязнова как археолога.

Фальк Иоганн Петер (1725–1774), доктор медицины, академик. Родился в Швеции. Участвовал в экспедиции под руководством П.Палласа в 1768–1774 гг.

Флоринский Василий Маркович (1834–1899), профессор Петербургской Медико-хирургической академии (1875), основатель археолого-этнографического музея в Томском университете, историк.

Фролов Петр Козьмич (1775–1839), горный инженер, изобретатель, организатор горнозаводского производства на Алтае, собиратель древностей.

Хороших Павел Павлович (1890–1977), путешественник, краевед, исследователь пещер.

Чернецов Валерий Николаевич (1905–1970), археолог, этнограф, исследователь коренных народов Приобья.

Чихачев Петр Александрович (1808–1890), геолог, путешественник, Почетный академик РАН (1876), Почетный член РГО (1890).

Шренк Александр Иванович (1816–1876), ботаник. В 1840 г. проводил естественно-научные изыскания на Алтае.

Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884), геолог. В 1844 г. на средства Московского университета организовал экспедицию на Алтай.

Эйхталь Луи Д', (1804–1860-е), французский путешественник, барон.

Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894), общественный деятель, историк-краевед, путешественник, один из создателей ЗСО РГО. Посетил почти все районы Алтая.

**ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ГОРНОГО АЛТАЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ***

Памятники бийкенской археологической культуры

Айрыдаш-I.
Айрыдаш-IV.
Ак-Алаха-II.
Алагаил и Боротал.
Бийке.
Бойтыгем-II.
Большой Яломан-I.
Верх-Еланда-I.
Верх.Тельтехмень-IV.
Кара-Коба-II.
Карасу-I, II.
Карбан-I.
Кер-Кечу.
Коо.
Кор-Кобы-I.
Кош-Тал-I.
Курай-III.
Кургу-II.
Кызык-Телань-I.
Кызыл-Джар-IX.
Нижний Тоботой-I.
Нижний Тюмечин-II.
Партизанская Катущка.

---

* Более подробная информация данного плана представлена в обобщающих монографиях, посвященных скифской эпохе Горного Алтая (Суразаков, 1988; Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003). Там же приведены библиографические списки.

Первый Межелик.
Песчаная-I.
Покровский Лог-IV.
Сальдяр-I, II.
Семисарт-I.
Тогусхан-I, IV.
Тыткескень-I, VI.
Усть-Куюм.
Усть-Бийке-III.
Чоба-VII.
Элекмонар-II.
Яломанские ворота
и другие.

Памятники майэмирской археологической культуры

Агафонов Лог-III.
Белокуриха (Аврора).
Березовка-I (Карамышево).
Вакулиха-I.
Герасимовка.
Гилево-X.
Гилевский мост.
Зевакинский могильник.
Камышенка.
Каракол.
Кок-Су-I.
Кондратьевка-XXI.
Корболиха-X.
Майемир-II.
Майемир.
Майемирский клад.
Машенка-I.
Маяк-I.
Мельничная гора.
Советский Путь-I.

Солонечный Белок.
Суртайка-I.
Тар Асу.
Точилинский Елбан.
Усть-Бухтарма-I.
Харлово.
Чекановский Лог-II, X.
Чесноково-I.
Черный Ануй-I.
Чистый Яр.
и другие.

Памятники пазырыкской археологической культуры

Агафонов Лог-I.
Айрыдаш-I.
Айрыдаш-II.
Айрыдаш-III.
Айрыдаш-IV.
Ак-Алаха-I.
Ак-Алаха-III.
Ак-Алаха-V.
Ак-Кара-Бом.
Ак-Кем.
Ак-Кообы-II.
Алагаил.
Алагаил-II.
Арагол.
Аргут-I.
Барангол.
Барбугазы-I, II.
Башадар.
Белый Бом-II.
Берельский.
Бертек-10.
Бертек-12.

Бертек-27.
Бертек-І.
Бийке.
Бике-І.
Бике-ІІІ.
Большой Яломан-ІІ.
Боочи-І.
Боротал, Алагаил, Тербедок.
Боротал-ІІ, ІІІ.
Бураты-І, ІV.
Верх. Еланда-ІІ.
Верх. Тельтехмень-І.
Верх-Кальджин-І.
Верх-Кальджин-ІІ.
Гордуба.
Джолин-І, ІІ.
Дялян.
Елангашский могильник.
Ело-ІІ.
Ирбисту-ІІ.
Каинзарах.
Кайнду.
Кальджин-І.
Кальджин-VI.
Кальджин-VIII.
Кара-Коба-ІІ.
Каракол-І.
Каракольский.
Карасу-ІІ.
Каратас-11.
Кара-Тенеш.
Карбан.
Кастахта.
Катанда-3.
Катанда-ІІ.
Кер-Кечу.
Кок-Су-1.

Кок-Эдиган.
Корай.
Коркечу-I.
Кош-Тал-1.
Курай-II.
Курай-V.
Курота-III.
Курту-V.
Кутургунтас-I.
Кызык-Телань-I.
Кызыл.
Кызыл-Джар-I.
Кызыл-Джар-II.
Кызыл-Джар-III.
Кызыл-Джар-IV.
Кызыл-Джар-V.
Кызыл-Джар-VIII.
Кызыл-Таш.
Кырлык-1.
Кырлык-2.
Майма-IV.
Малталу-IV.
Междуречье рек Тете и Актру.
Мойнак-II.
Мухор-Тархата-I.
Ороктой.
Ороктой-Эке.
Пазырык.
Покровский Лог-3.
Сары-Кобы.
Себестей.
Семисарт-II.
Солдин.
Солдин-Эке.
Таалай.
Талдура-I.
Талдура-II.

Тар-Асу-I.
Тар-Асу-II.
Ташанта-I-III.
Тербедок.
Тургунты.
Туэкта.
Тыткескень-I.
Тыткескень-VI.
Тянгыс-Тыт.
Узунтал-I, III, V, VI.
Уландрык-I-V.
Урмулык.
Усть-Бийке-III.
Усть-Кожолу-II.
Усть-Чоба-I.
Усть-Эдиган.
Ханкаринский дол.
Чеба-V.
Черный Ануй-3.
Чесноково-1, 2.
Чичке-I, II.
Чоба-VI.
Чолтух.
Шибё.
Элекмонар.
Юстыд-I, XII, XIII, XXII.
Юстыд-III.
Ябоган-2.
Ябоган-III.
Яконур.
Яломанская Бельда.
и другие.

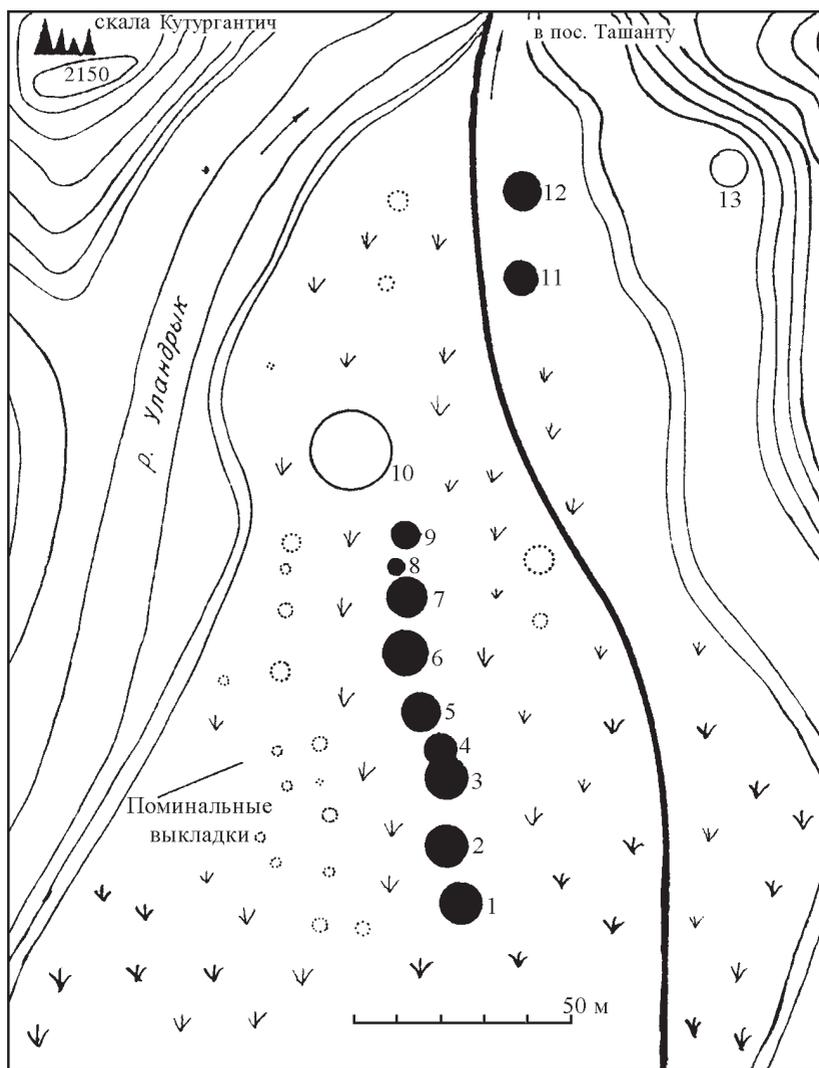

Рис. 1. План памятника Уландрык-II (по: Кубарев В.Д., 1987, с. 236)

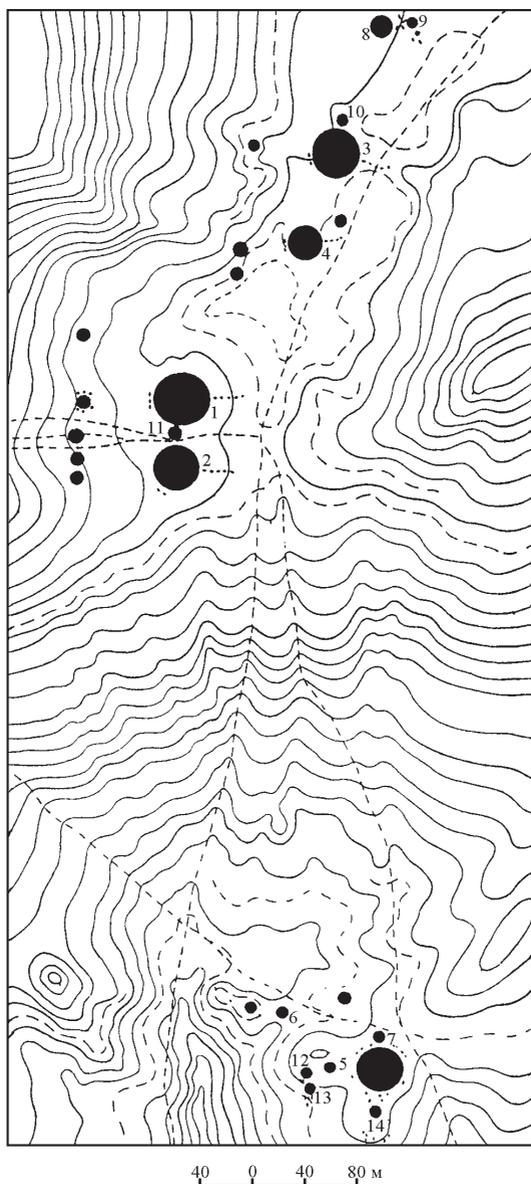

Рис. 2. План памятника Пазырык (по: Руденко С.И., 1953)

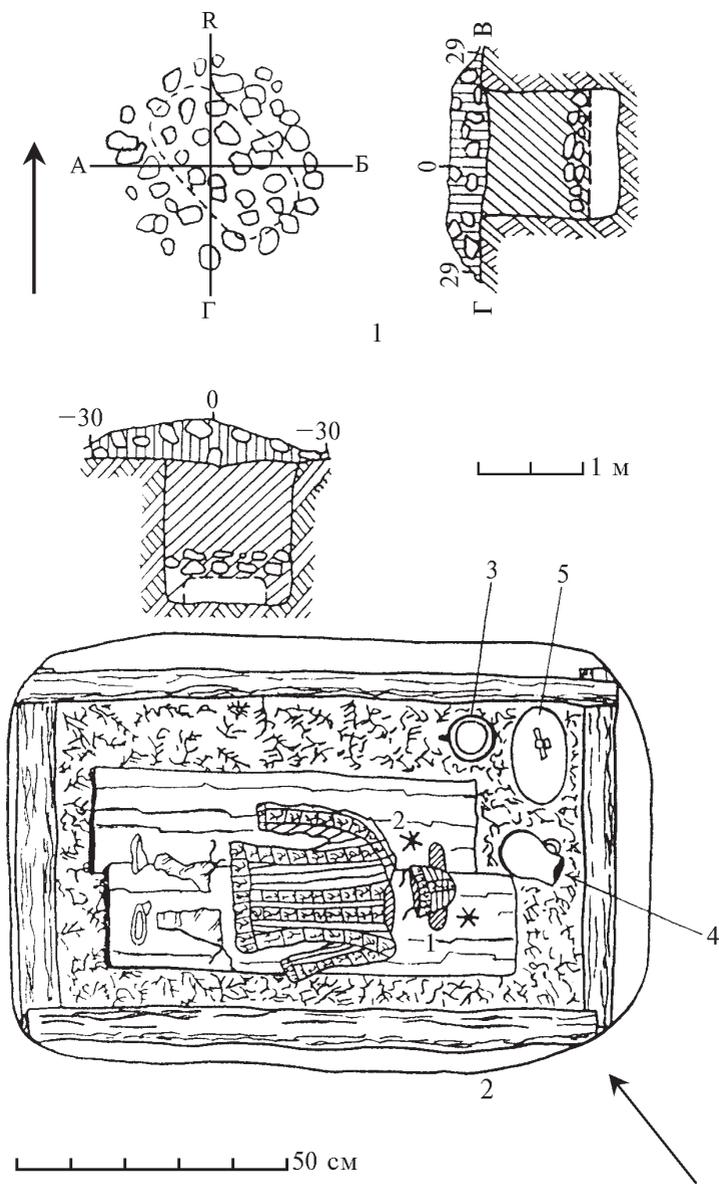

Рис. 3. Уландрык-I: 1 – план и разрезы кургана №2;
2 – кенотаф (по: Кубарев В.Д., 1987, с. 206)

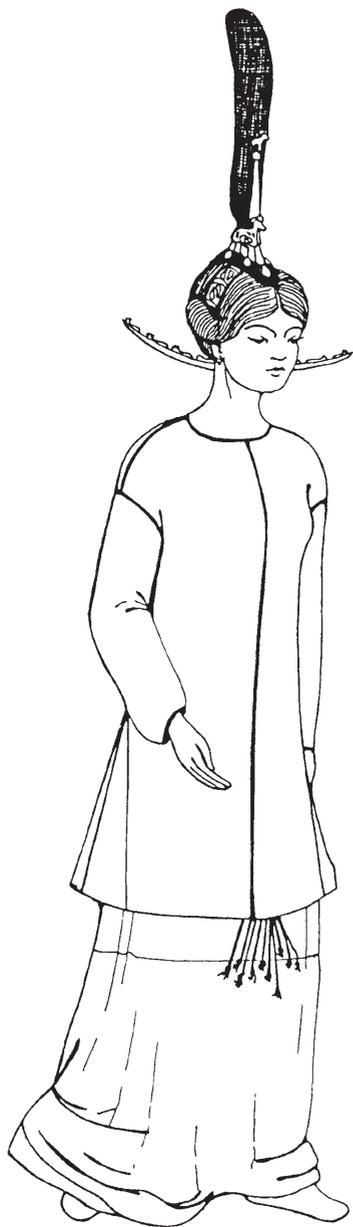

Рис. 4. Реконструкция наряда женщины, погребенной в кургане №1 могильника Ак-Алаха-III (по: Полосьмак Н.В., 1994а, с. 7)

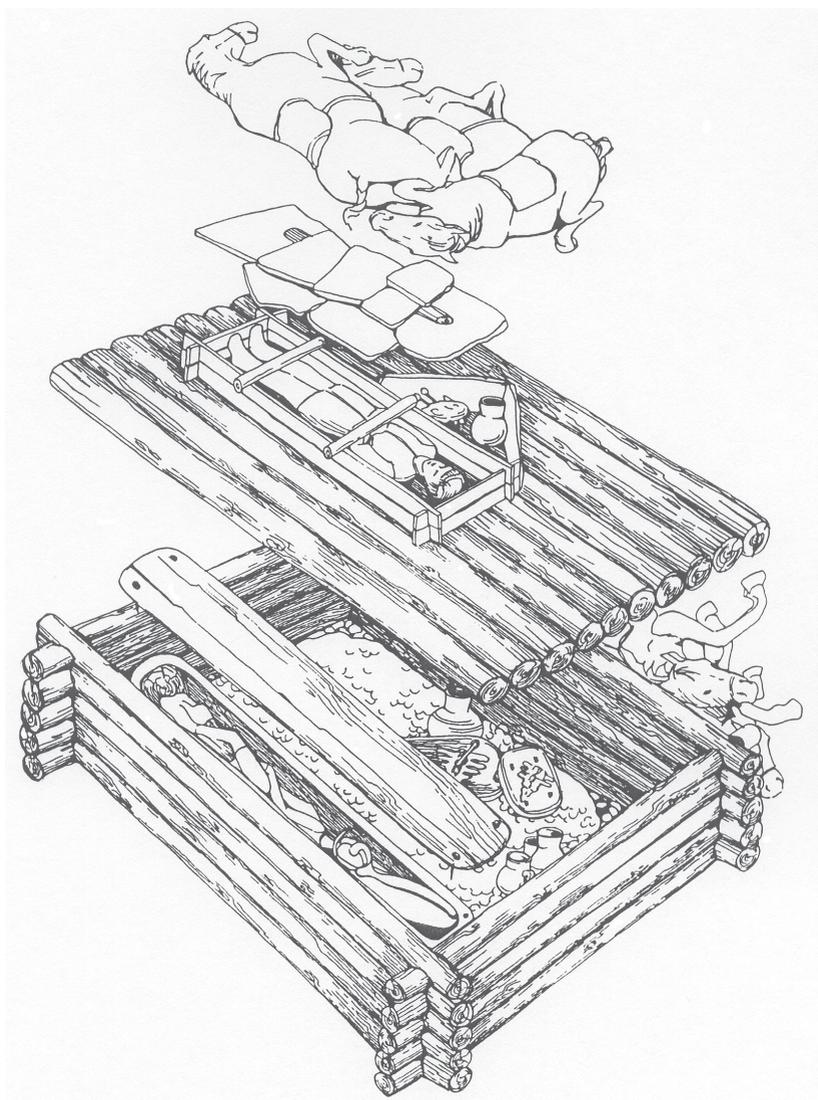

Рис. 5. Реконструкция погребения в кургане №1
могильника Ак-Алаха-III (по: Полосьмак Н.В., 1994а, с. 4)

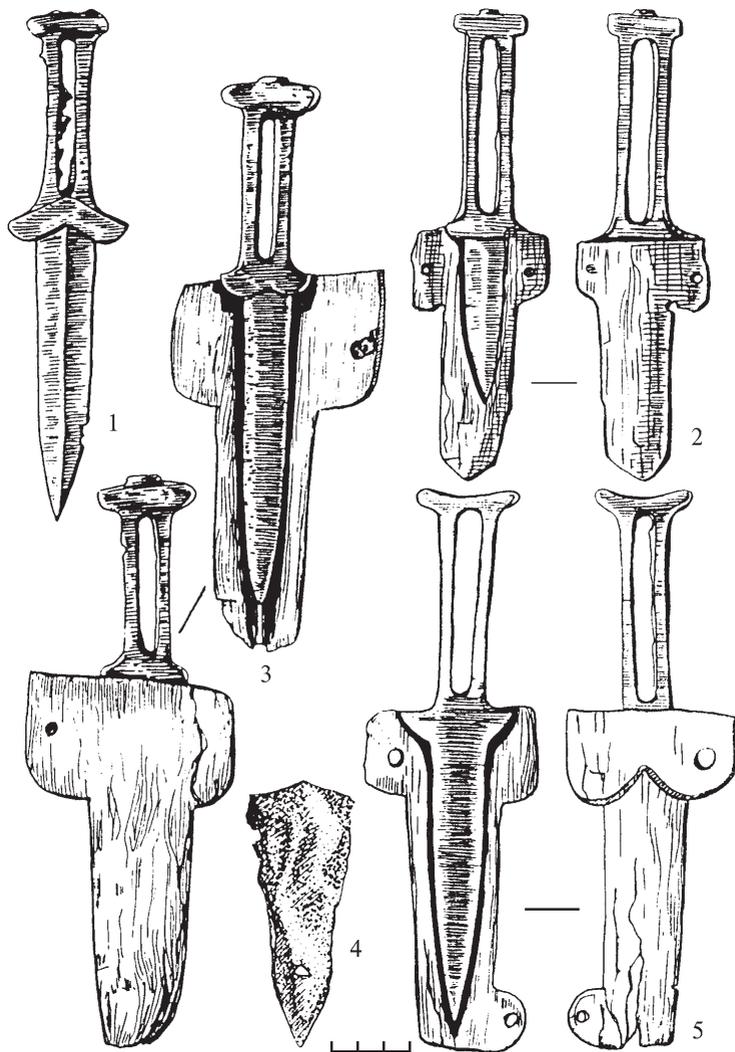

Рис. 6. Бронзовые кинжалы и ножи: 1 – курган №2; 5 – курган №4 могильника Узунтал-III; 2 – курган №3, 3 – курган №2 могильника Узунтал-I; 4 – курган №5 могильника Узунтал-VI (1 – бронза, 2, 3, 5 – бронза, дерево; 4 – кожа) (по: Савинов Д.Г., 1993а, с. 160)

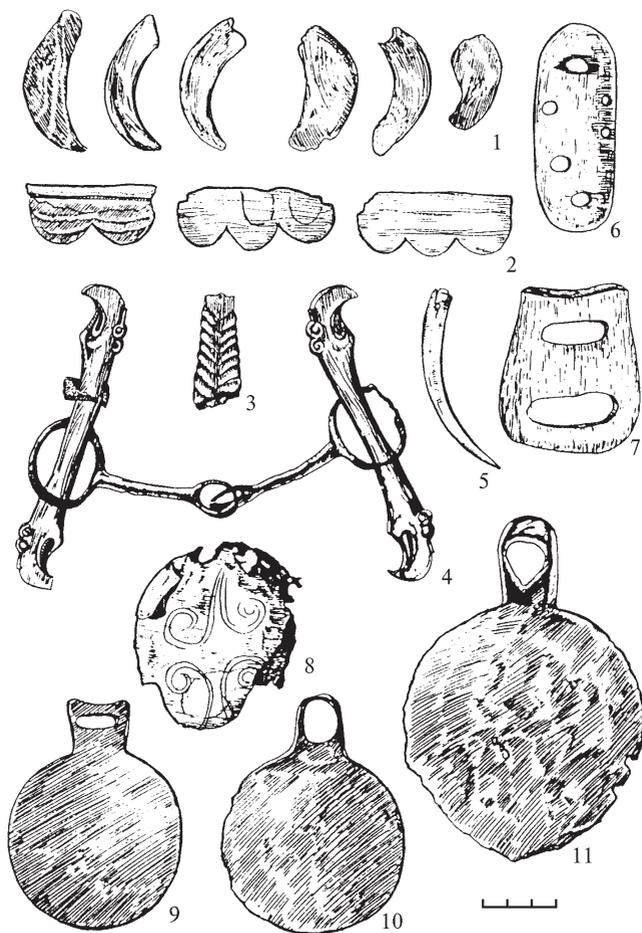

Рис. 7. Предметы сопроводительного инвентаря из курганов могильников Узунтал-I-VI: 1-3 – украшения конского снаряжения; 4 – удила с псалиями; 5 – подвеска из клыка кабарги; 6-7 – костяные блоки; 8 – чехол от зеркала; 9-11 – зеркала (1-3, 9 – курган №4, 10 – курган №5 могильника Узунтал-VI; 4, 7 – курган №2 могильника Узунтал-I; 5, 6, 8 – курган №1 могильника Узунтал-V; 11 – курган №4 могильника Узунтал-III). (1-3 – дерево, 4 – бронза, дерево, 5 – рог, 6-7 – кость, 8 – кожа, 9-10 – бронза) (по: Савинов Д.Г., 1993а, с. 160)

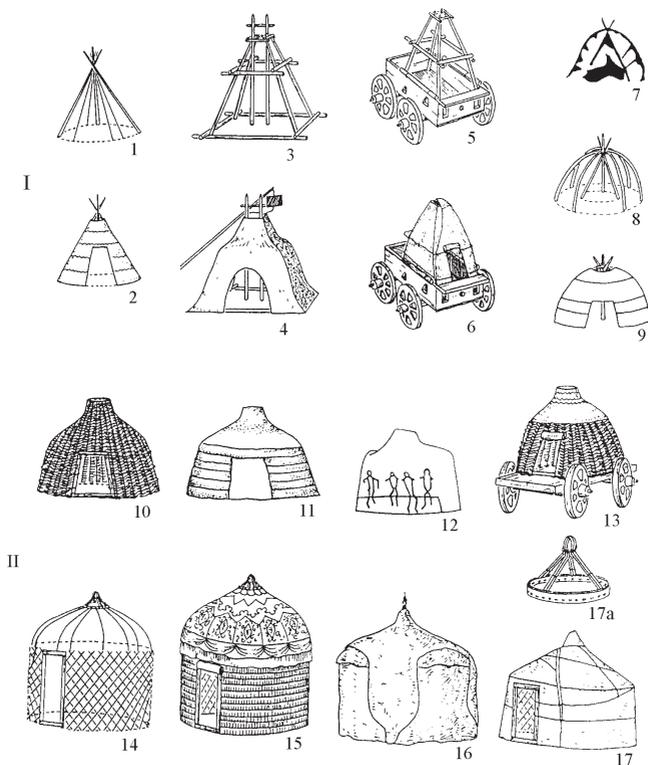

Рис. 8. Жилища кочевников степной зоны Евразии.

I – шалаши кочевников «скифского мира»: 1, 2 – конический шалаш, реконструкция остова и внешнего вида; 3, 4 – пирамидально-усеченный шалаш, реконструкция остова и внешнего вида; 5–6 – пирамидально-усеченный шалаш на повозке, реконструкция остова и внешнего вида; 7 – гравированный рисунок полусферического шалаша на костяном амулете (могильник Кызылган, Тува, V–III вв. до н.э.); 8–9 – полусферический шалаш, реконструкция основа и внешнего вида. *II* – шалаши хуннского типа: 10 – реконструкция внешнего вида; 11 – схематический рисунок шалаша по изображению на петроглифе (Минусинская котловина, рубеж эр); 12 – рисунок на петроглифе (Забайкалье); 13 – реконструкция внешнего вида шалаша на повозке у монголов XIII в. *III* – юрты древнетюрского типа: 14 – реконструкция остова; 15 – внешний вид юрты монгольской знати в конце XIII – начале XIV в., реконструкция; 16 – юрта из Эджен-Хоро (Внутренняя Монголия); 17, 17а – юрта хазарейцев и реконструкция ее дымового круга (по: Вайнштейн С.И., 1976, с. 58–59)

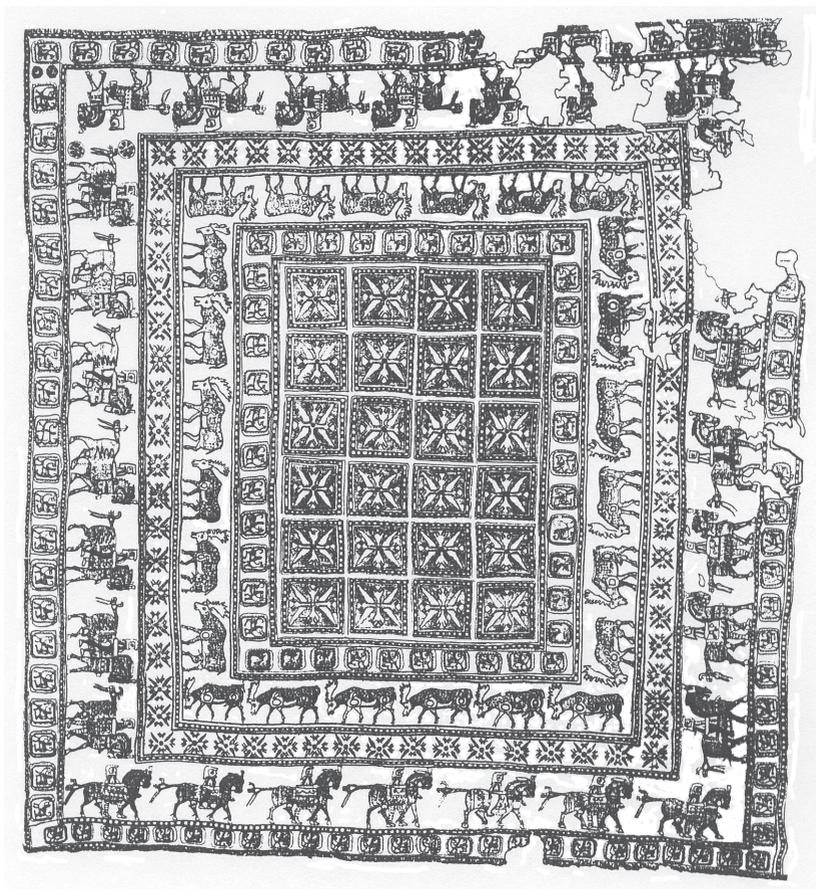

Рис. 9. Ворсовый стриженный шерстяной ковер.
Пятый Пазырыкский курган (по: Руденко С.И., 1953)

Рис. 10. Предметы из дерева и кости древнейшего железного века на Алтае: 4–5, 11–13 – изделия из Катандинского кургана (по: Радлов В.В., 1989, с. 469)

1

2

Рис. 11. Татуировки на руках мужчины: 1 – правой; 2 – левой.
Второй Пазырыкский курган (по: Руденко С.И., 1953, с. 139)

Рис. 12. Сцены нападения хищных на парнокопытных:
1 – Персеполь; 2 – Келермесский курган;
3 – курган Куль-Оба; 4 – Сибирская коллекция Петра I;
5 – Семибратный курган; 6 – Второй Пазырыкский курган
(по: Руденко С.И., 1961а, с. 43)

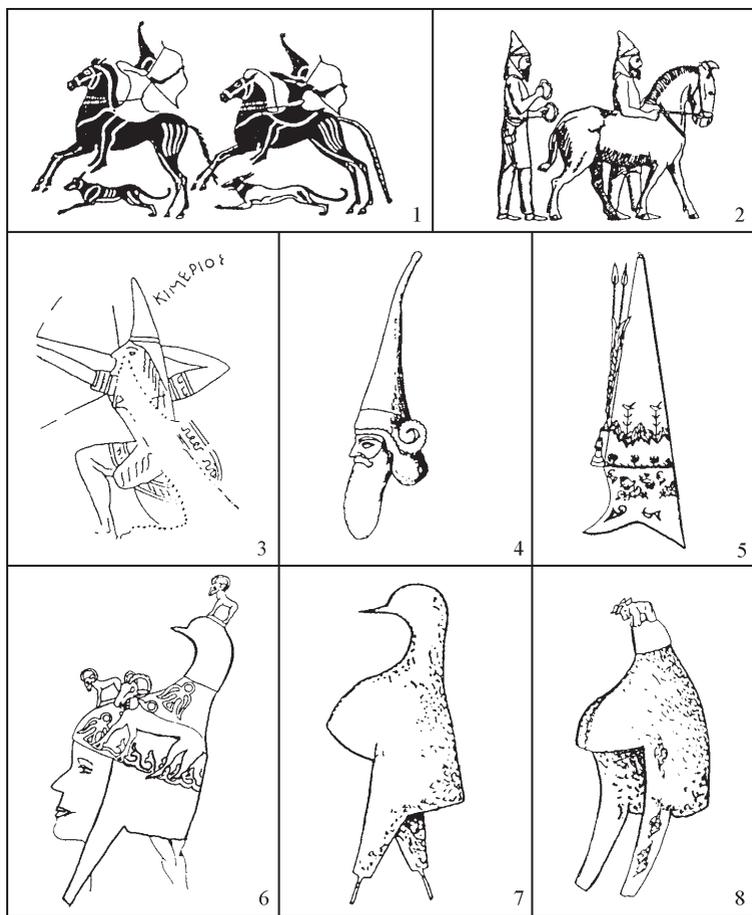

Рис. 13. Остроконечные головные уборы кочевников Евразии VI–IV вв. до н.э.: 1 – киммерийцы (?) на этрусской вазе (VI в. до н.э.); 2 – саки на рельефе в Персеполе (V в. до н.э.); 3 – киммериец на греческой вазе (VI в. до н.э.); 4 – сакский вождь на Бехистунской скале (VI в. до н.э.); 5–8 – реконструкция головных уборов: 5 – курган Иссык (VI–V вв. до н.э. – раскопки К.А. Акишева); 6 – Ак-Алаха-I, курган №1 (V в. до н.э. – раскопки Н.В. Полосьмак); 7 – Верх-Кальджин-II, курган №1 (V в. до н.э. – раскопки В.И. Молодина); 8 – Ак-Алаха-I, курган №2 (V в. до н.э. – раскопки Н.В. Полосьмак)
(по: Марсадолов Л.С., 2000а, с. 55)

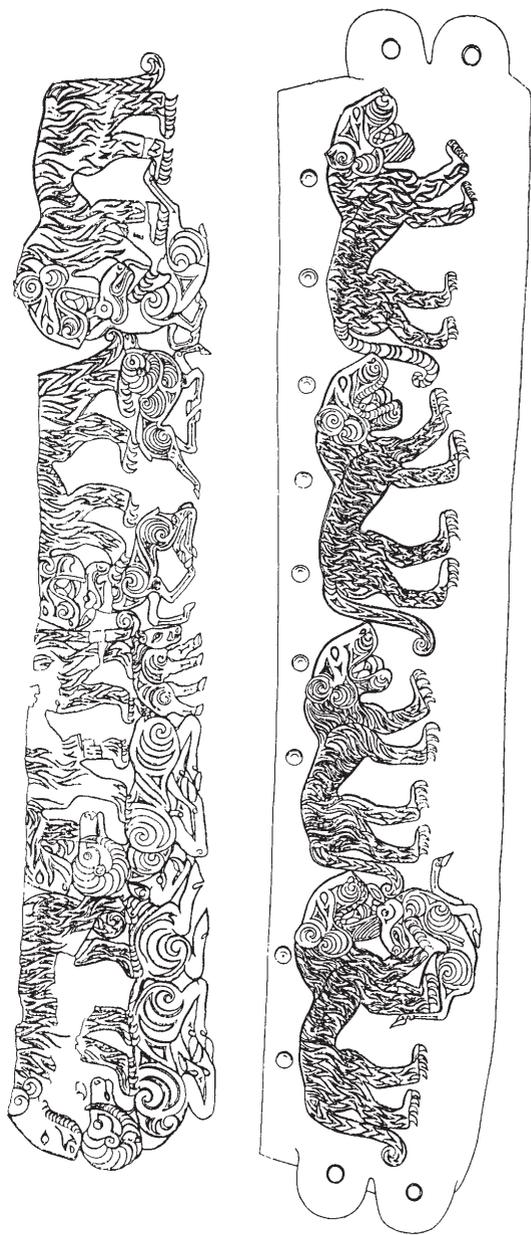

Рис. 14. Художественная резьба на крышке и саркофаге-колоде.
Второй Башаларский курган (по: Руденко С.И., 1952, 1953)

Рис. 15. Реконструкция (по материалам из ак-алахинских курганов)
внешнего вида знатных людей пазырыкского общества
(по: Горбунов В.В., Кунгуров А.Л.,
Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б., 1997, с. 185)

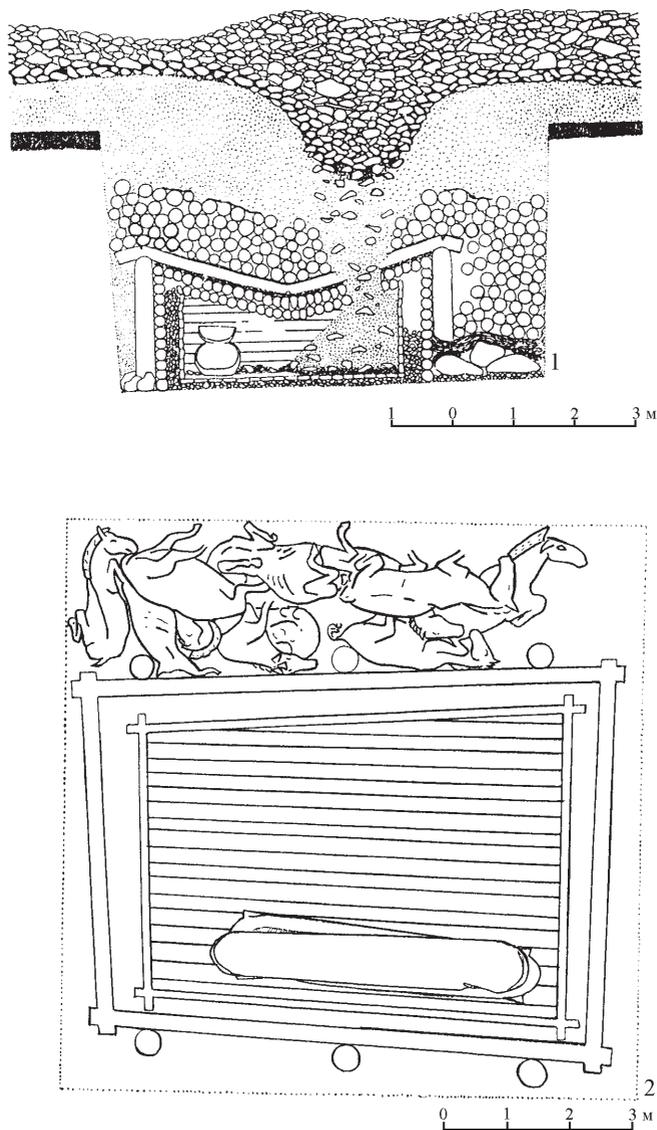

Рис. 16. – Первый Пазырыкский курган: 1 – разрез могилы по линии Ю–С; 2 – план могилы на уровне пола (по: Грязнов М.П., 1950)

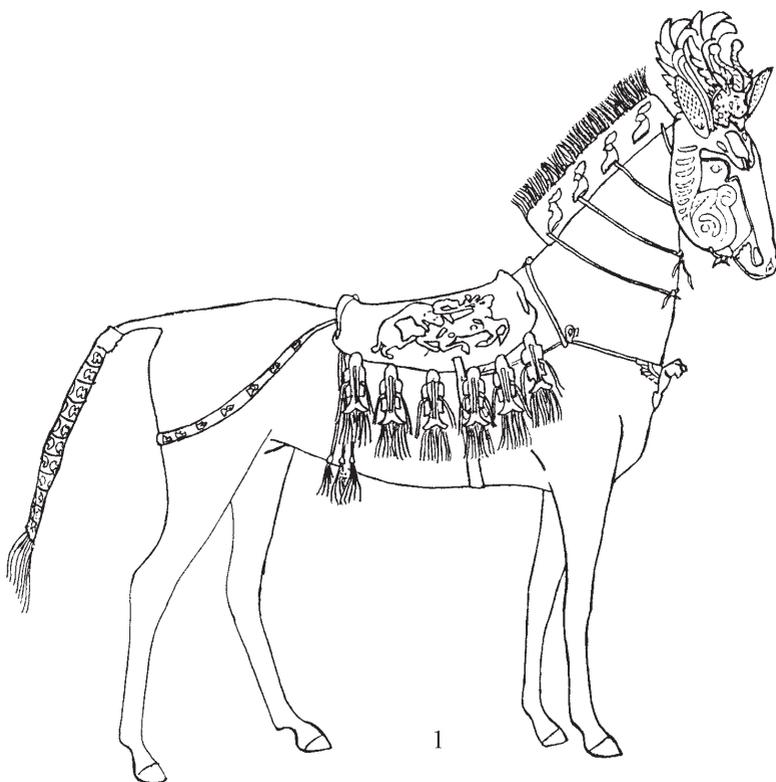

Рис. 17. Реконструкция снаряжения лошади (убор №5)
из Первого Пазырыкского кургана (по: Грязнов М.П., 1950, с. 30)

Рис. 18. Изображения фантастических животных.
1–5, 7, 9–11, 13, 15–17 – Пазырыкские курганы;
6, 8, 12, 14 – Туэктинские курганы (по: Руденко С.И., 1960, с. 289)

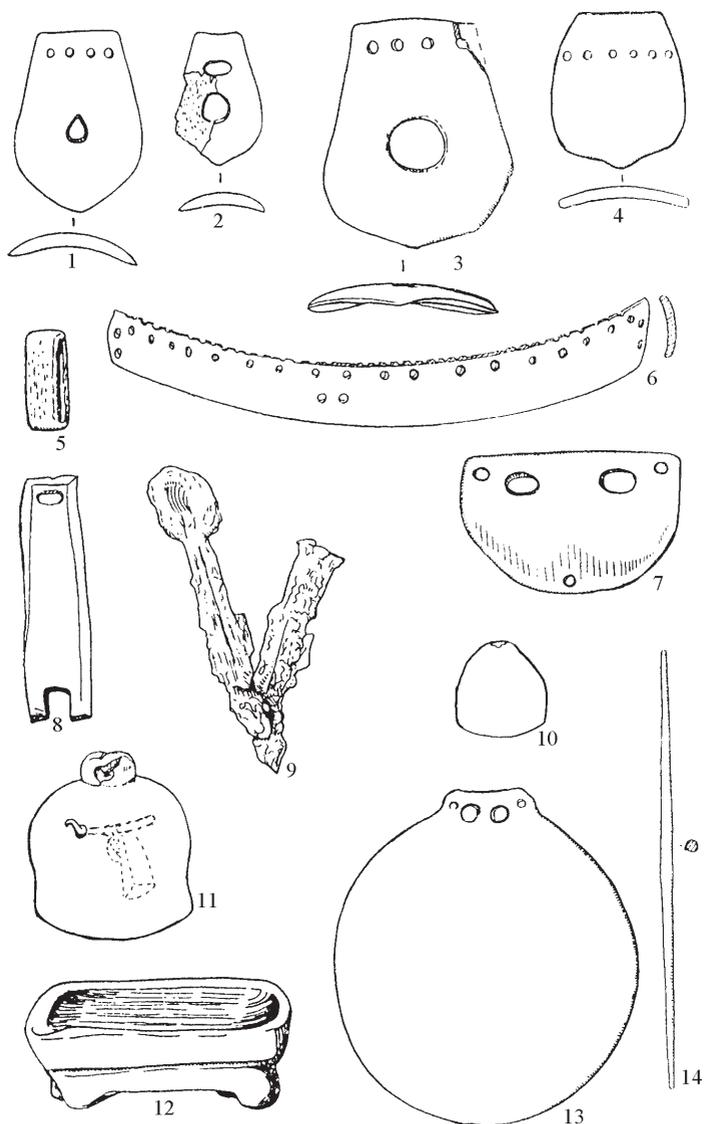

Рис. 19. – Предметы из раскопок С.В. Киселева. Каракольский курган.
 1–8 – роговые украшения конского снаряжения; 9 – железные удила;
 10 – деревянная ворворка; 11, 13, 14 – бронзовые колокольчик,
 зеркало и булавка; 12 – каменная светильня (по: Киселев С.В., 1947)

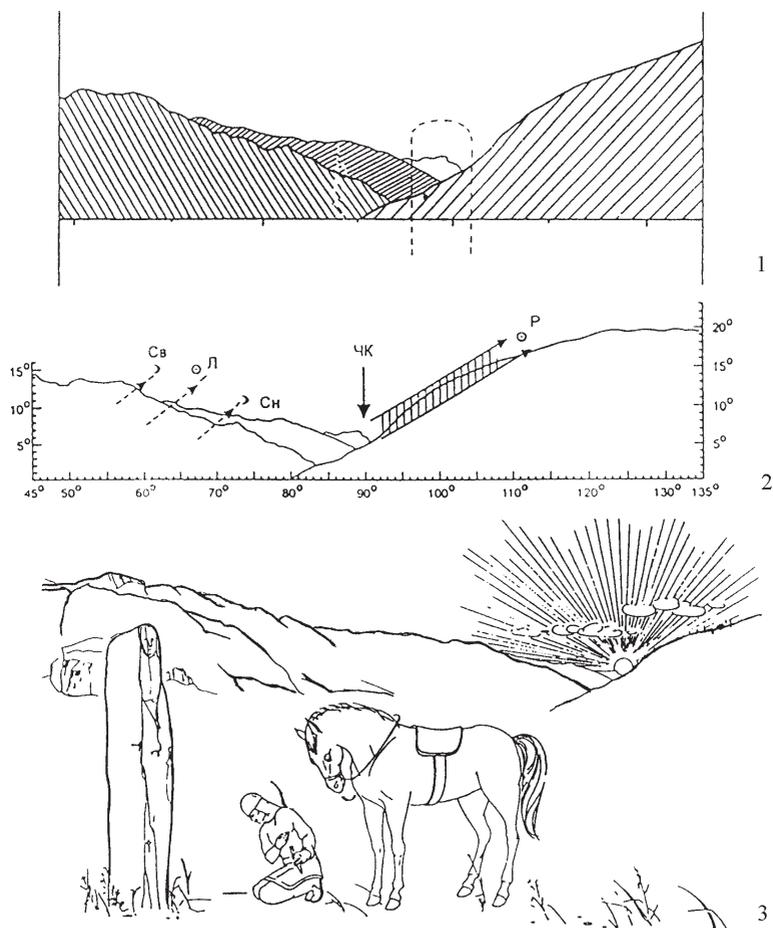

Рис. 20. – Чуйский ритуальный комплекс на Алтае:

1 – восточная часть окружающего ландшафта (отдельные горы переданы разной штриховкой, пунктиром показана ориентировка каменного изваяния); 2 – астрономические расчеты из места установки «Чуйского» камня – ЧК (Р – восход солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий и Л – в день летнего солнцестояния; Св и Сн – высокая и низкая северная луна); 3 – реконструкция поклонения изваянию в дни равноденствия (по: Марсадолов Л.С., 2000а, с. 50)

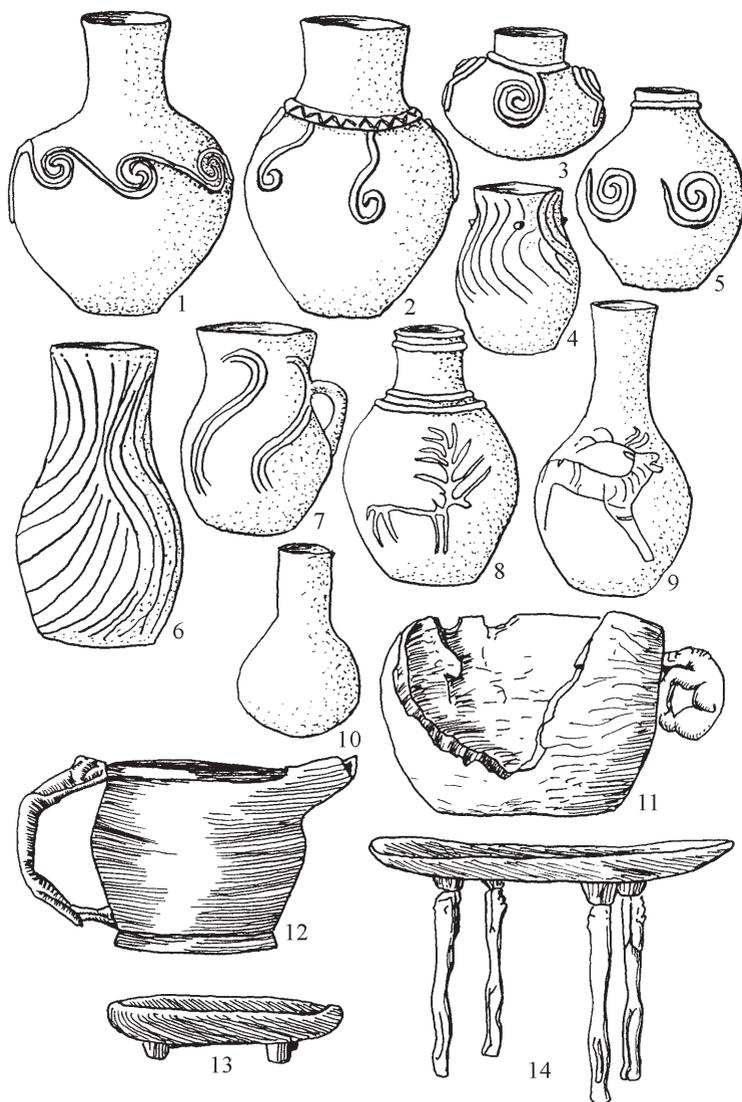

Рис. 21. Керамические (1–10), деревянные (11) и серебряный (12) сосуды. Ритуальные столики (13–14). Пазырыкская культура (по: Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б., 1997)

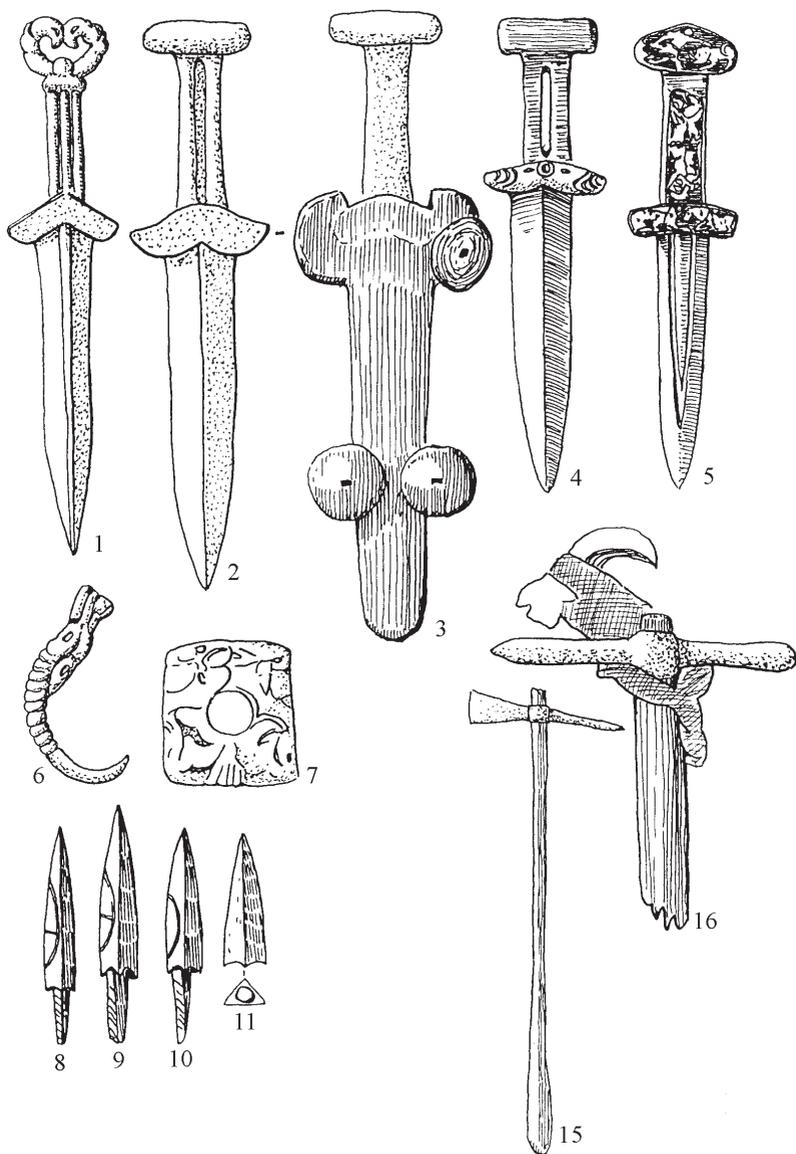

Рис. 22. Вооружение населения пазырыкской культуры
(по: Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б., 1997)

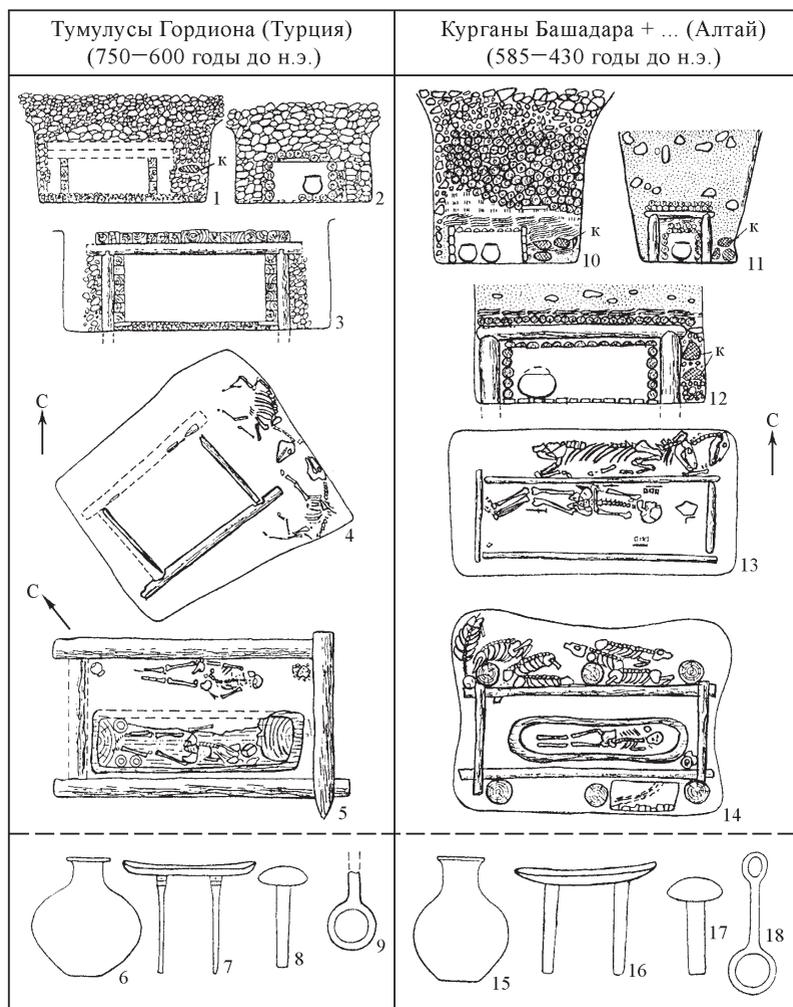

Рис. 23. Сопоставление материалов из курганов Турции (1—9) и Алтая (10—18) (по раскопкам Р.С. Янга, Г.Р. Эдвардса, Е.А. Кохлер, С.И. Руденко, В.С. Адрианова, Л.С. Марсадолова). Масштабы разные (по: Марсадолов Л.С., 2000а, с. 56)

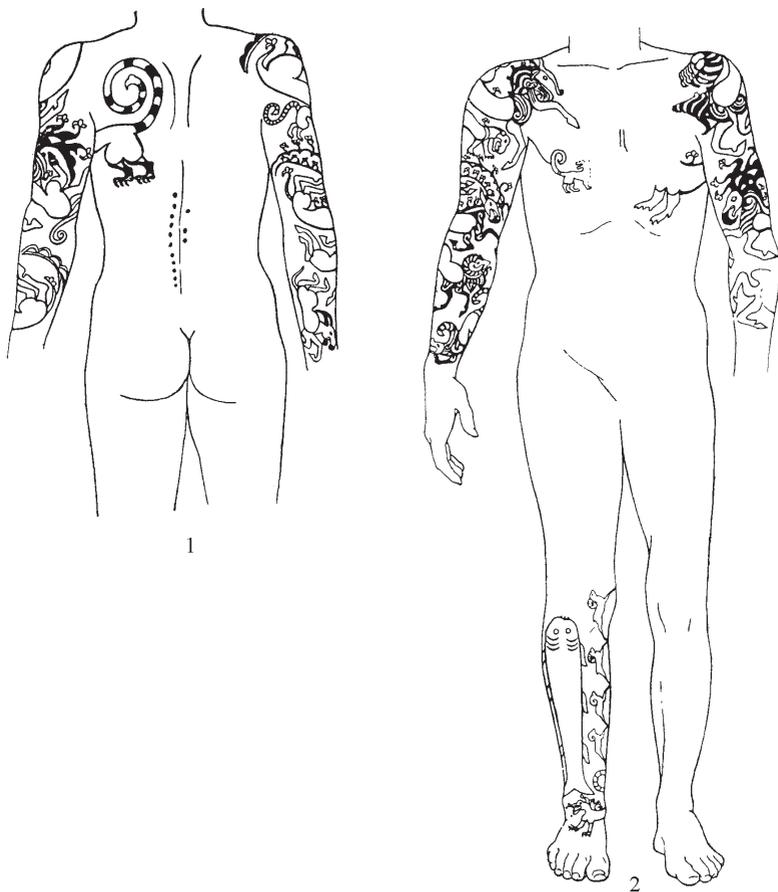

Рис. 24. Второй Пазырыкский курган. Татуировка на теле мужчины
(по: Руденко С.И., 1953)

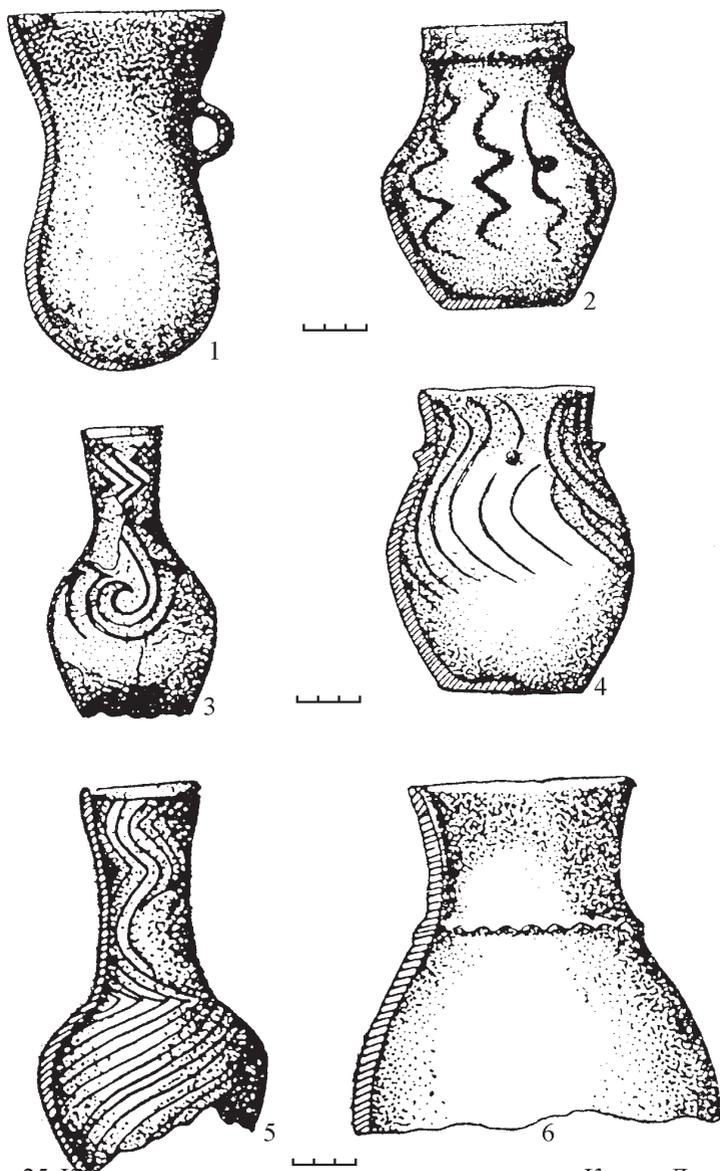

Рис. 25. Керамические сосуды из курганов могильника Кызыл-Джар-I.
1 – курган №1; 2 – курган №2; 3 – курган №8; 4 – курган №3;
5, 6 – курган №6 (по: Могильников В.А., 1983а, с. 26–27)

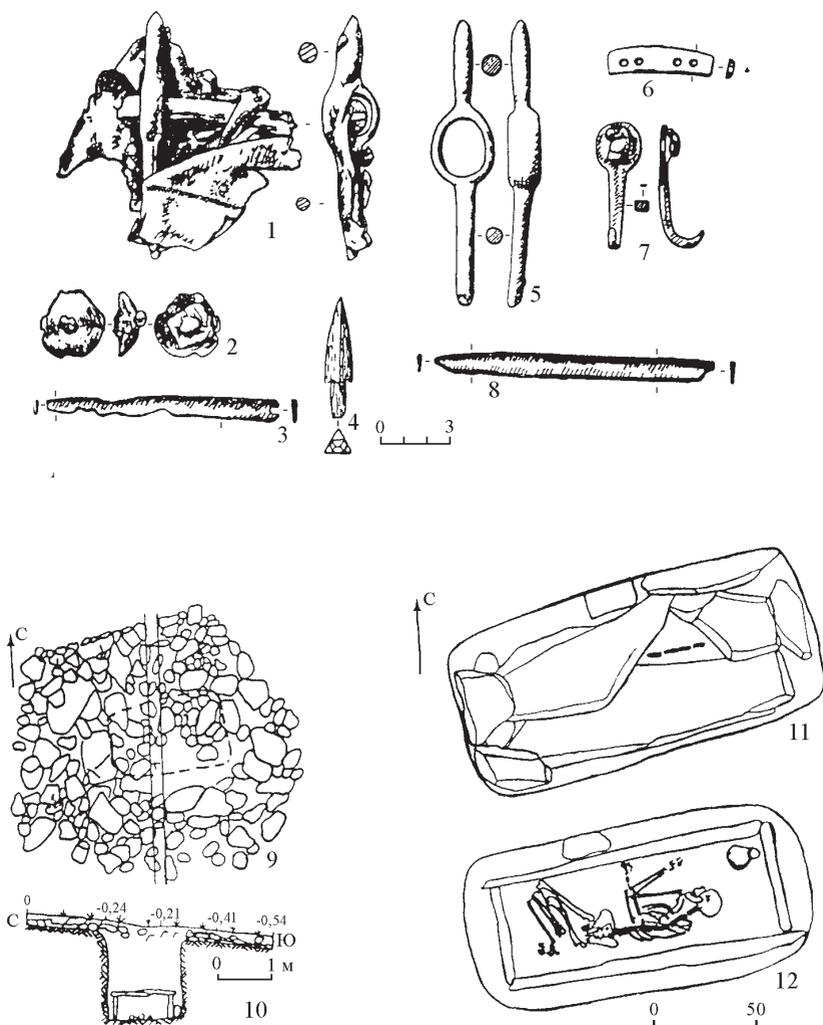

Рис. 26. Могильник Кара-Кобы-II: 1-4 – курган №1, 5-8 – курган №3 (1, 2, 6 – бронза, кожа; 3, 5, 8 – бронза; 4, 6 – кость); 9-10 – план и профиль кургана №5. 11-12 – план перекрытия и погребения кургана №5 (по: Могильников В.А., 1983в)

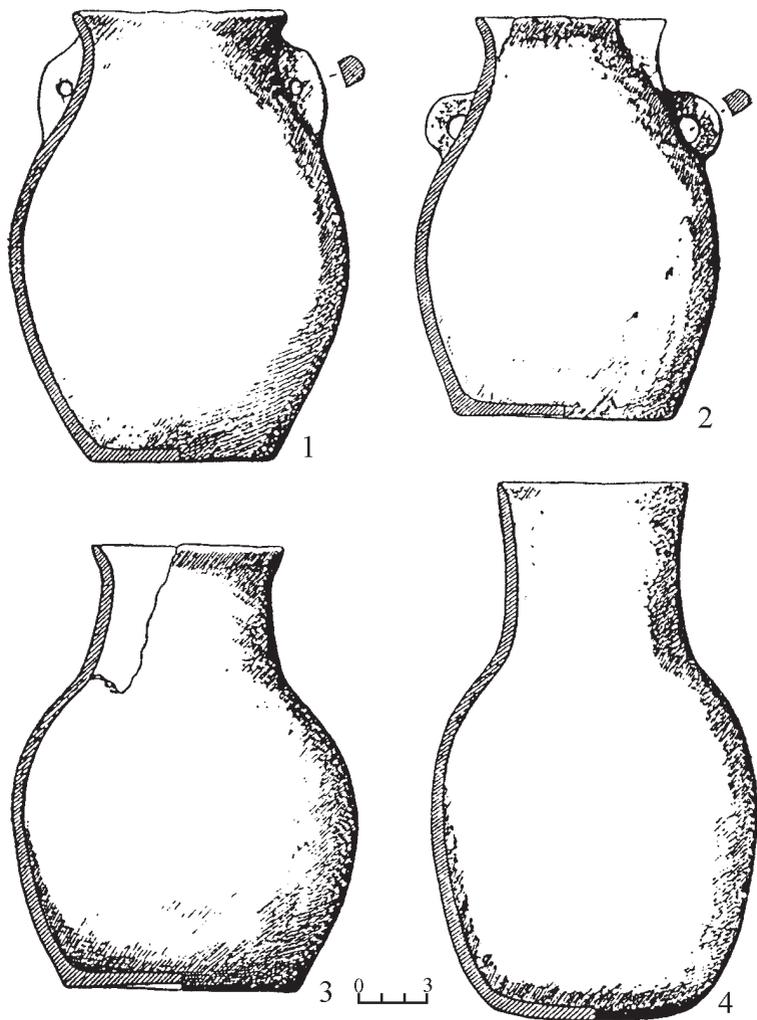

Рис. 27. Керамические сосуды из курганов могильника Кара-Коба-II
(по: Могильников В.А., 1983в, рис. 4)

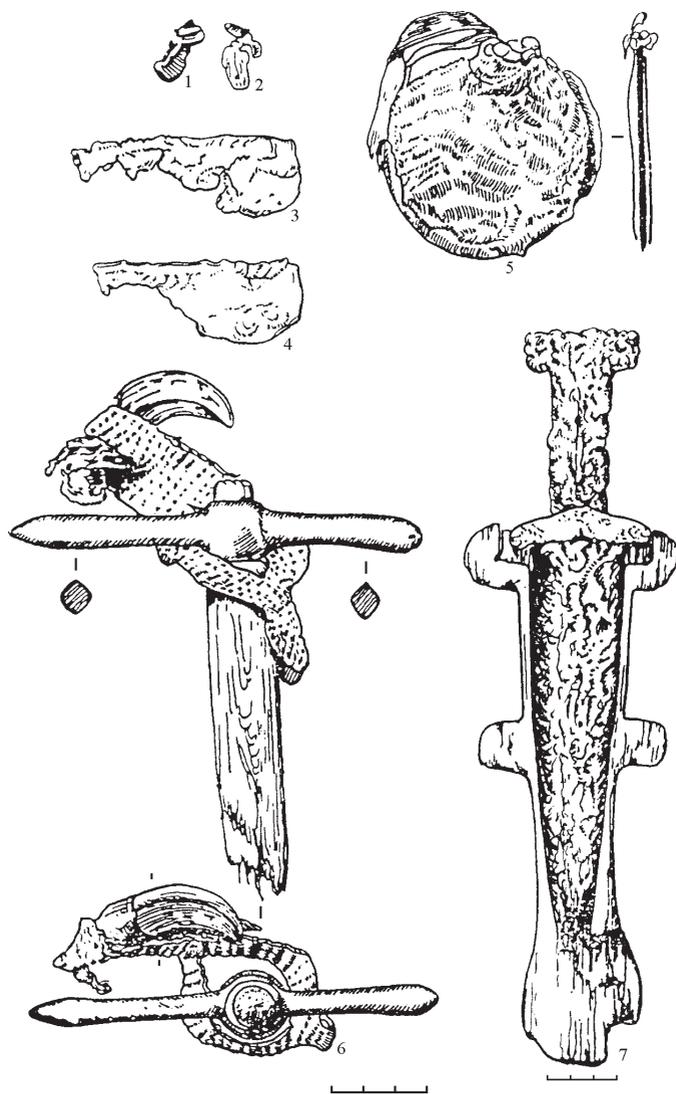

Рис. 28. Инвентарь из кургана №8 могильника Кызыл-Джар-I:
1-4 – накладки из золотой фольги; 5 – бронзовое зеркало
в меховом футляре; 6 – бронзовый чекан с деревянной имитацией
клыка и кожаной петлей для подвешивания; 7 – железный кинжал с
бронзовым перекрестием в деревянных ножнах (по: Могильников В.А.,
1983а, с. 34)

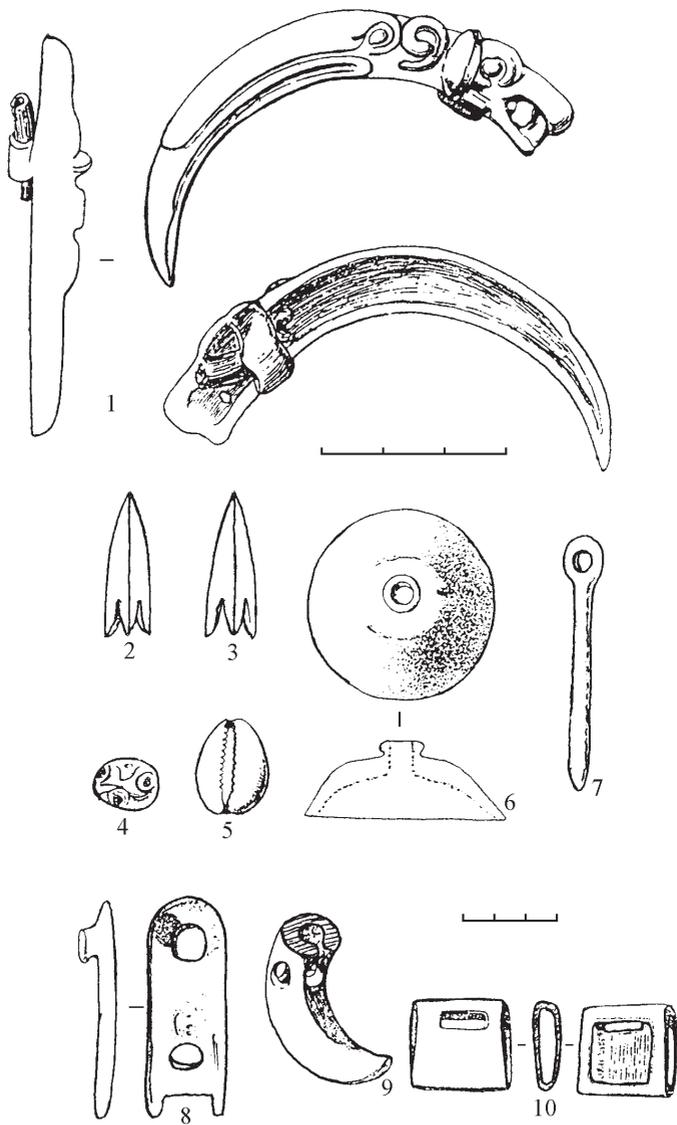

Рис. 29. Инвентарь из курганов могильника Туяхты
(по: Киселев С.В., 1947, с. 164, 166–167).

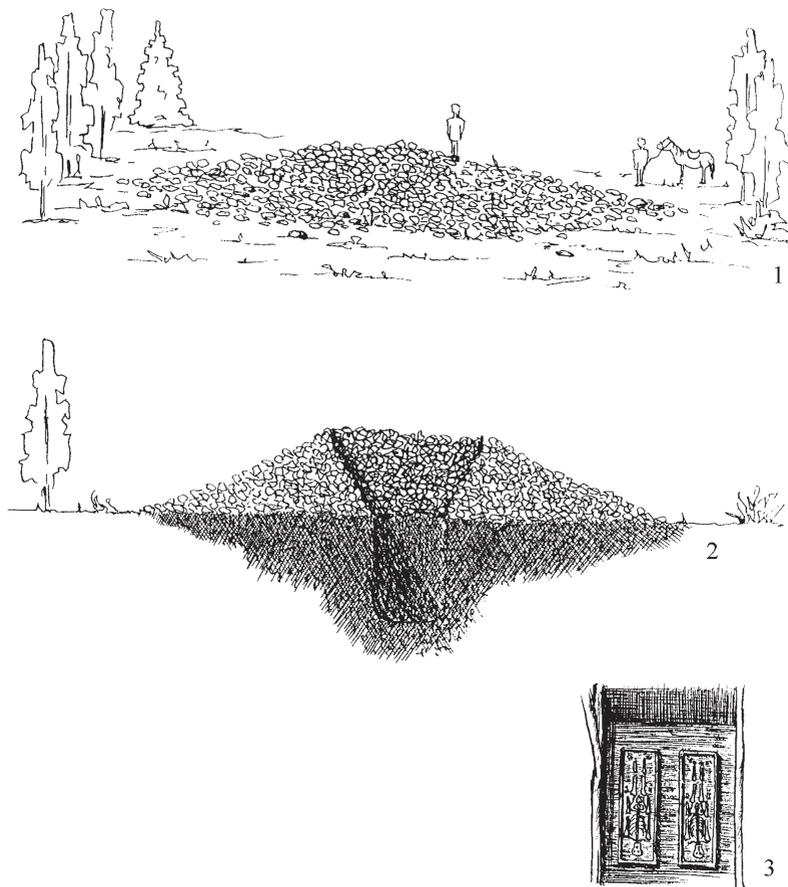

Рис. 30. Особенности фиксации процессов археологических раскопок кургана пазырыкской культуры исследователями XIX в.:

1 – вид кургана до раскопок; 2 – разрез кургана;
3 – погребальная камера (по: Радлов В.В., 1989)

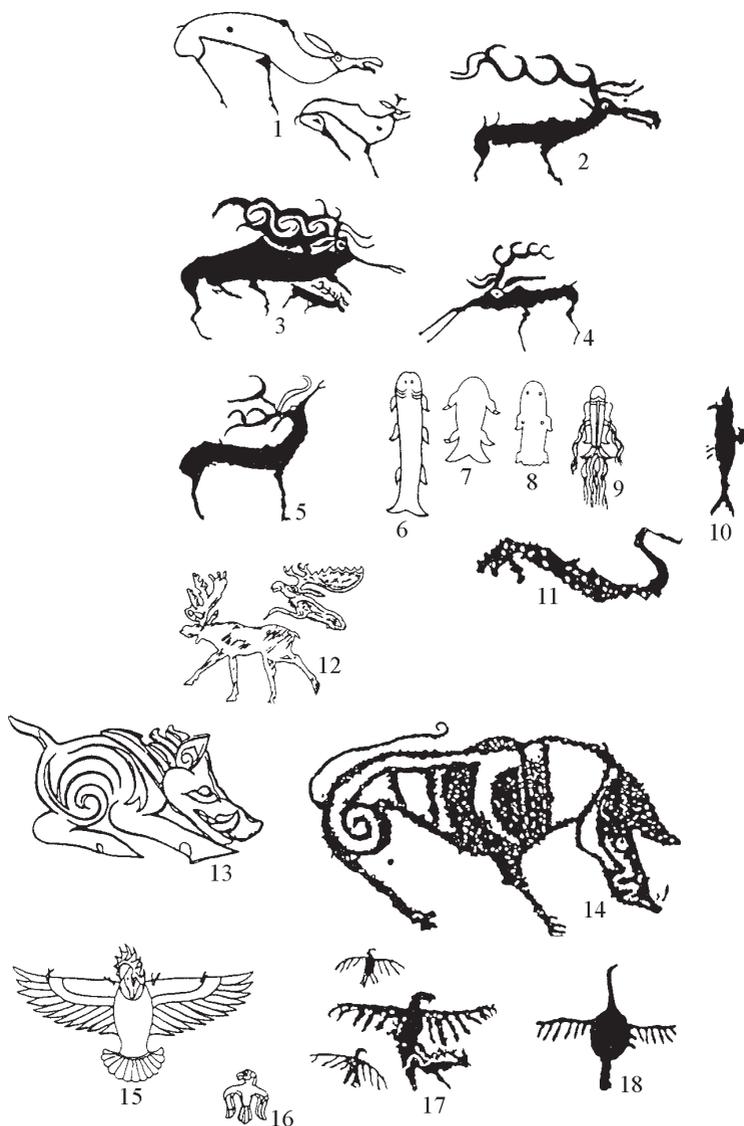

Рис. 31. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая (1–5, 10, 11, 14, 17, 18).

Образы животного мира из курганов пазырыкской культуры:
олени и лоси (1–5, 12); рыбы (6–11); кабаны (13–14); птицы (15–18)
(по: Кубарев В.Д., 1999, с. 86, 88, 90)

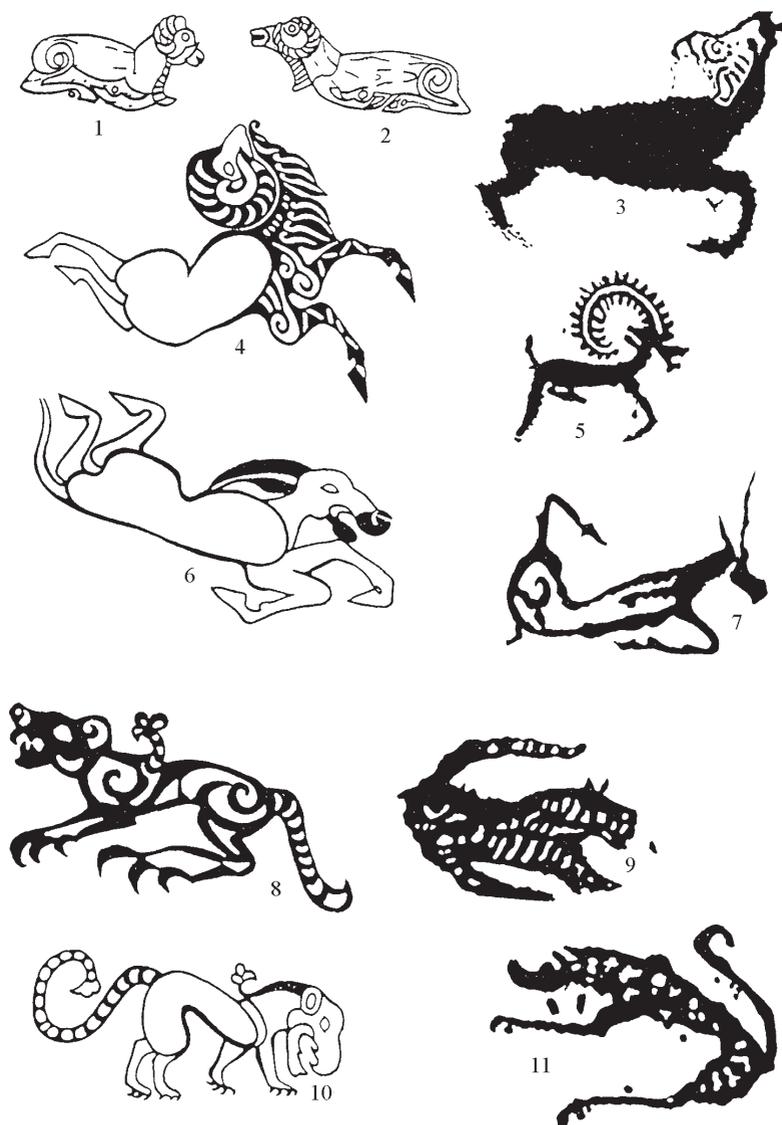

Рис. 32. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая (3, 5, 7–11).

Изображения животных из курганов пазырыкской культуры:
бараны, козлы, козули и ослы (1–7); хищники (8–11)

(по: Кубарев В.Д., 1999, с. 88–89)

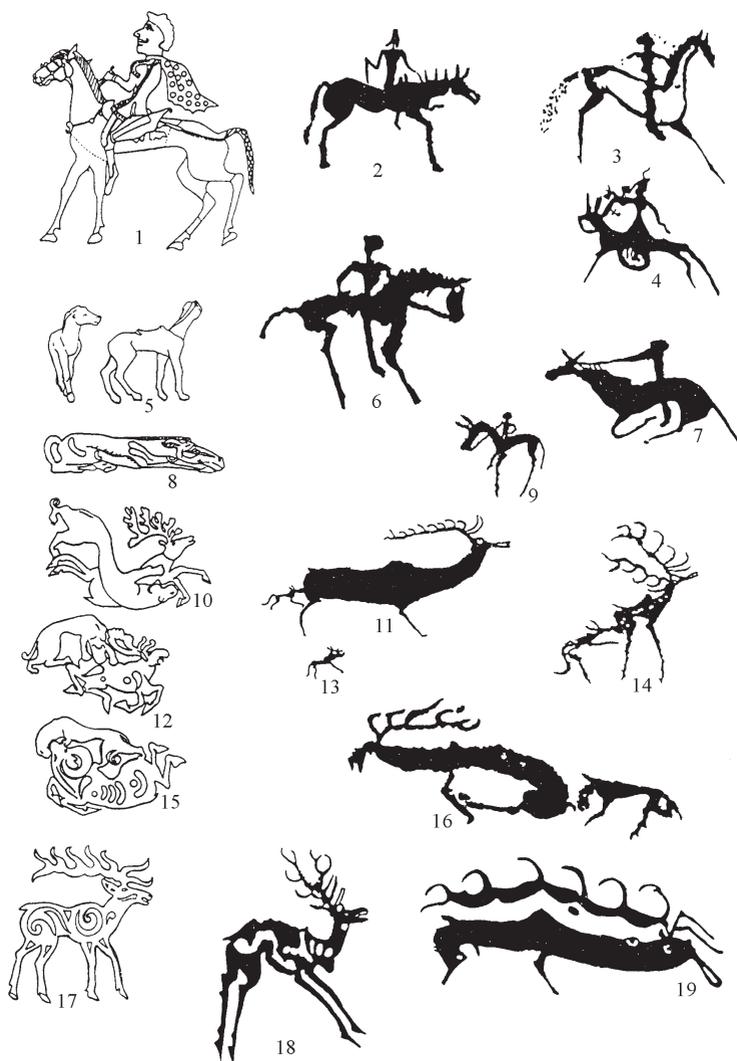

Рис. 33. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая (2, 4, 6, 7, 9, 11, 13, 14, 16, 18, 19). Изображения из курганов пазырыкской культуры: всадники и лошади (1–4, 5, 8, 9); олени (11, 13, 14, 16–19); сцены нападения (10, 12, 15) (по: Кубарев В.Д., 1999, с. 86–87, 91)

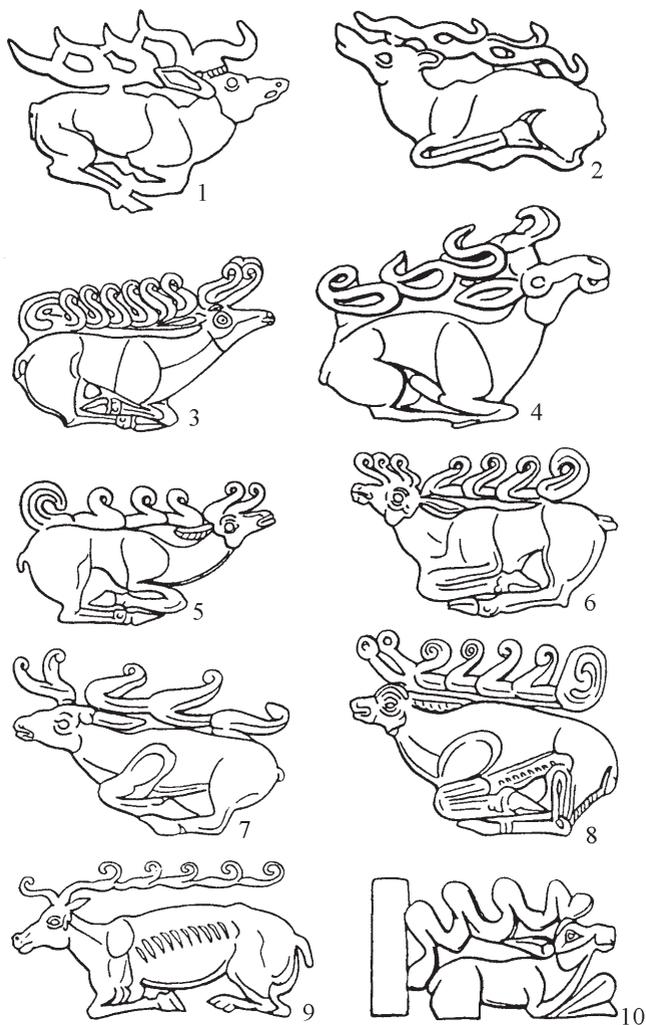

Рис. 34. Олени «в позе с подогнутыми ногами».

1 – V Чиликтинский курган; 2 – Минусинский музей;
3 – Костромской курган; 4 – Полтавская область; 5, 6 – Мельгуновский курган; 7 – Зивие; 8, 9 – Келермес; 10 – I Пазырыкский курган.
1–9 – подборка по С.С. Черникову (по: Баркова Л.Л., 1990, с. 57)

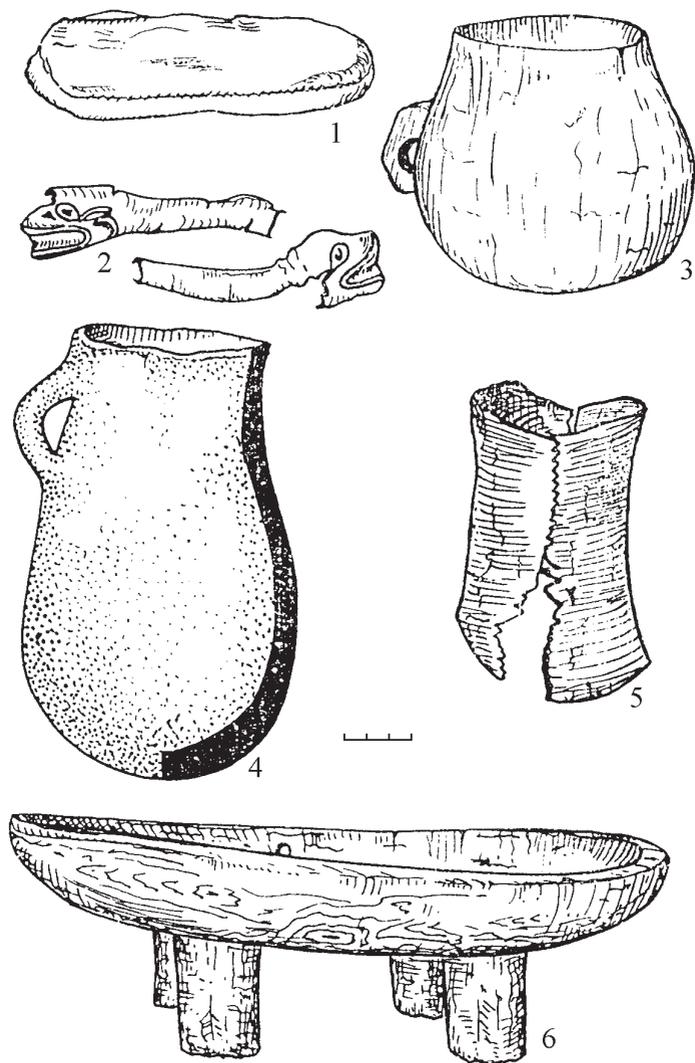

Рис. 35. Предметы из кургана №2 могильника Уландрык-I.
Кенотаф (по: Кубарев В.Д., 1987, с. 206)

Рис. 36. Предметы из кургана №1 могильника Ташанта-I:
1 – бронзовый чекан на деревянной рукоятке; 2 – бронзовый кинжал;
3 – деревянные ножны; 4 – деревянные нашивные бляшки, покрытые листовым железом; 5 – деревянные скульптурные изображения голов коней; 6 – бронзовое зеркало; 7 – объемная деревянная фигурка коня; 8, 11 – деревянные бляшки; 9–10 – деревянные наконечники гривны в виде фигур волков; 12 – фрагментарная деревянная фигурка оленя; 13 – деревянные пластины-пряжки; 14 – деревянные поясные бляхи; 15 – деревянная основа колчана; 16 – деревянная бляшка-застежка на колчан; 17 – роговые и деревянные наконечники, древки стрел и остатки лука (по: Кубарев В.Д., 1987, с. 285)

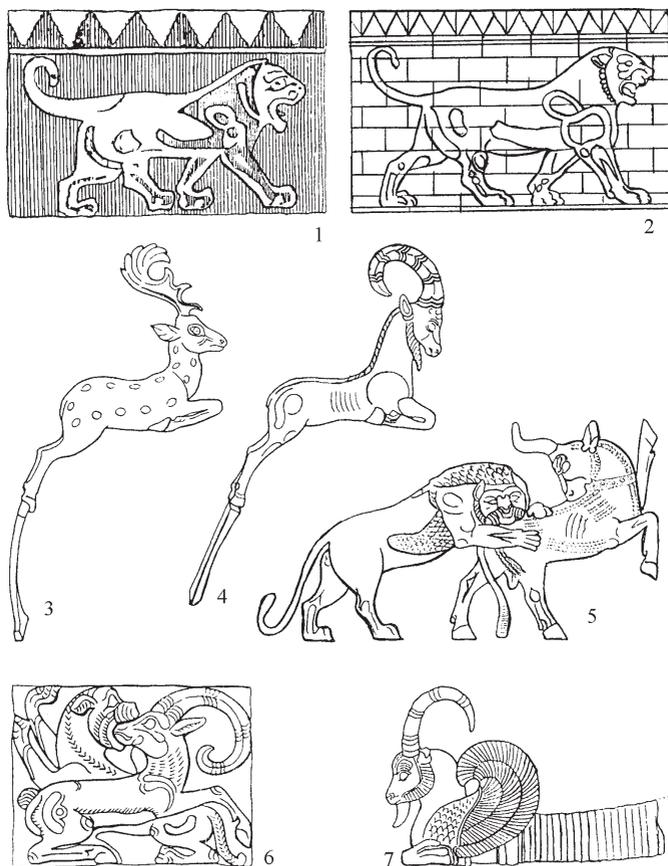

Рис. 37. Предметы и изображения из ахеменидского Ирана или выполненные под сильным влиянием его мастеров.

Местонахождения: 1 – Пазырык-5 (Алтай); 2 – г. Сузы (Персия);
 3 – р. Бухтарма (Алтай); 4 – Амударьинский клад (Средняя Азия);
 5 – Персеполис (Персия); 6 – Пазырык-2 (Алтай); 7 – Семь Братьев, к. 4 (Кубань).
 Масштабы разные. Материал: 1 – шерстяная ткань; 2 – цветной кафель;
 3, 4 – серебро, золото; 5 – камень; 6, 7 – серебро. Функции:
 1 – часть нагрудника (функциональное назначение седла);
 2 – облицовочные плитки дворца; 3, 4 – ручки сосудов (?);
 5 – рельеф на лестнице, ападаны в Персеполе; 6 – накладка для пояса;
 7 – ритон (по: Марсадолов Л.С., 1987, с. 36)

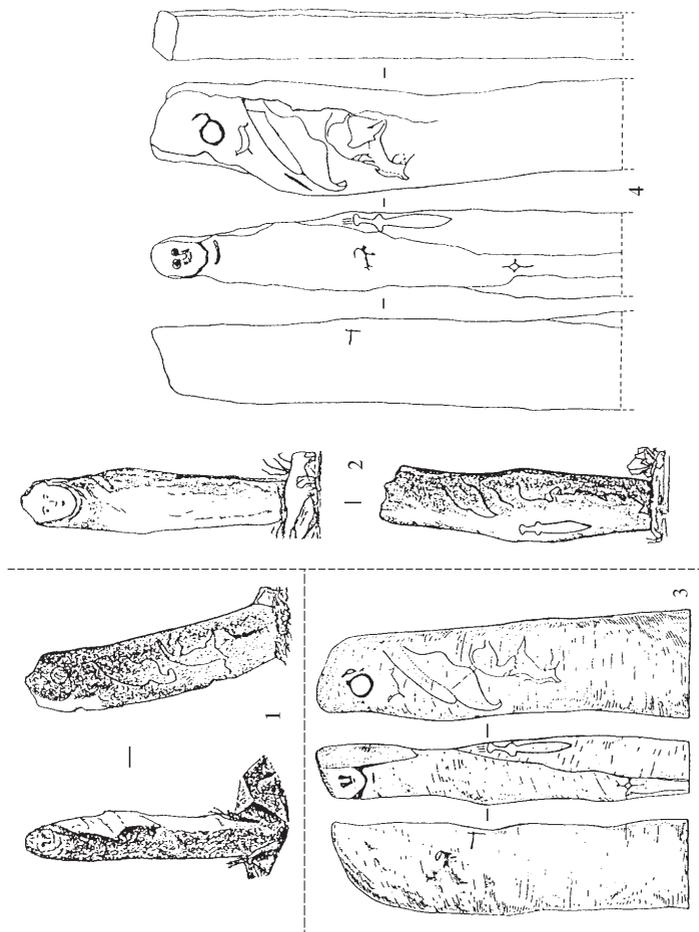

Рис. 38. – Чуйский оленный камень. VIII–VII вв. до н.э. Прорисовки: 1 – по Г.Н. Потанину, 1885; 2 – по Н.М. Ядринцеву, 1883; 3 – по В.Д. Кубареву; 4 – по Л.С. Марсадолову (по: Марсадолов Л.С., 1986, с. 89, 93–94)

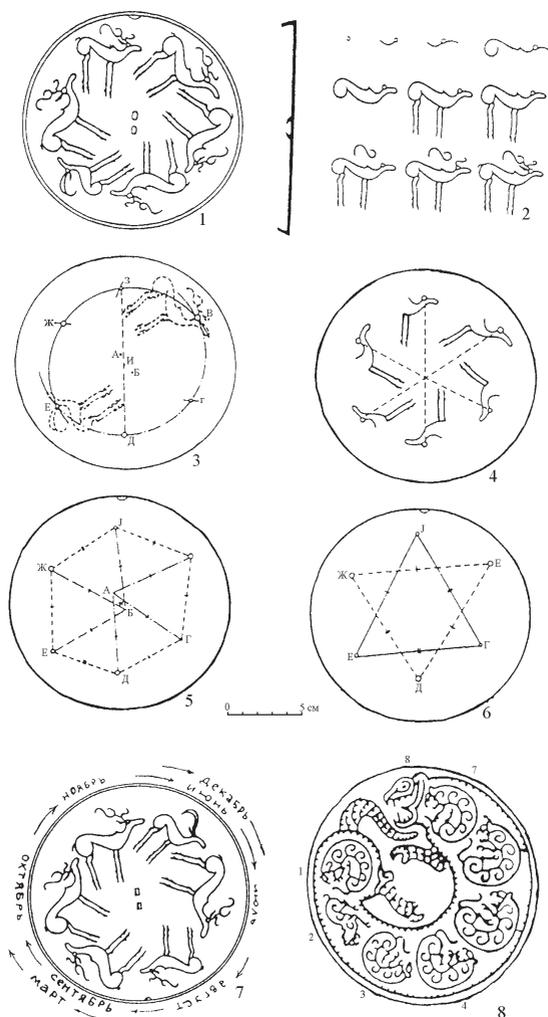

Рис. 39. Бронзовое зеркало из Усть-Бухтармы-1 (коллекция П.К. Фролова, VIII в. до н.э.): 1 – вид зеркала и его разрез; 2 – последовательность рисования фигуры оленя; 3–6 – предполагаемая семантика разметки на зеркале (по: Марсадилов Л.С., 1996, с. 89, 92); зеркало из Усть-Бухтармы (7); зеркало из коллекции Х. Биддера (8) (по: Ларичев В.Е., Ефремова Н.С., 1998, с. 328)

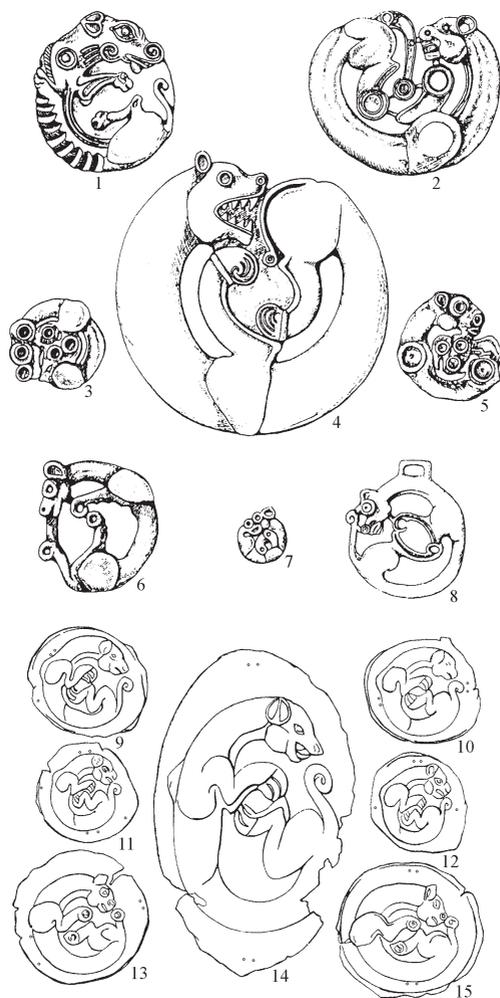

Рис. 40. Изображения свернувшихся в кольцо хищников в раннем искусстве саков и скифов: 1 – бляха из Зивие, золото; 4 – бляхи из Аржана, бронза; 2, 8 – бляхи из Чиликты, золото; 6 – бляха из Сибирской коллекции Петра I, золото; 3, 7 – бляха из кургана №33 могильника Уйгарак, бронза; 5 – пряжка-пронизь из Келермеса, кость (по: Баркова Л.Л., 1987, с. 24); 9–15 – бляхи из Майэмира (по: Баркова Л.Л., 1983, с. 22)

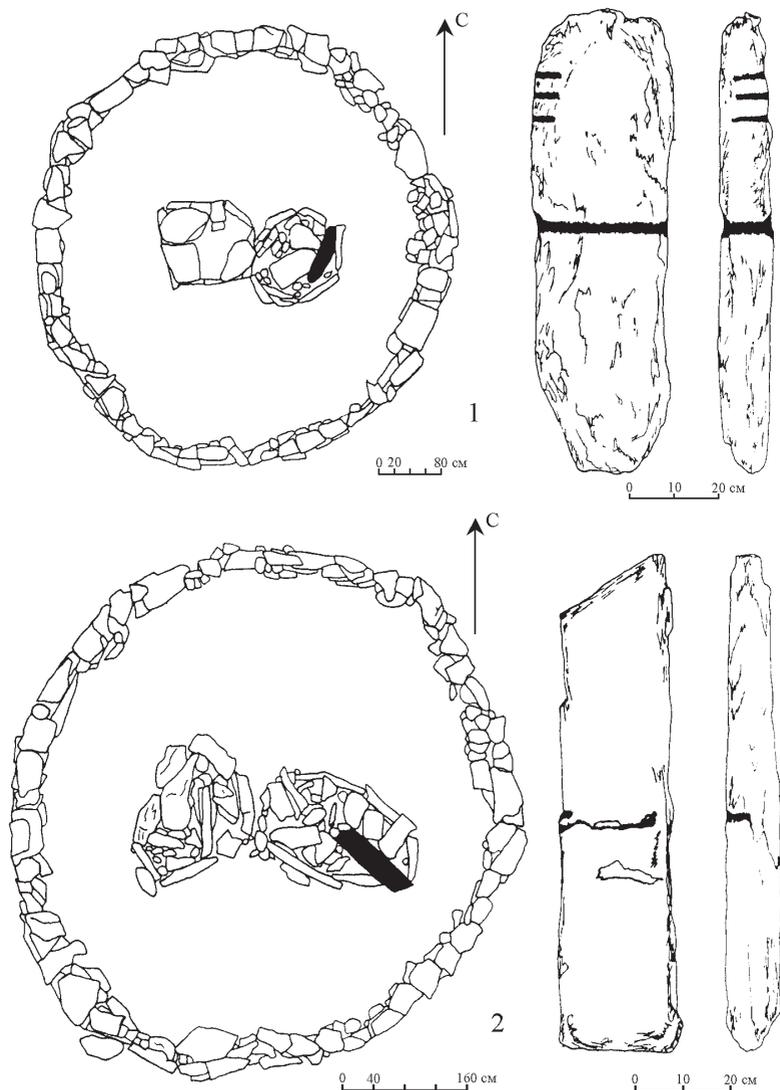

Рис. 41. Бийке. Курган №8 (1) и курган №9 (2) (по: Тишкин А.А., 1996а)

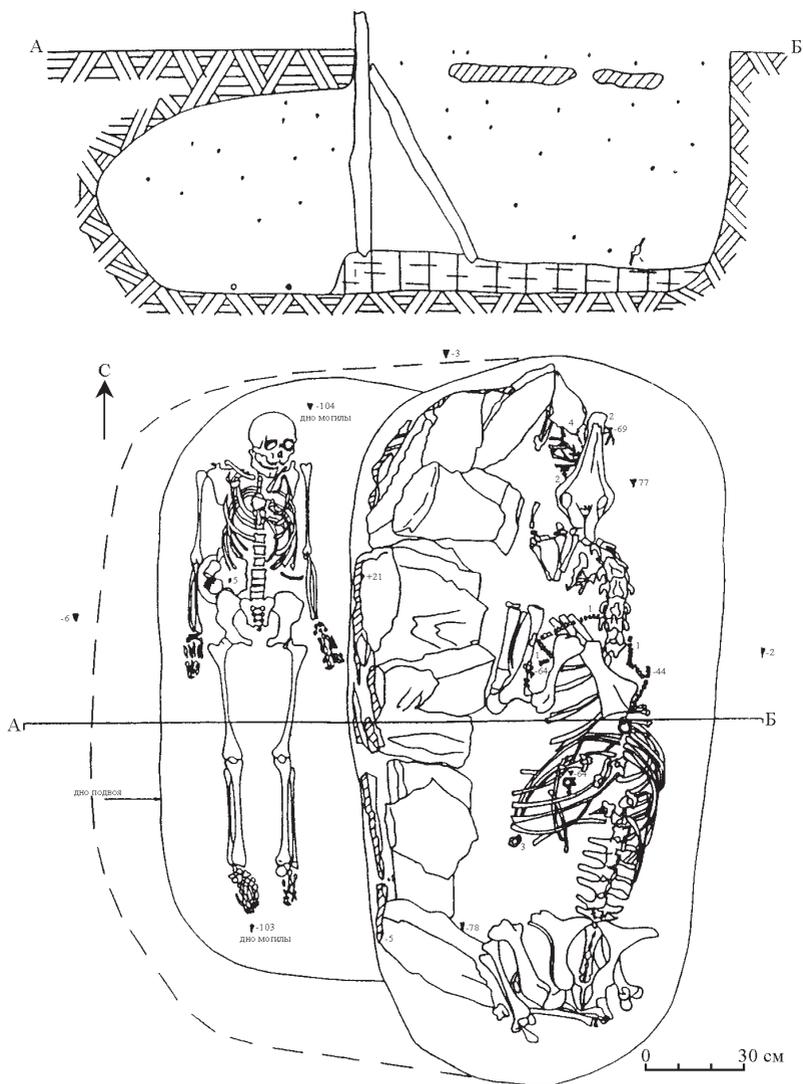

Рис. 42. Машенка-I (по: Демин М.А., Шульга П.И., 1995)

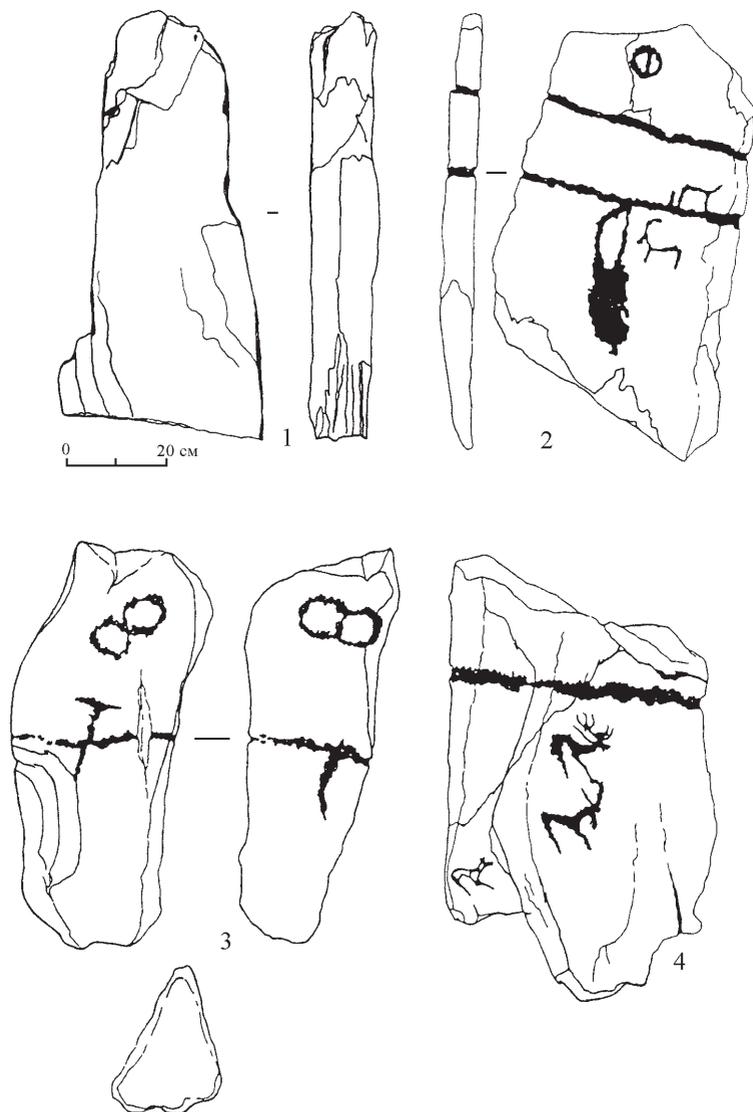

Рис. 43. Каменная стела из кургана №24 могильника Бийке (1)
(по: Тишкин А.А., Майчиков О.В., 1997). «Оленные» камни (2–4)
из памятника Ак-Алаха-II (по: Полосьмак Н.В., 1993)

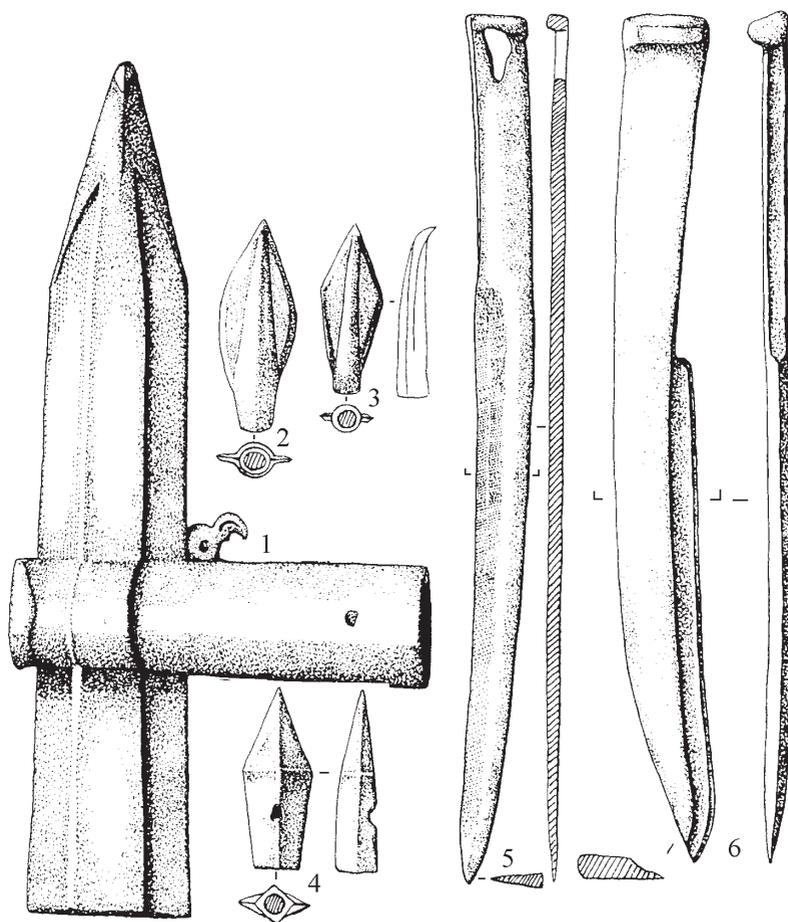

Рис. 44. Предметный комплекс бийкенской культуры:
1 – с. Элекмонар (бронзовый чекан); 2 – Кор-Кобы (наконечник стрелы);
3 – Кызык-Телань (наконечник стрелы); 4 – Яломанские Ворота
(наконечник стрелы); 5 – Усть-Куюм (бронзовый нож);
6 – Бийке (бронзовый нож) (по: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997)

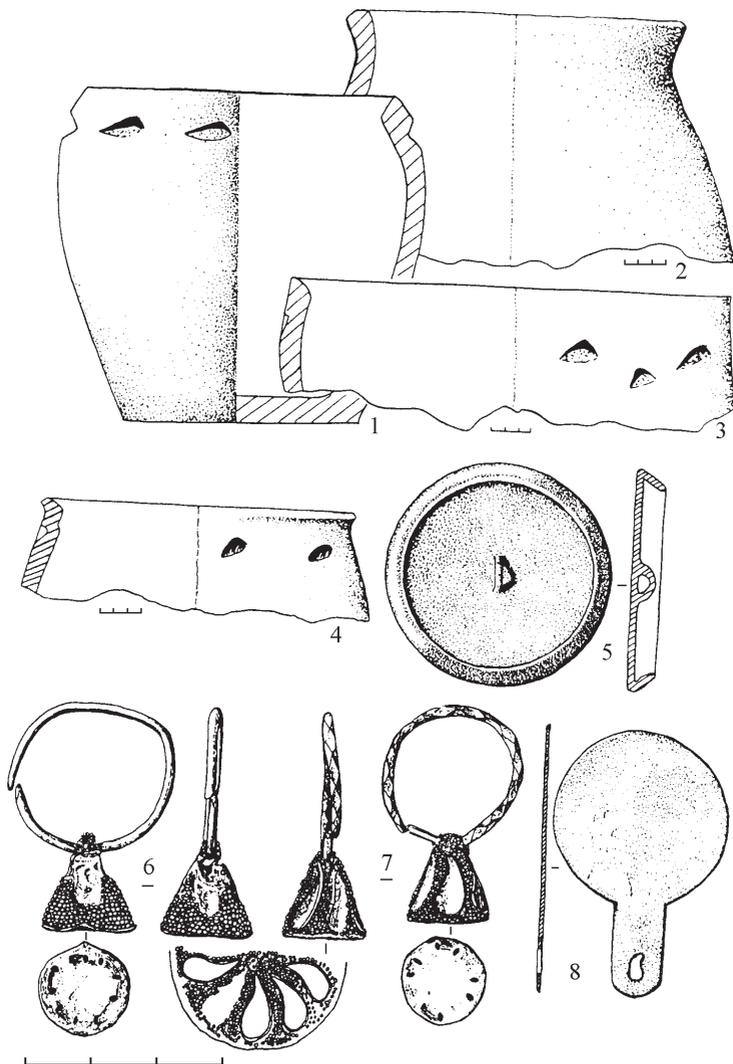

Рис. 45. Предметный комплекс бийкенской культуры: 1–4 – керамика из курганов могильника Бийке; 5 – Кызыл-Джар-IX (бронзовое зеркало); 6–7 – Бойтыгем-II (серьги); 8 – курган №26 могильника Тыткескень-VI (бронзовое зеркало) (по: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997)

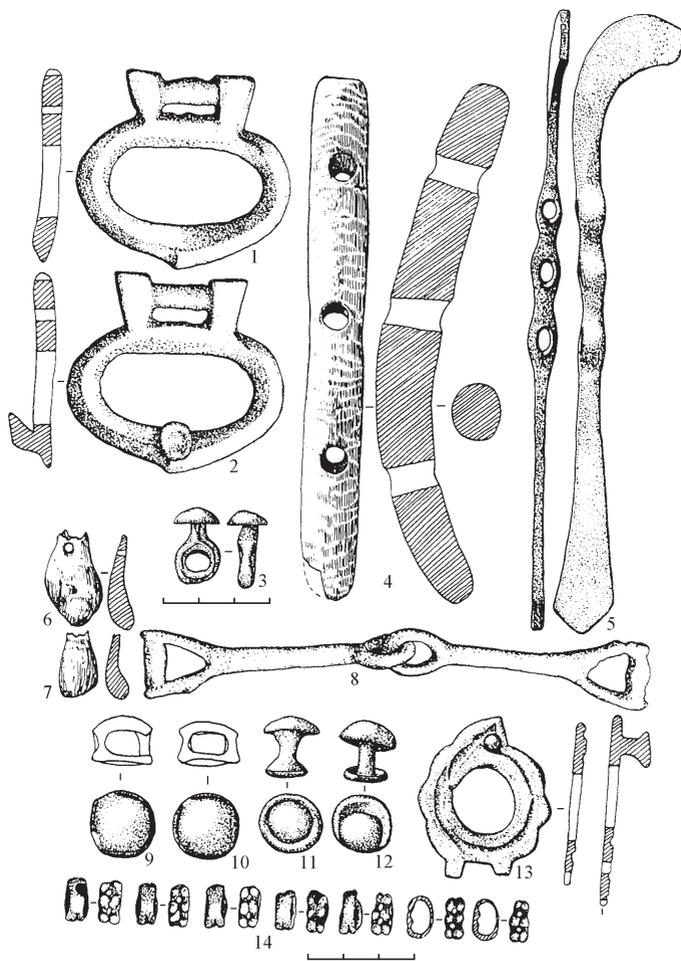

Рис. 46. Предметный комплекс бийкенской культуры: 1–2 – курган №1 могильника Элекмонар (бронзовые пряжки); 3 – Тыткескень-I (бронзовая застежка); 4 – курган №6 Бийке (трехдырчатый псалий из рога); 5 – Бойтыгем-II (бронзовый трехдырчатый псалий); 6–7 – подвески из Элекмонара-II; 8 – Бойтыгем-II (бронзовые удила); 9–10 – Элекмонар-II (бронзовые пряжки); 11–14 – Элекмонар-II (бронзовые предметы конского снаряжения)
(по: Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997)

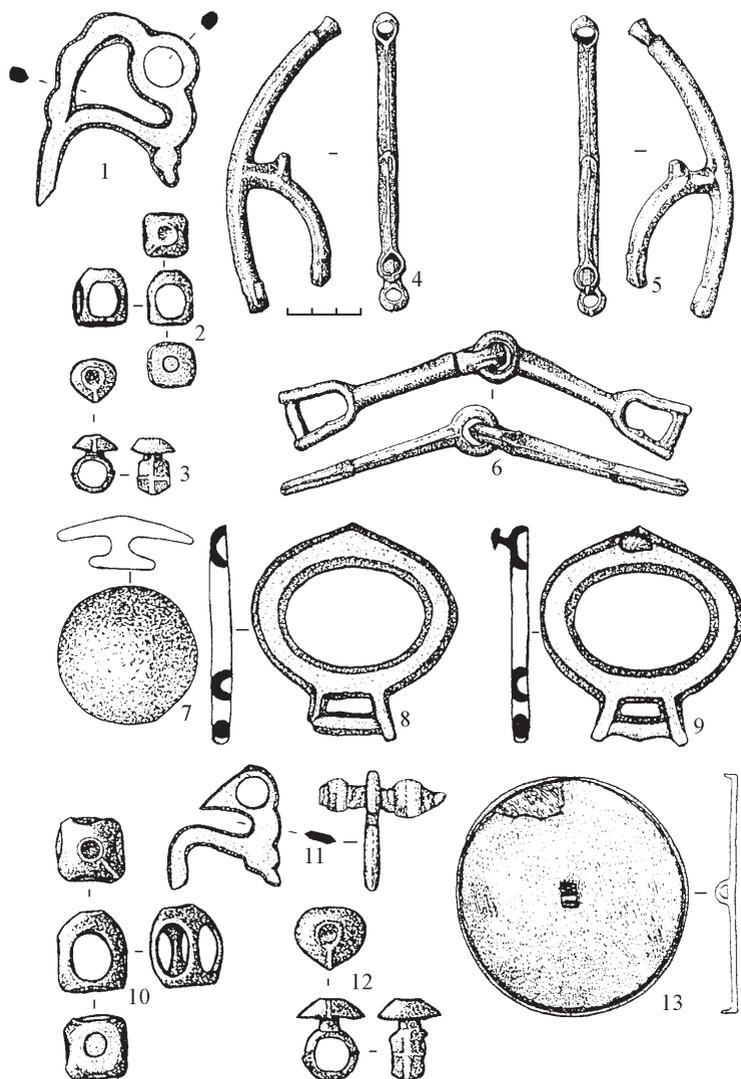

Рис. 47. Предметный комплекс майэмирской культуры
 (по материалам кургана №1 могильника Машенка-I):
 1–12 – бронзовые изделия для конского снаряжения;
 13 – бронзовое зеркало (по: Шульга П.И., 1998)

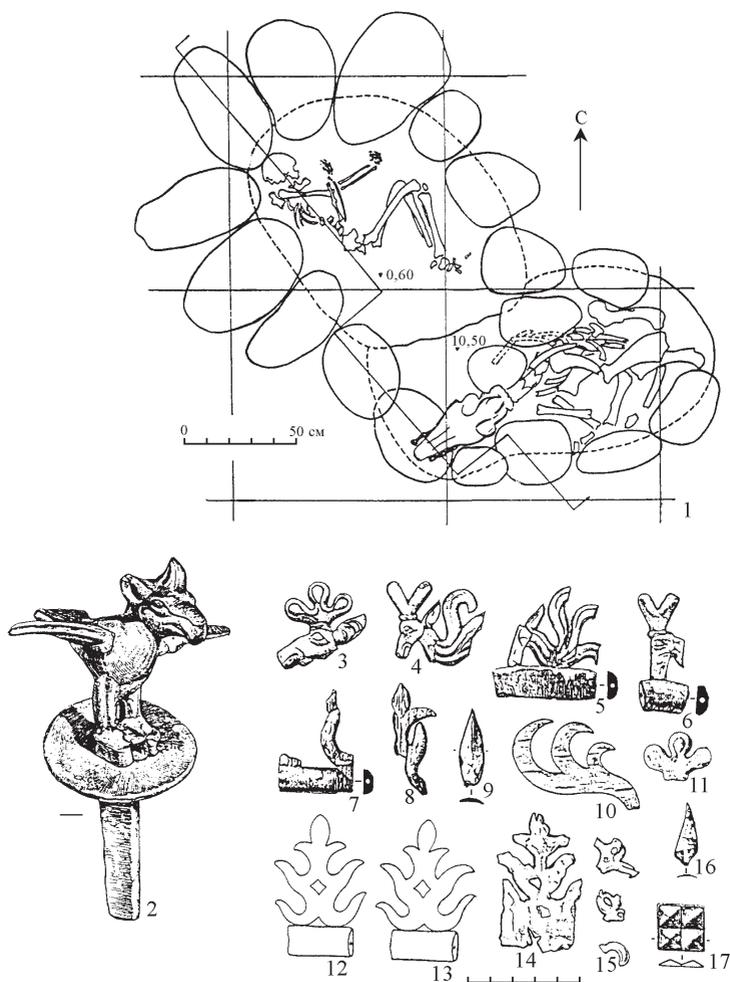

Рис. 48. 1 – каменное кольцо №3 на могильнике Курту-II (по: Сорокин С.С., 1960в, с. 42); 2 – бронзовая фигурка фантастической птицы из Большого Берельского кургана; 3–15 – украшения снаряжения лошади: 3–8, 12–13 – деревянные украшения узды; 9, 16 – бронза, обложенная золотой фольгой; 11, 14 – золотая фольга; 15 – обломки ажурной бронзовой пластинки; 17 – бронзовая пластинка (по: Сорокин С.С., 1969а, с. 218)

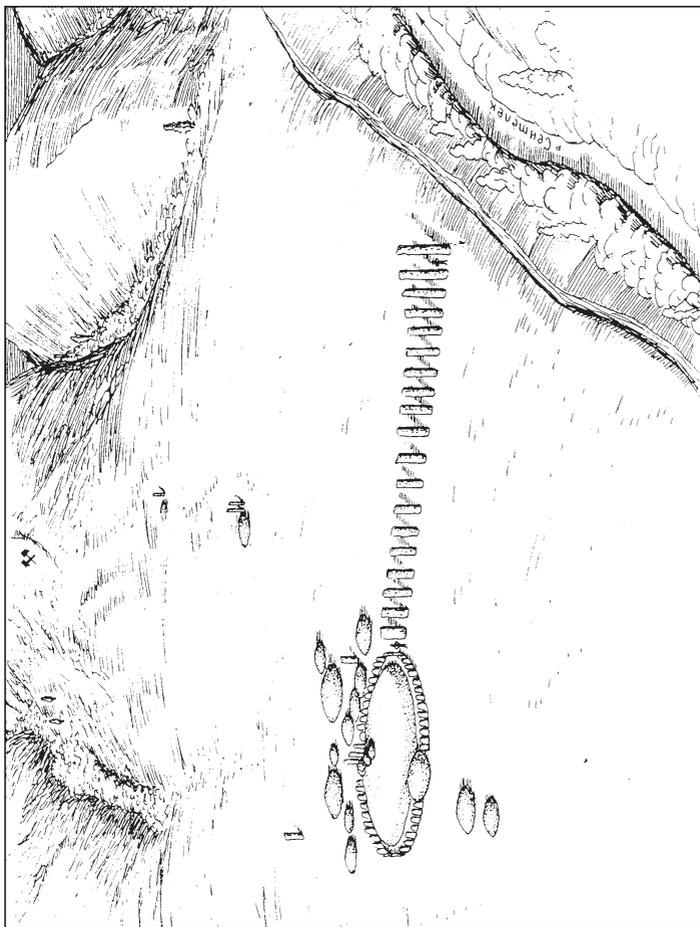

Рис. 49. Реконструкция погребально-поминального комплекса в долине р. Сентелек
(по: Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демян М.А., Тишкин А.А., 2001)

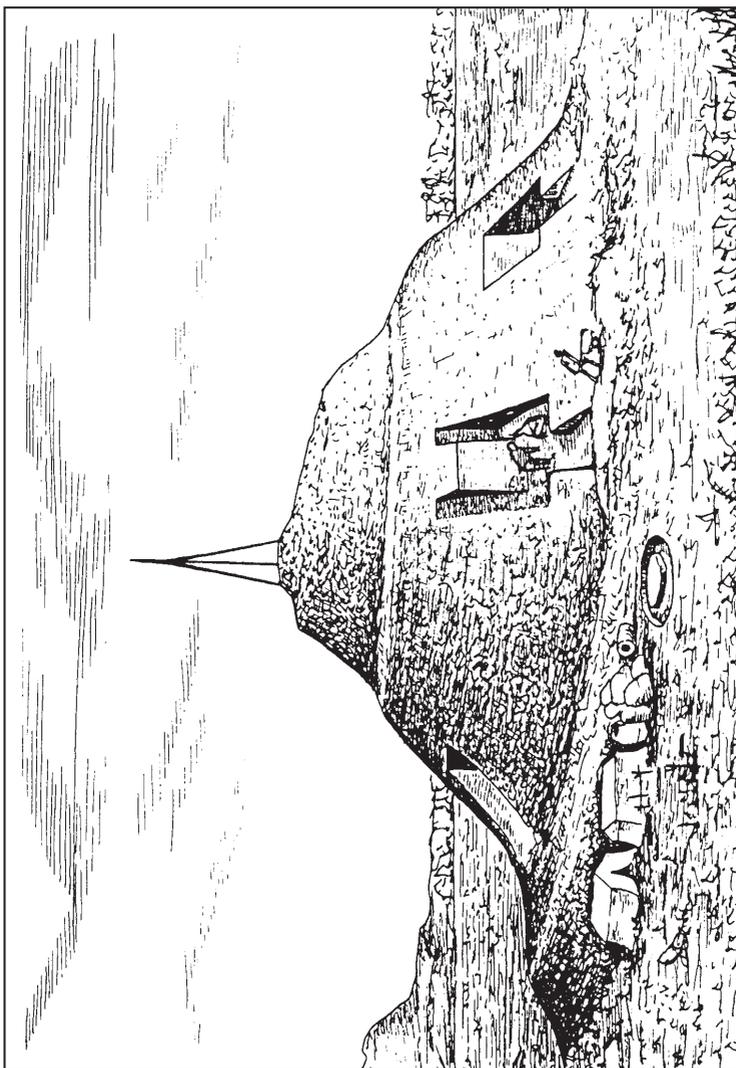

Рис. 50. Реконструкция процесса грабительских раскопок в XVIII–XIX вв. (по: Schiltz V., 1991)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 165–171.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадииков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Аванесова Н.А., Кызласов Л.Р. Памяти М.П. Грязнова // СА. 1985. №4. С. 277–283.

Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980. 335 с.

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 году) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Петроград, 1916. Вып. 62. 94 с.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. 131 с.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. 1958. №1. С. 45–49.

Алексеев В.П. К палеоантропологии Горного Алтая в эпоху раннего железа // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 175–178.

Алекшин В.А. К изучению социальной структуры ранних кочевников Средней Азии (по материалам могильников) // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975а. С. 74–80.

Алекшин В.А. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда (по материалам древнеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975б. С. 49–53.

Алекшин В.А. Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении // Советская археология. 1976. №2. С. 5–14.

Алехин Ю.П. История исследований памятников раннего железного века лесостепного Алтая в предреволюционный период // Историография и источники опыта освоения Сибири. Вып. 1: Досоветский период. Новосибирск, 1988. С. 46–48.

Алехин Ю.П. Из истории исследования памятников раннего железного века лесостепного Алтая // Археология Сибири: историография. Омск, 1995. Ч. II. С. 53–68.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 1999. С. 17–65.

Ануфриев Д.Е. Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 108–111.

Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973. 279 с.

Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 4–13.

Бабушкин А.П., Колмаков В.Б., Писаревский Н.П. У истоков марксистских концепций советской археологии (Формирование стадийного подхода к исследованию древних обществ в сер. 20-х – 1-й пол. 30-х гг.) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово, 1994. С. 26–47.

Балонов Ф.Р. Повозки и ковры в связи с погребальным обрядом, жертвоприношением и молитвенными формулами о населении евразийских степей и предгорий в эпоху бронзы и железа // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М., 1985. С. 9–10.

Балонов Ф.Р. Ворсовый Пазырыкский ковер: семантика композиции и место в ритуале (опыт предварительной интерпретации) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991а. С. 88–121.

Балонов Ф.Р. Скифские гадания: попытка реконструкции семантики и алгоритма // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991б. С. 136–139.

Банников К.Л. Балбалы в пазырыкской космологии (по материалам исследований на плато Укок) // Археoaстрономия: проблемы становления. М., 1996. С. 10–12.

Банников А.Л. «Жертвенники» как социальный маркер (к вопросу о наличии жреческого слоя у кочевников Южного Урала) // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Уфа, 2000. С. 177–183.

Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. Л., 1978. Вып. 19. С. 37–44.

Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. Л., 1979. Вып. 20. С. 55–65.

Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 21. С. 48–58.

Баркова Л.Л. Изображение свернувшегося хищника на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 24. С. 20–31.

Баркова Л.Л. Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших алтайских курганов) // АСГЭ. Л., 1990. Вып. 30. С. 55–66.

Баркова Л.Л. Предметы звериного стиля из коллекции П.К. Фролова // *Степи Евразии в древности и средневековье*. СПб., 2003. С. 14–19.

Баркова Л.Л., Гохман И.И. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб., 1994. С. 24–34.

Баркова Л., Марсадолов Л. М.П. Грязнов (1902–1984) // *Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа*. Л., 1987. Вып. LII. С. 96–97.

Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992. 327 с.

Беленицкий А.М., Пшеницына М.Н. Основные этапы жизни и деятельности М.П. Грязнова // *Северная Азия от древности до средневековья*. СПб., 1992. С. 5–9.

Белокобыльский Ю.Т. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований XVIII – первая треть XX в. Новосибирск, 1986. 168 с.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куном // *Бронзовый и железный век Сибири*. Новосибирск, 1974. С. 18–31.

Бобров В.В. С.А. Теплоухов и некоторые проблемы современной археологии // *Методология и историография археологии Сибири*. Кемерово, 1994. С. 26–47.

Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая // *Скифская эпоха Алтая*. Барнаул, 1986а. С. 46–48.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1986б. 24 с.

Боковенко Н.А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб., 1994. С. 41–48.

Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем народов Центральной Азии в скифскую эпоху // *Жречество и шаманизм в скифскую эпоху*. СПб., 1996. С. 39–42.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Памятники культуры древних тюрок в исследованиях В. Радлова // *Пятое историческое чтения памяти М.П. Грязнова*. Омск, 2000. С. 11–13.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Находки предметов искусства звериного стиля в коллекции Н.К. Витзена // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень, 2001. Вып. 3. С. 122–129.

Бородаев В.Б. Находки из Змеиногорска и их окрестностей, опубликованные в Археологическом атласе 1987 г. // *Охрана и использование па-*

мятников горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Барнаул, 1986а. С. 94–98.

Бородаев В.Б. С.И. Руденко и Алтай // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 3–9.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Возникновение российского сереброплавильного производства на Алтае и основание города Змеиногорска // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 1999. С. 73–127.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тыс. до н.э. в Западной Туве // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. II. С. 143–173.

Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. №4. С. 42–61.

Вайнштейн С.И. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири» // Радлов В.В. Из Сибири (Страницы дневника). М., 1989. С. 640–682.

Варенов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 26–30.

Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле: Каталог изображений. СПб., 2000. 80 с.

Васильева Р.В. Личный фонд М.П. Грязнова. Вопросы обработки и перспективы использования // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987. Ч. 1. С. 9–10.

Васильева Р.В. Фонд М.П. Грязнова в рукописном архиве ИИМК РАН // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 28–30.

Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

Васютин С.А. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 31–35.

Васютин С.А. Моделирование потестарно-политической системы пазырыкского общества // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 19–24.

Виргинский В.С. Петр Козьмич Фролов (1775–1839). М., 1968. 190 с.

Владимиров В.Н., Цыб С.В. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 196–197.

Воробьева-Десятовская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История, культура, связи. М., 1984. С. 61–96.

Всевиов Л.М. Список опубликованных работ М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002. С. 10–17.

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника (Работы Катандинского отряда Горно-Алтайской экспедиции) // СА. 1957. №XXVII. С. 250–268.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев, 1982. 226 с.

Гольмстен В.В. Из области культуры древней Сибири (предварительное соображение) // ИГАИМК. Из истории докапиталистических формаций: Сб. ст. к сорокалетию научной деятельности Н.Я. Марра. М.; Л., 1933. Вып. 100. С. 100–124.

Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Вечная мерзлота – хранительница древностей. Алматы, 2000. 43 с.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. I: Древний Алтай. Барнаул, 1997. 240 с., ил.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. II. С. 227–229.

Грач А.Д. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени // Советская археология. 1967. №3. С. 215–233.

Грач А.Д. Алтай и Тува в скифское время // История Сибири. Л., 1968. Т. I. С. 227–233.

Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.

Грач А.Д. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 249–251.

Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М., 1980. 256 с.

Грюнберг Г.Е. Список печатных трудов С.В. Киселева // СА. 1963. №2. С. 9–11.

Грязнов М.П. Раскопка княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. №2–4. С. 217–219.

Грязнов М.П. Пазырыкский курган // Человек и природа. 1929а. №24. С. 40–42.

Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929б. №11. Стлб. 971–984.

Грязнов М.П. Значение древесины в определении относительного возраста древних сооружений // Природа. 1930а. №2. С. 224–227.

- Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930б. Вып. 2. С. 3–11.
- Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М.; Л., 1937. 44 с.
- Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. С. 399–413.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л., 1940. Вып. 7. С. 15–22.
- Грязнов М.П. Пазырык – погребение племенного вождя на Алтае: Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1945. 593 с. (Архив ИА. Р.2. №346).
- Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. М.; Л., 1947. Вып. 18. С. 9–17.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 160 с. (МИА. №48).
- Грязнов М.П. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников // Успех среднеазиатской археологии. Л., 1975а. Вып. 3. С. 9–12.
- Грязнов М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л. 1975б. С. 6–10.
- Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. М., 1978. №154. С. 9–18.
- Грязнов М.П. Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 4–7.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.
- Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–18.
- Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178.
- Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. 136 с.
- Грязнов М.П., Булгаков А.П. Древнее искусство Алтая. Л., 1958. 96 с.
- Гумилев Л.Н. Сергей Иванович Руденко. Потери науки // Известия Всесоюзного Географического общества. Л., 1970. Т. 102. Вып. 1. С. 91–93.
- Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыкского кургана // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 44–47.
- Дашковский П.К. Основные проблемы изучения поселений скифской эпохи Горного Алтая // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 183–185.

Дашковский П.К. Некоторые проблемы и направления изучения скифской эпохи Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 66–74.

Дашковский П.К. К вопросу о служителях культа в пазырыкском обществе // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001а. С. 313–319.

Дашковский П.К. Основные аспекты изучения религиозно-мифологических представлений пазырыкцев // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001б. №6. С. 73–80.

Дашковский П.К. Основные аспекты изучения этнокультурной ситуации в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э. // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001в. С. 82–89.

Дашковский П.К. Проблема реконструкции социальной организации кочевников Горного Алтая скифской эпохи в творчестве С.И. Руденко // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001 г. С. 109–112.

Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

Дашковский П.К. Синкретизм религиозно-мифологической системы и служители культа у кочевников Горного Алтая скифской эпохи // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №11. С. 59–72.

Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М.; Л., 1948. Т. 4. 392 с.

Демин М.А. Чудские копи Алтая по литературным источникам XVIII века // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977. С. 27–30.

Демин М.А. Из истории первых известий археологии Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 131–138.

Демин М.А. История археологического изучения Алтая (дооктябрьский период): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 22 с.

Демин М.А. Вопрос об этнической принадлежности древних обитателей Алтая в трудах дореволюционных исследователей // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 3–9.

Демин М.А. Русские рудно-поисковые партии XVIII – начала XIX вв. о древних горных разработках Алтая // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Барнаул, 1986. С. 93–94.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.

Демин М.А. Вклад местных отделений географического общества в археологическое изучение Алтая в конце XIX – начале XX в. // Географические проблемы Алтайского края. Барнаул, 1991. Ч. 1. С. 23–25.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Российско-японская программа «Пазырык» – первый год совместных исследований // Вестник древней истории. 1992. №3. С. 227–229.

Длужневская Г.В., Лазаревская Н.А., Медведева М.В. Научное наследие Михаила Петровича Грязнова в фотоархиве ИИМК РАН // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 35–41.

Дмитриева Е.Н., Левашова В.П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА. 1965. №2. С. 225–236.

Долуханов П.М. С.И. Руденко и развитие естественно-научных методов в археологии // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 9–13.

Долуханов П.М. Сергей Иванович Руденко. Некролог // Советская археология. 1970. №2. С. 303–304.

Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск, 1994. 224 с.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов и изучение петроглифов Тувы и Западных Саян // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 41–64.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов. Материалы к биографии // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992. С. 93–103.

Дэвлет М.А. 140 лет со дня рождения исследователя Алтая А.В. Адрианова (1854–1920) // Страницы истории Алтая. 1994: Библиографический указатель. Барнаул, 1993. С. 91–101.

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов как исследователь Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. XVIII. С. 113–134.

Евтюхова Л.А. Рец. на работу С.И. Руденко: Культура населения Горного Алтая в скифское время (М.; Л., 1953. 402 с.) // Вопросы истории. 1954. №6. С. 145–150.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 426–543.

Жук А.В. Палеоэтнология Санкт-Петербурга – Петрограда. Из предыстории научного становления М.П. Грязнова // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1987. Ч. 1. С. 18–21.

Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири 1860–1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995а. 29 с.

Жук А.В. Археологи Русского музея в Сибири: 1920-е годы // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1995б. Ч. 1. С. 35–38.

Жук А.В. Дебют ИКСа // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997. С. 53–56.

Жук А.В. Материалы к биографии М.П. Грязнова. Отец Михаила Петровича – Петр Никандрович Грязнов (1865–1914) // Сибирские древности: памятники археологии и художественное творчество. Омск, 2002. С. 6–10.

Завитухина М.П. Собрание М.П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. Л., 1971. Вып. 18. С. 41–51.

Завитухина М.П. Об одном архивном документе по истории Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. Л., 1974. Вып. 39.

Завитухина М.П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977.

Заднепровский Ю.А. Номады Северной Центральной Азии после вторжения Александра // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. СПб., 1997а. С. 10–29.

Заднепровский Ю.А. Пути миграции юечжей по новым археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. СПб., 1997б. С. 73–79.

Замоторин И.М. Относительная хронология пазырыкских курганов // СА. 1952. №1. С. 21–30.

Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. №3.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г. (Верховья Катунь) // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. 338 с. + вкл. 12 с.

Зуев В.Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье. СПб., 2003. 72 с.

Институт археологии сегодня: Сборник научных биографий. М., 2000. 248 с.

Исмагилов Р.Б. О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 265–283.

Исмагилов Р.Б. Ранние скифы и Центральная Азия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 18 с.

Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: Библиографический словарь. Барнаул, 2000. 280 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1977. Т. 1. 479 с.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.

Камбалов Н.А., Сергеев А.Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, 1968. 72 с.

Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992а. С. 55–56.

Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992б. С. 54–58.

Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрянской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 118–120.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 70–75.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А. Исследование и музеефикация «царского» кургана в долине Сентелека // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 29–36.

Киселев С.В. Из работ Алтайской экспедиции Государственного исторического музея в 1934 г. // Советская этнография. 1935. №1. С. 97–106.

Киселев С.В. Курайская степь и Старо-Бардинский район // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 298–304.

Киселев С.В. Алтай в скифское время (майэмирская культура) // Вестник древней истории. 1947. №2. С. 157–172.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 362 с. (МИА. №9).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.

Китова Л.Ю. Эволюционно-этнологические концепции С.А. Теплоухова // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово, 1994. С. 26–47.

Китова Л.Ю. Значение Саяно-Алтайской экспедиции и исследований С.В. Киселева в изучении археологических памятников Сибири // Археолого-этнографический сборник. Кемерово, 2003. С. 10–38.

Кладова В.П. Адрианов Александр Васильевич // Исследователи Алтайского края XVIII – начала XX в. Барнаул, 2000. С. 5–7.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993. 128 с.

Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 312–339.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. 165 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 169–177.

Ковалев А.А. Варварские племена скифской эпохи на границах китайского государства (к проблеме локализации) // Северная Азия от древности до средневековья. Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 97–100.

Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 75–82.

Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствоведения и «звериный стиль» скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий. СПб., 1996.

Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 55–60.

Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 145–162.

Кочеев В.А. Воины в социальной структуре пазырыкского общества // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (Социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 70–71.

Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш-III // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990а. С. 210–224.

Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990б. С. 105–118.

Кочеев В.А. Охранные раскопки Горно-Алтайского музея в 1989 году // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 91–93.

Кочеев В.А. Раннескифские памятники Средней Катуни // Проблема сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 51.

Кочеев В.А. Некоторые вопросы миграционных процессов в I тыс. до н.э. в Горном Алтае // Палеодемография и миграционные процессы Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 95–97.

Кочеев В.А. Курганный могильник Айрыдаш-IV на Средней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Мат. науч.-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 134–137.

Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997а. №2. С. 147–152.

Кочеев В.А. Средний слой пазырыкского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 112–114.

Кочеев В.А. К вопросу о защитном вооружении кочевников Горного Алтая в скифское время // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск. №3. 1998а. С. 83–88.

Кочеев В.А. Некоторые вопросы военного дела и военного искусства древних кочевников Горного Алтая скифского времени // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998б. Т. I. С. 271–276.

Кочеев В.А. Погребение в с. Эликманар и оружейный комплекс в курганах кара-кобинского типа (по материалам горно-алтайских курганов скифского времени) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 82–84.

Кочеев В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш-IV в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №4. С. 21–30.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 70–81.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992а. 240 с.

Крадин Н.Н. Некоторые аспекты иерархии социального пространства у кочевников Евразии // *Пространство и время в архаичных культурах*. М., 1992б. С. 26–28.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Археологические исследования у борма Коркечу (Центральный Алтай) // *Археологические исследования в районах новостроек Сибири*. Новосибирск, 1985. С. 130–137.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катунь // *Археологические исследования на Катунь*. Новосибирск, 1990. С. 7–22.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.

Кубарев В.Д. Курган скифского времени в устье реки Тургунды // *Материалы к изучению прошлого Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1992а. С. 79–91.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992б. 220 с.

Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997. 30 с.

Кубарев В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул, 1999. С. 84–92.

Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи // *Сибирь в древности*. Новосибирск, 1979. С. 61–75.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // *Археологические исследования на Катунь*. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // *Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах*. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–109.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.

Кубарев В.Д., Якобсон Э., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // *Altaica*. 1993. №2. С. 63–68.

Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии бон. СПб., 1998. 352 с.

Кузьмин Н.Ю. Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая (опыт реконструкции) // *Скифо-сибирский мир (Социальная структура и общественные отношения)*. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 23–27.

Кузьмин Н.Ю. Генезис саяно-алтайского шаманизма по археологическим источникам // Северная Азия от древности до средневековья: Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 125–130.

Курочкин Г.Н. Сюжетные изображения на войлочных кошмах из пятого Пазырыкского кургана (к предьстории шаманизма в Южной Сибири и Центральной Азии) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. I: Досоветский период. Новосибирск, 1988. С. 71–72.

Курочкин Г.Н. Евроскифская и тагарская социальные модели // Скифо-сибирский мир (Социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 36–39.

Курочкин Г.Н. Скифо-сибирский шаманизм (к реконструкции религиозной системы ранних кочевников Саяно-Алтая) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 2. С. 39–41.

Курочкин Г.Н. Путешествие в преисподню: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // Скифы. Сарматы. Русь. СПб., 1993а. С. 27–31. (ПАВ. №6).

Курочкин Г.Н. Сакральный центр ранних кочевников Алтая (археолого-этнографическая реконструктивная модель) // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993б. С. 93–98.

Курочкин Г.Н. Скифские корни южносибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» Пазырыкских курганов // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 8. С. 60–68.

Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1958. №4. С. 71–99.

Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 43–52.

Кызласов Л.Р. Древняя история Тувы (от палеолита до IX в.). М., 1979. 207 с., 156 ил.

Кызласов Л.Р. Киселев Сергей Владимирович (1905–1962 гг.) // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №11. С. 20–22.

Кызласов Л.Р., Левашова В.П. Сергей Владимирович Киселев // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 7–12.

Ларичев В.Е., Ефремова Н.С. Календари «страны стерегущих золото грифов». Реконструкция систем счисления времени на Алтае в скифскую эпоху // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 319–330.

Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. 415 с.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб., 1992. 464 с.

Литвинский Б.А. Среднеазиатские народы и распространение буддизма (II вв. до н.э. – III вв. н.э., письменные источники и лингвистические данные) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 128–135.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. 270 с.

Литвинский Б.А. Семантика древних верований памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 90–121.

Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С. 4–28.

Литвинский Б.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. К ранней истории саков Восточного Туркестана // Народы Азии и Африки. 1985. Вып. 5.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 5–216.

Лыжникова О.Г. Этнографическое наследие Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы XL РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. III. С. 70–74.

Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., Цыб С.В. С.И. Руденко и некоторые проблемы древней истории Алтая // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 90–93.

Манцевич А.П. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Марр Н.Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Л., 1926.

Марр Н.Я. К отчету о заграничной командировке (17/III–22/VI–1929) // Доклады Академии наук СССР. Л., 1929. Вып. 17. С. 321–327.

Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 11–22.

Марсадолов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // СГЭ. Л., 1982. Вып. 47. С. 30–33.

Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

Марсадолов Л.С. Две группы памятников кочевников Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987а. С. 101–104.

Марсадолов Л.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратных курганов // АСГЭ. Л., 1987б. Вып. 28. С. 30–37.

Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // АСГЭ. Л., 1988. Вып. 29. С. 65–81.

Марсадолов Л.С. Астрономическая обсерватория в Горном Алтае // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. СПб., 1991. С. 27–29.

Марсадолов Л.С. Комплекс археологических памятников у скалы Кара-Бом (пункт Семисарт I) в Горном Алтае // Северная Азия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 114–118.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996а. 100 с.

Марсадолов Л.С. Пазырыкский грифон и современность // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996б. С. 137–139.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талдура). СПб., 1997а. 56 с.

Марсадолов Л.С. Об этногенезе пазырыкцев Алтая // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997б. С. 77–80.

Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI–IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997в. С. 96–99.

Марсадолов Л.С. Археoaстрономические исследования памятников VIII–VII вв. до н.э. в Саяно-Алтае // Древняя астрономия: небо и человек. М., 1997г. С. 47–48.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удилов, пса-лиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 5–24.

Марсадолов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999а. С. 104–107.

Марсадолов Л.С. Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX–VI вв. до н.э. // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово. 1999б. Т. 1. С. 152–163.

Марсадолов Л.С. О периодичности и ритмичности явлений в истории и археологии // Вопросы археологии и истории Южной Сибири: Сб.

ст. к 75-летию со дня рождения А.П. Уманского. Барнаул, 1999в. С. 183–196.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2000а. 56 с.

Марсадолов Л.С. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н.э. // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000б. С. 69–72.

Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Мат. темат. науч. конф. СПб., 2000в. С. 206–210.

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб., 2001. 184 с., ил.

Марсадолов Л.С. Главные научные темы в творчестве М.П. Грязнова // Сибирские древности: памятники археологии и художественное творчество. Омск, 2002а. С. 6–10.

Марсадолов Л.С. Классификация археологических предметов I тыс. до н.э. из Южной Сибири // Первобытная археология. Человек и искусство: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения Я.А. Шера. Новосибирск, 2002б. С. 118–125.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX–IV вв. до н.э. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий: Сб. науч. тр. Барнаул, 2002в. С. 36–43.

Марсадолов Л.С. Общая «модель мира» и археологические источники // Человек в пространстве древних культур: Мат. Всерос. науч. конф. (20–25 августа 2003 г., Аркаим). Челябинск, 2003а. С. 17–19.

Марсадолов Л.С. Изменения в приоритетах разных поколений вождей племен Алтая (по материалам больших Пазырыкских курганов) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003б. С. 81–87.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 141–156.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцова А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. СПб., 1996. Вып. 1. С. 24–32.

Мартынов А.И. Скифо-сибирское единство как историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 11–20.

Мартынов А.И. О древней государственности у народов Южной Сибири // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 28–33.

Мартынов А.И. О концепции закономерностей исторических взаимоотношений обществ древнего мира и степной Евразии // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989а. С. 148–157.

Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989б. С. 284–292.

Мартынов А.И., Абслямов М.Б. Исследование в Горном Алтае // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 248.

Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. 144 с.

Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172.

Массон В.М. К 80-летию Сергея Ивановича Руденко // Советская археология. 1965. №4. С. 237–239.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. 191с.

Матвеев А.В. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблемы происхождения сибирской коллекции Петра I // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992. С. 161–179.

Матющенко В.И. Сибирская археология в 1940–1950-е годы. Омск, 1994. 101 с.

Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск, 2001а. Т. I. 179 с.

Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск, 2001б. Т. II. 173 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.

Матющенко В.И., Швыдкакая Н.П. Михаил Петрович Грязнов. Истоки научной школы // История археологических исследований в Сибири. Омск, 1990. С. 77–90.

Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 265–287.

Мещанинов И.И. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников // СГАИМК. 1932. №1–2. С. 6–12.

Миняев С.С. К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 122–124.

Мионов В.С. К вопросу о социальной структуре населения долины Средней Катунь в скифское время (по материалам погребальной обрядности) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997а. С. 106–108.

Мионов В.С. К вопросу о реконструкции этносоциальной структуры населения долины Средней Катунь в скифское время // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997б. №2. С. 13–19.

Мионов В.С. Культура населения средней Катунь в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983а. С. 3–39.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 40–71.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983в. С. 52–89.

Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986а. С. 29–32.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986б. С. 35–67.

Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60–107.

Могильников В.А. Курган 2 могильника Карасу-II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тыс. до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 35–39.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 195 с.

Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 134–138.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура-I // КСИА. М., 1982. Вып. 170. С. 103–109.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 127–153.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. 1980. №2. С. 180–191.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48.

Молодин В.И. Надмогильные сооружения Пазырыкской культуры (к реконструкции этапов погребального обряда) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. I. С. 103–106.

Молодин В.И. Исследование в долине Бертек на плоскогорье Укок // Altaica. 1993. №1. С. 2–35.

Молодин В.И. Укок-1995 – новые находки и открытия // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1995. С. 87–89.

Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // Российская археология. 1997. №1. С. 37–49.

Молодин В.И. Культурно-хронологическая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин-II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. С. 2000а. С. 86–119.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия: Научно-популярные очерки. Новосибирск, 2000б. 192 с., ил.

Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2001. №1. С. 131–142.

Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. Исследование памятника Мойнак-2 на плоскогорье Укок // Altaica. 1993. №2. С. 21–51.

Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек-10 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994а. С. 70–76.

Молодин В.И., Мыльников В.П. Могильник Бертек-12 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994б. С. 76–88.

Молодин В.И., Новиков А.В. Исследование могильника пазырыкской культуры на плоскогорье Укок (памятник Кальджин-6) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 33–35.

Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В. Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай. Плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 121–160.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-1 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994а. С. 60–70.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск, 1994б. С. 88–94.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древние наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск, 1999. 160 с.

Муральт Э.Г. Скифские древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже // Записки Императорского Археологического общества. СПб., 1853. Вып. V.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999. 232 с.

Обручев В.А. Путешествия Потанина. М., 1953. 190 с.

Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуня. Новосибирск, 1984. 111 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. 256 с.

Пассек Т.С. Памяти Сергея Владимировича Киселева // СА. 1963. №2. С. 3–8.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. 206 с.

Плотников Ю.А. О возможности сохранения энеолитического населения Горного Алтая вплоть до раннего железного века // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 17–18.

Погожева А.П. Погребения ранних кочевников на западе Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 68–73.

Погожева А.П. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 205–206.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Раскопки поселения Кара-Тенеш в 1976 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 199–216.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) [Горн.-Алт. АО] // Археологический поиск. Северная Азия. Новосибирск, 1980. С. 92–98.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988. С. 156–189.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992. 260 с.

Полосьмак Н.В. Изображение рыбы в искусстве пазырыкской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 134–138.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // *Altaica*. 1993а. №2. С. 21–31.

Полосьмак Н.В. Птица «феникс» в искусстве пазырыкской культуры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993б. Ч. 1. С. 169–173.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994а. 125 с.

Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок // *Altaica*. Новосибирск, 1994б. №4. С. 3–10.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994в. С. 137–144.

Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины // Вопросы древней истории. 1996. №4. С. 91–96.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997. 54 с.

Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могильниках Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 337–341.

Полосьмак Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 148–151.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: «замерзшие» могилы и мумии // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000а. С. 29–44.

Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000б. С. 57–85.

Полосьмак Н.В. Мумификация и бальзамирование у пазырыкцев // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000в. С. 120–124.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001а. 336 с.

Полосьмак Н.В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2001б. №1. С. 95–102.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 66–87.

Попова И.В., Фролов Я.В., Гусельникова М.В. Алтайский государственный краеведческий музей. Музейный хронограф. 1823–1945 гг. // Краеведческие записки. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 7–58.

Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев // СЭ. 1935. №3–4.

Пряхин А.Д., Писаревский Н.П. М.П. Грязнов и разработка истории ранних скотоводческих обществ в группе по истории кочевнического скотоводства (1930–1933) // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987. Ч. 1. С. 27–29.

Пшеницына М.Н. Научное наследие Михаила Петровича Грязнова (по материалам архивного фонда ЛОИА АН СССР) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1987. Ч. 1. С. 10–14.

Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековья. СПб., 2002. Кн. I. С. 19–23.

Радлов Василий Васильевич (Фридрих-Вильгем) // Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук. Петроград, 1917. Т. 3. Ч. 2. С. 121–136.

Радлов В.В. Сибирские древности // Материалы по археологии России. СПб., 1894. №15. С. 81–132.

Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых заметок по Сибири // Записки ИРГО. СПб., 1895. Вып. 7. С. 147–216, табл.

Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). М., 1989. 718 с.

Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1993. Т. 1. 624 с.

Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 134–135.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977. 216 с.

Раевский Д.С. Из области скифской космологии (опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой могилы) // ВДИ. 1978. №3. С. 115–133.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. 256 с.

Решетов А.М. С.И. Руденко – антрополог, этнограф, археолог // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998а. С. 5–25.

Решетов А.М. Руденко Сергей Иванович // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1998б. Т. 2. С. 377–381.

Решетов А.М. Интеграция наук в научной деятельности и трудах С.А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 17–21.

Розен М.Ф. О поисковых исследовательских работах на Алтае в XVIII в. по материалам архива АН СССР в Ленинграде // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977. С. 23–26.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л. 1948. 64 с.

Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Руденко С.И. К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горно-алтайских курганов // СА. 1957. Т. XXVII. С. 301–306.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 359 с.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). М., 1961а. 68 с.

Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по отделению этнографии: Географическое общество СССР. Л., 1961б. Ч. 7. С. 2–15.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962. 52 с. + 27 табл. (САИ. Вып. 3-9).

Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968. 136 с.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Южной Сибири в скифское время // История искусств народов СССР. М., 1971. Т. 1. С. 255–275.

Руденко С.И., Руденко Н.М. Искусство скифов Алтая. М., 1949. 91 с.

Савинов Д.Г. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 49–52.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. М., 1978. Вып. 154. С. 48–55.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Соотношение социального уровня развития южно-сибирских археологических культур во 2-й пол. I тыс. до н.э. // Скифо-сибирский мир (Социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 12–16.

Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 93–96.

Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993а. С. 4–18.

Савинов Д.Г. «Ранние кочевники» в исследованиях М.П. Грязнова и современное состояние проблемы // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1993б. Ч. I. С. 76–80.

Савинов Д.Г. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4: Историческая этнография. СПб., 1993в. С. 128–135.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994а. 208 с.

Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). СПб., 1994б. С. 76–92.

Савинов Д.Г. О ритуальном назначении погребальных камер Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в культуре. СПб., 1995. С. 6–8.

Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 107–111.

Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. BEREL-БЕРЕЛ: Альбом. Алматы, 2000. 56 с.

Самашев З., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г. Раннесакские наконечники стрел из Казахского Алтая // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 155–160.

Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 159–164.

Самашев З.С., Мильников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы, 2004. 312 с.

Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы, 2001. 108 с.

Самашев З.С., Франкфорт А.-П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетибаев Ж.М., Омаров Г.К. Исследования культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998. С. 174–202.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятене. М., 1989. 240 с.

Свешникова О.С. С.В. Киселев как исследователь древних обществ: Основные этапы творческой биографии // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003. С. 139–142.

Сергей Иванович Руденко: Библиографический указатель. К 100-летию со дня рождения / Сост. В.М. Сунцова. Уфа, 1986. 26 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 360 с.

Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Л., 1987. Вып. ЛП. С. 96.

Сорокин С.С. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. 20 с.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 39–60.

Сорокин С.С. Отчет Южно-Алтайской экспедиции Государственно-го Эрмитажа о работах 1966 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной работам ГЭ за 1966 г. Л., 1967а. С. 49–51.

Сорокин С.С. Девять лет работы Южно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1967б. С. 71–74.

Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая // УЗ ГАНИИ-ИЯЛ. Барнаул, 1969а. Вып. 8. С. 71–88.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // ТГЭ. Л., 1969б. Т. X. С. 208–236.

Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. Л., 1974. Вып. 16. С. 62–91.

Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 172–191.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 23–39.

Сосновский Г.Н. Ойротская автономная область 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. С. 304–306.

Степанов Н.Н. Творческий путь С.И. Руденко // Известия Всесоюзного географического общества. 1965. Т. 97. Вып. 3. С. 294–297.

Степанова Н.Ф. Куёмский тип памятников VIII–VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 79–81.

Степанянц М.Т. Восточная философия. М., 1997. 503 с.

Степи Евразии в древности и средневековье: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002. Кн. I. 284 с.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 494 с.

Суразаков Александр Сазонович: Библиографический указатель / Сост. Л.Т. Баштыкова. Горно-Алтайск, 1998. 20 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980а. Вып. 1. С. 193–202.

Суразаков А.С. О погребальных сооружениях пазырыкцев // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980б. С. 71–73.

Суразаков А.С. Исследования у с. Куюс // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 214.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 гг. Горно-Алтайск, 1983а. С. 42–52.

Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 72–87.

Суразаков А.С. Космогонические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 66–69.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI – начале II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 22 с.

Суразаков А.С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986а. С. 3–34.

Суразаков А.С. К семантике изображений на Башадарском саркофаге // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986б. С. 23–26.

Суразаков А.С. Об отражении космогонических представлений в погребальных конструкциях южно-сибирских и центрально-азиатских племен // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987а. Ч. I. С. 39–41.

Суразаков А.С. О некоторых связанных с оружием образах пазырыкского искусства // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987б. С. 53–59.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988а. 165 с. 49 ил.

Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988б. С. 168–171.

Суразаков А.С. Об этнической интерпретации памятников пазырыкской культуры // Проблемы скифо-сибирского мира (Социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. II. С. 44–47.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990а. С. 197–200.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990б. С. 56–99.

Суразаков А.С. О некоторых проблемах изучения социальных отношений населения Горного Алтая эпохи раннего железа // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992а. С. 48–56.

Суразаков А.С. Космогония и орнаментация зеркал скифского времени // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992б. С. 49–53.

Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 25–45.

Суразаков А.С. О реконструкции мировоззренческих систем древнего населения Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 7–10.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 85–93.

Суразаков А.С. К изучению прошлых мировоззрений // История и культура народов Саяно-Алтая в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск, 1998. С. 10–13.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Памятник Кызык-Телань-I в Горном Алтае и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 191–198.

Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993 С. 3–23.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. 68 с.: ил.

Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев. Жизнь и творчество // Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 5–20.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. III. Вып. 2. С. 41–62.

Тетерин Ю.В. Демографическая ситуация в Горном Алтае в конце I тыс. до н.э. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 126–129.

Тихонов И.Л. Палеоэтнологическая школа в Санкт-Петербургском университете (этапы формирования) // Археология Сибири: историография. Омск, 1995. С. 43–67.

Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994а. С. 124–127.

Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурного наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994б. С. 46–49.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996а. С. 20–54.

Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996б. 28 с.

Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996в. С. 26–28.

Тишкин А.А. Начальный этап накопления сведений об археологических находках раннескифского времени на Алтае // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. XVIII. С. 241–250.

Тишкин А.А. И.-Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири (Краткий биобиблиографический очерк) // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000а. С. 66–72.

Тишкин А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000б. С. 210–215.

Тишкин А.А. О пребывании И.-Р. Аспелина на Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2001. С. 124–130.

Тишкин А.А. 100 лет со дня рождения известного отечественного археолога, исследователя Алтая М.П. Грязнова (1902–1984) // Страницы истории Алтая. 2002 г.: Календарь памятных дат. Барнаул, 2001. С. 22–25.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Захоронение человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 114–117.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат. междунар. симп. Новосибирск, 1998а. Т. I. С. 581–591.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Место коня в погребальной традиции пазырыкцев // Интеграция археологических и этнографических исследований: Мат. VI междунар. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск; СПб., 1998б. Ч. 2. С. 103–105.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конем в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск, 1998в. С. 16–19.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация населения Горного Алтая скифской эпохи (по материалам исследований 1960–1990-х гг.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 134–149.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Лыжникова О.Г. Научная деятельность С.И. Руденко как опыт комплексного подхода в археологических и этнографических исследованиях // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000. С. 110–112.

Тишкин А.А., Майчиков О.В. Результаты обследования археологических памятников близ устья р. Бийке // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 86–89.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Деятельность Н.С. Гуляева в Обществе любителей исследования Алтая (1891–1902 гг.) // Гуляевский чтения. Барнаул, 1998. Вып. I. С. 124–130.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Путешествия Н.С. Гуляева в «Киргизскую степь» // Алтайский архивист: информационно-методический бюллетень. Барнаул, 2000. С. 18–23.

Тишкин А.А., Шмидт (Лыжникова) О.Г. Воспоминания С.И. Руденко о своем учителе – Федоре Кондратьевиче Волкове // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 16–19.

Тишкина Т.В. Некоторые проблемы организации изучения археологических памятников Алтая в 1860–1920-х гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 27–30.

Тишкина Т.В. Деятельность АО РГО в 1924–25 годах в связи с приездом на Алтай С.И. Руденко и М.П. Грязнова // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 191–193.

Тишкина Т.В. Гуляев Степан Иванович (28 июля 1806 – 14 мая 1888) // Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: Биобиблиографический словарь. Барнаул, 2000а. С. 70–72.

Тишкина Т.В. Степан Иванович Гуляев (1806–1888 гг.) // Наука, культура, образование. 2000б. №6/7. С. 26–27.

Тишкина Т.В. Менье // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000в. С. 183–184.

Тишкина Т.В. Николай Степанович Гуляев (1851–1918 гг.) (первая половина жизненного пути) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 134–145.

Тишкина Т.В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул, 2004. 312 с.

Токарев С.А. Рец. на работу С.В. Киселева // СЭ. №3. 1950.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. 622 с.

Торчинов Е.А. Религиозные учения Востока // История религии: Лекции, прочитанные в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1998. С. 6–51.

Тур С.С. Об уралоидном компоненте в антропологическом составе населения Горного Алтая скифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 203–205.

Тур С.С. Антропологический состав населения Средней Катунь скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003а. С. 137–169.

Тур С.С. Современные потомки носителей пазырыкской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003б. №10. С. 141–151.

Уманский А.П. Археологические раскопки К.Ф. Ледебура в Горном Алтае (1826) // УЗ ГАНИИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1964. Вып. 6. С. 35–52.

Уманский А.П. Безмолвные стражи алтайских степей // Алтай: Альманах. Барнаул, 1966. №2 (37). С. 93–116.

Уманский А.П. Итоги археологических исследований на территории Алтайского края за 50 лет Советской власти // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. Барнаул, 1969. Вып. 10. С. 84–107.

Уманский А.П. Первые сведения о юго-западных районах современного Алтайского края в русских документах // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 1999. С. 66–72.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. 320 с.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. 128 с.

Фролов Я.В. Археологическая и этнографическая коллекция Барнаульского музея в XIX в. // Краеведческие записки. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 57–66.

Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. №2. С. 139–140.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. 344 с.

Хронологический перечень трудов В.В. Радлова и литература о нем (составлен Н.А. Дулиной) // Тюркологический сборник-71. М., 1972. С. 261–277.

Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 87–89.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Археологические исследования на могильнике Кок-Эдиган // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 310–313.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Система жизнеобеспечения у населения Средней Катунь в скифское время // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: теория, методология, практика. Томск, 1998а. С. 147–150.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1998б. Т. IV. С. 374–378.

Худяков Ю.С., Миронов В.С. Раскопки курганов пазырыкской культуры на памятниках Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1998. Т. V. Новосибирск, 1999. С. 537–541.

Худяков Ю.С., Мороз М.В. Раскопки Куёмского могильника Е.М. Берс в 1969 году // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 158–161.

Цыб С.В. Возникновение «теории стадиальности» в советской археологической науке // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1988. С. 172–188.

Черемисин Д.В. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат. междунар. симп. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 609–614.

Черемисин Д.В., Запороженко А.В. «Пазырыкский шаманизм»: артефакты и интерпретации // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 30–32.

Чернецов В.Н. Рец. на работу С.И. Руденко: Культура населения Горного Алтая в скифское время // СЭ. №2. 1954. С. 183–187.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. 189 с.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 132–136.

Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 157–174.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1996. С. 249–252.

Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 314–320.

Чикишева Т.А. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности (от эпохи неолита до нашей эры) // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат. междунар. симп. Новосибирск, 1998. Т. I. С. 631–643.

Чикишева Т.А. Антропология носителей пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000а. С. 35–49.

Чикишева Т.А. Антропологическая характеристика мумий // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000б. С. 188–199.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000в. С. 139–148.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000г. №4. С. 107–121.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2001. №1. С. 107–121.

Чикишева Т.А. Особенности зубной системы ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2002. №1. С. 149–159.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997. 98 с.

Чугунов К.В. Датировка больших пазырыкских курганов. Новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 167–169.

Шевченко О.В. Начало творческого пути М.П. Грязнова: исследование истории ранних кочевников // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992. С. 78–84.

Шер Я.А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 338–347.

Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 1998. Вып. 2. С. 218–230.

Шерстова Л.И. Индоиранская основа мировоззрения ранних кочевников Саяно-Алтая (по этнографическим материалам) // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 80–82.

Шульга П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 20–23.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир (Социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. II. С. 41–44.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические, фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.

Шульга П.И. Поселение Элекмонар-4 на Средней Катунь // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 59–75.

Шульга П.И. Поселение Чепеш-2 на Средней Катунь // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.

Шульга П.И. О сакском влиянии на Алтай в раннескифское время // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997а. С. 193–196.

Шульга П.И. «Индийские» зеркала и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 144–148.

Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат. междунар. симп. Новосибирск, 1998а. Т. I. С. 702–712.

Шульга П.И. Курганы кара-кобинского типа на реке Урсул // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998б. С. 272–278.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999а. С. 245–250.

Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999б. №4. С. 82–91.

Шульга П.И. Погребально-поминальный комплекс скифского времени на р. Сентелек // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000а. С. 215–218.

Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время: Пятое исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000б. С. 148–150.

Шульга П.И. Третий тип погребений пазырыкской культуры // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 98–102.

Щербатский Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.

Элиаде М. Шаманизм. М., 1998. 384 с.

Эрлих В.А. Творческие интересы М.П. Грязнова: некоторые статистические данные // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1993. Ч. I. С. 102–106.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // ТИАО. 1883. Т. 9. С. 181–205.

Яценко С.А. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 154–158.

Aspelin I.R. Antiquite du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877. 150 p.

Azarpay G. Some classical and near eastern motifs in the art of Pazyryk // Artibus Asia Institute of Fine arts. New-York, 1959. Vol. XXII. P. 313–339.

Azarpay G. Desining the body: human proportions in achaemenid art // Iranica antiqva. Leiden, 1994. Vol. XXIX. P. 169–184.

Bunker E.C. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Notes in the history of art. 1991. №4. Vol.10. P. 20–24.

Derev'anko A.P., Molodin V.I. The Russian-Japanese «Pazyryk» programme of the first year of joint stachies // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Jairnal of Compurative studies in History and Archaeology. Netherlands, 1994. Vol. 1. №3. Desember. P. 307–311.

Библиографический список

Devries K. Gordion // Expedition. The magazine of the University of Pennsylvania. 2000. Vol. 42. №1. P. 18–21.

Hancrr F. Altai – Skufhen and Schamanismus // Actes du ive Congres international des sciences anthropologiques et ethnologiques. Vienne, 1952. Vol. 2. P. 183–189.

Hancrr F. The eurasian animal style and the Altai complex. Artibus Asiae. 1952. V. XV.

Haskins G.F. China and Altai // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 1988. Vol. 2. P. 1–9.

History of civilizations of Central Asia. Volume II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. Paris, 1994. 573 p.

Jettmar K. The Altai befor the Turks. The Museum of far eastern antiquity. Stockholm, 1951. Bull. 23.

Jettmar K. Art of the Steppes: the Eurasian Animal Style. L., 1967.

Molodin V.I. Archaeological reseaches an the Ukok Plateau (Gorny Altai, Russia in the Summer of 1991) // Antiquity. 1992. Vol. 66. №253. December. P. 930–933.

Schiltz V. Histoires de kourganes: La redϙcouverte de Lϙordes Scythes: Gallimara, 1991.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ (АлтГУ)** – Алтайский государственный университет.
АККМ – Алтайский краевой краеведческий музей (ныне АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул).
АН – Академия наук.
АО – Археологические открытия.
АО РГО – Алтайский отдел Русского Географического общества.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПИ – Барнаулский государственный педагогический институт (ныне БГПУ – Барнаулский государственный педагогический университет).
БКМ – Бийский краеведческий музей.
ВА – Вопросы антропологии.
ВАН СССР – Вестник Академии наук СССР.
ВДИ – Вестник древней истории.
ВИ – Вопросы истории.
ВМГУ – Вестник Московского государственного университета.
ВФ – Вопросы философии.
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (потом ГАИГИ, ныне Институт алтаистики им. С.С. Суразакова).
ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).
ГРМ – Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург).
ГЭ – Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург).
ЗРАО – Записки Русского археологического общества.
ЗРГО – Записки Русского географического общества.
ЗСО РГО – Западносибирское отделение Русского географического общества.
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР.
ИАК – Известия Археологической комиссии.
ИАН КазССР – Известия Академии наук Казахской ССР.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения академии наук.

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень).

ИРАО – Известия Русского археологического общества.

ИЭ АН СССР – Институт этнографии Академии наук СССР.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.

ЛАЭИА АГУ – Лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет (ныне – Санкт-Петербургский университет).

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая АГУ.

МАР – Материалы по археологии России.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии.

МИА – Материалы по археологии СССР.

МЭ – Материалы по этнографии.

НАА – Народы Азии и Африки.

ОАК – Отчет Археологической комиссии.

РА – Российская археология.

РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры.

РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.

РГО – Русское географическое общество.

РЭМ – Российский этнографический музей (бывший Государственный музей этнографии народов СССР).

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.

СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.

СНВ – Страны и народы Востока.

СЭ – Советская этнография.

ТАН ТССР – Труды Академии наук Таджикской ССР.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

ТЗС – Труды по знаковым системам.

ТИАО – Труды императорского археологического общества.

ТИИ АН ТССР – Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР.

ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

ТИЭ АН СССР – Труды Института этнографии Академии наук СССР.

ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

УЗ ГАНИИИЯЛ – Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

УЗ ЛГУ – Ученые записки Ленинградского государственного университета.

УЗ МГУ – Ученые записки Московского государственного университета.

ЭО – Этнографическое обозрение.

A.A. Tishkin, P.K. Dashkovskii

**THE MAIN ASPECTS OF THE ALTAI
SCYTHIAN EPOCH STUDIES
(educational manual)**

SUMMARY

Preface

The Scythian Epoch embraces the period when on the vast territory of Eurasia numerous ancient tribes went over to the nomadic and semi-nomadic steppe cattle-breeding economy, having created their special structure, way of life, specific complex with the articles of the material culture, unique art, system of world outlooks, relations, etc. (Grjaznov M.P., 1978)

The process of the Scythian culture formation on the vast territory started at the end of the Bronze Age when many peoples, influenced by natural and geographical, social and economic, and historic reasons, turned to the new form of producing economy – extensive cattle-breeding economy (Tairov A.D., 1993, p.3; 2003), concurrently exploring considerable spaces of steppes, semi-deserts and deserts. In various regions (or cultural and historical provinces) a specific variant of the complex management takes its shape, depending on the mobile life of people and the shift of live-stock in order to make the annual use of convenient pastures rational. At the same time such activities as hunting, fishing, collecting and others are being broadly developed (Tishkin A.A., Dashkovsky P.K., 1998, p. 581–582).

The history of scientific studies on the Altai Mountains Scythian epoch already runs to a century and a half. The stored materials allowed the experts both to consider cultural and chronological problems and to reconstruct social and economic relations, demographical situations in different societies, way of life, occupations as well as the system of religious and mythological conceptions together with the ideological conceptions of those remote times.

The present manual consists of two parts. The first part is dedicated to the detailed review of the principal works and conceptions on the cultural development of the Altai population within the Scythian period, which were worked out by the representatives of home as well as foreign Scythian studies. This material is enriched by stating individual theses extracted from author conceptions on life and activity adopted among people of the Byjkenk and Pasyryksk cultural traditions, taking into account the historical processes in

which the inhabitants of the Altai Mountains were involved. Besides, the biographical information on the researchers, having contributed to the study of the Altai Scythian archaic character is first to be cited in this work.

The second part of the manual is a reader, which contains the basic texts on history of the Scythian Epoch study in the Altai and its contiguous territories, and is intended for an extensive use in the educational and research process.

It is necessary to point out the illustrative section of the manual, which is an organic supplement to its contents. The pictures give notion about the most characteristic features of the material culture and art of the Altai nomadic people. The special highlight received the maps with the indication of the monuments location and the location of the territory in the Altai and the nearest regions, where the Scythian cultures were widely practiced.

The manual lists a considerably large bibliography on various aspects of the suggested topics, both in the Russian language and the West European languages as well. Meanwhile, the authors did not pursue the aim of giving a comprehensive reference material, which would hardly fit that kind of edition.

The primary consideration in both parts of the manual has been given to the problems of the ethnocultural history, the reconstruction of social and economic process along with the ideological system.

It is expected that this educational manual will satisfy on the one hand the needs of the scientific community to expand the knowledge about the results on the cultural study of the Altai Mountains population in IX–II B.C., whereas on the other hand – the needs of the trade and higher educational systems to develop the related course, the materials and information of which may be used by the school students from specialized classes of lyceums, gymnasias as well as by university students and postgraduate students when doing their own research work.

The authors would like to express special gratitude to Kubarev V.D., Marsadolov L.S., Mogilnikov V.A. and Savinov D.G., whose biographical materials were most helpful in the compilation of this edition, they also can be found.

Section I. The Initial Stage in the Compilation of the Material on the Altai Scythian Epoch.

The main consideration of this section is given to the investigation history of the Altai archeological monuments during the Scythian epoch in XVIII-early XX cc.. At that time the study of the Scythian archaic character was highly connected with the work of the members of scientific expeditions and travelers (Messerschmidt D.G., Miller G.F., Gmelin I.G., Pallas P.S., Falk I.P., Ledebur K.F. and others), regional studies researchers (Frolov P.K., Guljaev S.I., Guljaev N.S., Adrianov A.V. and others), with the work of such noted researchers as: Spassky

G.I., Radlov V.V., and Yadrintsev N.M.. As a result diverse collections of ancient articles were stored, including the renowned Siberian collection of Peter I with the works of art, performed in a Scythian and Siberian savage style. In addition, some monuments of the Pazyryksk culture, among which are the famous barrows – Katanda and Berel, were excavated.

The compiled materials gave the researches, and first of all Radlov V.V., the opportunity to characterize some specific aspects in the culture of the Altai population within the Scythian Epoch, making the most of the data from written sources, ethnography and natural sciences.

Section II. The Results of the Research on the Altai Scythian Epoch Study, carried out by Gryaznov M.P., Kiseljev S.V., Rudenko S.I. and Sorokin S.S.

The second section presents the key trends in the scientific work of such well-known Soviet researchers as Grjaznov M.P., Kiselev S.V., Rudenko S.I. and Sorokin S.S. The researchers were able to trace unique complexes of the Scythian Epoch – Pazyryk, Bashadar, Tuekta, Kok-Su and the rest. The data received after the collected materials had been systematized, processed and analyzed was entered into numerous articles, monographs that have retained their value up to the present time.

Considering the archeological materials on the Altai and the contiguous territories, Grjaznov M.P. worked out the conception roughly titling it as “the epoch of early nomads” (VII B.C. – I A.D.). Later on he singled out the three stages in the development of the Scythian and Siberian Cultures during VII–III B.C.

RUĐENKO S.I. did an essential contribution to the study of the monuments originated within the Scythian Epoch in the Altai Mountains. In several of his monographs the researcher, applying the interdisciplinary approach gave an in-depth characteristic of the ethnocultural situation in the region, accentuated the peculiarities of social and economic relations, economic activities of the nomads, together with the most distinctive features of their religious and mythological system and those of the cult practice. These aspects were discussed by Kiselev S.V. and Sorokin S.S., who to the existing factual materials added the results of their own excavations in the barrows of the common nomads. This information advanced the study of some points in history of the Altai nomadic culture.

Section III. The Description of the Conceptions on the Altai Scythian Epoch Developed by the Modern Researchers

The third section includes the description of the main approaches and trends in the study of the cultural monuments in the Altai Scythian Epoch performed by the following scientists: Kubarev V.D., Marsadolov L.S., Mogylnikov V.A., Polosmak N.V., Savinov D.G. and Surazakov A.S. Taking into account the results

of their excavation works along with the previously compiled materials, the researchers came up with the conceptions, diverse in their contents, chronological and ethnocultural by character, on social, economic, political, religious and mythological development in the culture of the population within the region. The researchers give the primary importance to history, discovery and investigation of the Scythian monuments, state such problems as the study of the Pazyryksk society art, the development of methodology and methodical techniques to accomplish the Paleosocial and ideological reconstructions.

A special emphasize should be laid upon the data and materials of natural sciences applied by the archeologists, who due to that were able to obtain additional information about life and activity of the Altai ancient population.

Section IV. The Main Tendencies in the Study of the Altai Scythian Monuments.

This section reveals the main tendencies in the study of the Altai Scythian monuments in XX c. The analysis of the cultural and chronological conception on the Altai Mountains nomadic cultural development shows that the present problem is yet to be solved.

The Scythian Epoch in the Altai Mountains embraces two large successively interchanging, chronological periods: early Scythian Epoch – IX–VI B.C. and Pazyryksk (Scythian) Epoch – VI–II B.C. Within the first period it is common to point out the Bijkensk (Central Altai) and the Majemyrsk (Western Altai) cultures. The second historical period is brought by the researchers into correlation with the monuments of the Pazyryksk culture.

One of the problems, being profusely discussed in science, is connected with the study within the social structure of cattle-breeders. Already in late 80-s and especially in early 90-s a quite new attitude towards the nomadic societies, including the Pazyryksk one emerged, placing these societies as more complex social systems, in which several structures cooperate: sex and age, family and marriage, trade, property, class division, religion and mythology.

The basic works on the reconstruction of the religious and ideological conceptions inherent in the Altai nomads of the Scythian Epoch imply that the majority of the researchers acknowledge the syncretism of the nomadic religion, the main components of which are the elements of the shamanism and a complex of Indo-Iranian religious and mythological conceptions and rituals.

It should be noted that a lot of questions concerning the study of the Pazyryksk religious and mythological, ideological system still remain undecided, involving the question on the main components of this system and

the range of their influence on its genesis. There are many mythological plots, rituals and creeds to be given the proper consideration and study to. Yet, there is an acute problem pertaining to the development of the methodological basis for further researches in the indicated sphere.

Conclusion

The materials about history of the Altai population development within the Scythian Epoch reveal that the alteration in the scientific conceptions regarding the culture of cattle-breeders in this region was influenced by two major factors. Firstly, the study of the subject-problem was objectively conditioned by the process of compiling the factual materials, its initial processing and systematizing. Secondly, the interpretation of the obtained results and the specific historical reconstructions in the economy, way of life, religion, ideology and other, that took place in the nomadic society, were closely interwoven with the peculiarities of the progress in archeological science occurring throughout the history of this country.

It should be mentioned that some of the related problems were intentionally only touched upon. To these may be referred the study of the nomadic material culture, features of their life and economic activity, etc. Such situation is determined by the authors' intention to demonstrate only general tendencies and approaches in the study of the Altai Scythian archaic character and not to introduce a comprehensive history of studies on all the cultural aspects within the region in late IX–II B.C. This amount of work is yet to be done in the process of further scientific researches.

We hope that this manual will prove to be useful not only to young researchers of the ancient Altai but also to the recognized scientists, having already contributed to the investigation of some problems within home as well as foreign Scythian study.

Учебное издание

Алексей Алексеевич Тишкин,
Петр Константинович Дашковский

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ АЛТАЯ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

На обложке: иллюстрации из каталогов выставок
Государственного Эрмитажа «Золотые олени Евразии»
(СПб., 2001) и «SIBERIA: Gli uomini dei fiumi ghiacciati» (Electa, 2001)

Изд. лиц. ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 24.05.2004. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,1.
Тираж 500 экз. Заказ 234.
Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Типография Некоммерческого партнерства «АзБука»:
656049, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а